

Щеглов Виктор Васильевич
Продолжение поединка

Проект "Военная литература": militera.lib.ru

Издание: Щеглов В. В. Продолжение поединка. — М.: ДОСААФ, 1985.

OCR: Андрей Мятишкин (amyatishkin@mail.ru)

Правка: Сергей Дунаев

Дополнительная обработка: Ноахер (hoaxer@mail.ru)

{1}Так помечены ссылки на примечания. Примечания в конце текста

Щеглов В. В. **Продолжение поединка**: Повесть. — М.: ДОСААФ, 1985. — 263 с. — Тираж 100000 экз.
Цена 90 к.

Аннотация издательства: В книге рассказывается о воспитанниках аэроклубов, известных летчиках — Героях Советского Союза Г. Александрове, Ю. Балабине, И. Джинчарадзе, А. Матикове, А. Рогожине и других. В годы Великой Отечественной войны они храбро сражались в районах Демянска и Курска в составе 673-го штурмового авиационного полка, впоследствии удостоенного звания гвардейского.

1	Слово к читателю.....	2
2	Начало поединка.....	3
3	Время полета истекло.....	6
4	На своем «иле».....	12
5	Черт и Геббельс.....	20
6	«Собьют или не собьют?».....	23
7	Первые потери.....	27
8	А жизнь идет.....	32
9	Комкоры.....	39
10	«Долго будешь жить, летчик».....	44
11	Прощай, Северо-Западный!.....	51
12	Здравствуй, Москва!.....	55
13	Прерванный полет.....	57
14	Обстрел под Старобельском.....	61
15	Мины под колесами.....	66
16	Затишье.....	70
17	Летчик в старом реглане.....	74
18	Дерзкая атака.....	77
19	Ах, Женя, Женя!.....	80
20	Первая награда.....	82
21	«Береги себя».....	84
22	Вынужденная посадка.....	87
23	С корреспондентом на разведку.....	92
24	Ночной налет.....	100
25	По ком плачет чибис?.....	104
26	Удар по «тиграм».....	109
27	Минуты риска.....	110
28	Один на один.....	114
29	«Обнаружить и уничтожить».....	118
30	Схватка с «мессерами».....	121
31	Потери.....	124
32	«Как будем жить?».....	126
33	И такое бывало.....	129
34	Танцующий конь.....	133
35	Повторение подвига.....	137

36	В водах Днепра.....	142
37	Встреча со счастьем.....	146
38	Телеграммы для Героя.....	148
39	Примечания.....	151

Слово к читателю

Особая, не стареющая память у фронтовиков. Время неумолимо ведет свой счет прожитым годам, но достаточно перелистать фронтовые блокноты и заглянуть в старые полетные карты — и от воспоминаний уже не уйти. Память возвращает к полевым аэродромам, друзьям-летчикам, с кем довелось не раз встречаться во время войны.

Мне, военному корреспонденту газеты «Крылья победы» 2-й воздушной армии, приходилось часто бывать в 673-м (142-м гвардейском) штурмовом авиаполку и не только писать о боевых делах летчиков, но и летать с ними на боевые задания в качестве воздушного стрелка. Я был свидетелем знаменитых «вертушек», когда под зенитным огнем летчики замыкали круг над целью и делали по пять-шесть атак.

Беспокойная память возвращает меня к совместным полетам с заместителем командира эскадрильи Алексеем Рогожиным, к которому я сразу проникся особым уважением за храбрость, когда в боевом вылете ведомая им группа «илов» сделала девять заходов на танковую колонну. Я был благодарен летчику за то, что он поверил в меня и взял на такое ответственное задание.

Алексей Рогожин в том знаменательном бою подавал мне короткие команды по СПУ. Но даже в критические моменты у него ни разу не дрогнул голос.

Читая повесть «Продолжение поединка», я встретился с ее героями, известными мне летчиками Героями Советского Союза: Г. П. Александровым, П. Ф. Алексеевым, Ю. М. Балабиным, И. К. Джинчарадзе, А. П. Матиковым, Н. Т. Носковым и А. Ф. Рыбаковым.

Влюбленный в авиацию, автор повести Виктор Щеглов сам закончил Тульский аэроклуб ДОСААФ, в котором перед войной учился ее главный герой Алексей Рогожин. Уместно напомнить, что воспитанниками этого аэроклуба были дважды Герои Советского Союза Б. Ф. Сафонов, И. А. Воробьев, Герои Советского Союза А. Т. Дворников, С. Ф. Долгушин, В. А. Орехов, Н. П. Ключев, В. Д. Зайцев, Н. Ф. Худяков и многие другие прославленные летчики, работала инструктором Герой Советского Союза В. С. Гризодубова.

В книге действуют, а проще говоря, живут, думают, страдают, любят, ненавидят, воюют десятки реальных людей. Это командиры и рядовые авиации. Запоминаются девушки-оружейницы, механики и техники, которые, не жалея сил, делают все, чтобы летчики вовремя ушли в полет. Трудно ждать на аэродроме своих товарищей, улетевших на боевое задание. Не все из них возвращались. Некоторые, как Г. А. Александров, И. К. Джинчарадзе, Б. П. Синенков направляли свои горящие машины на зенитные батареи и танки врага.

Показаны в повести и авиационные военачальники — командир первого штурмового авиакорпуса генерал-лейтенант В. Г. Рязанов и командир первого истребительного авиакорпуса генерал-лейтенант Е. М. Белецкий, которые вдохновенно и творчески относились к выполнению своего воинского долга.

Безусловно, обо всех и обо всем невозможно рассказать, но надо отдать должное автору, что он постарался донести до читателя атмосферу боевой обстановки, в которой приходилось действовать нашим летчикам, показать трудности и лишения, с какими им пришлось столкнуться и с честью их преодолеть.

Тепло рассказано и о любви главного героя, который в настоящее время проживает в г. Туле вместе со своей боевой подругой Евгенией Ильиничной, и у них растут внуки.

Герой Советского Союза гвардии полковник в отставке Алексей Арсентьевич Рогожин ныне ответственный секретарь тульской секции Советского комитета ветеранов войны, заслуженный работник культуры РСФСР, ведет большую общественную работу, часто выступает перед молодежными коллективами с лекциями и докладами на военно-патриотические темы. Несмотря на возраст, он полон энергии, сил и вдохновения. Жизнь его — пример истинного патриота, для которого судьба Родины превыше всего.

Повесть проникнута духом боевого авиационного романтизма и сыграет определенную роль в деле патриотического воспитания молодежи. Ее с интересом прочитают и ветераны, и молодые люди, мечтающие найти свой путь в авиацию.

Хочется приветствовать выход этой книги и пожелать автору дальнейших творческих удач.

Владимир СТЕПАНЕНКО

Начало поединка

Густой заснеженный лес остался позади. Дорога, на которую вышли летчики, была загромождена разбитыми санитарными машинами. В морозном воздухе остро пахло взрывчаткой и горелым железом. Везде, над всей округой, до самого западного горизонта, затянутого дымной мглой, за островками молодых деревьев, будто в страхе убежавших от лесного массива и притулившись здесь, в низине, угадывалась тревога. Она усиливалась тем, что сюда докатывался гул артиллерийской канонады, слышалось стрекочущее, неровное тарахтение мотора.

Летчики остановились, огляделись. Алексей Рогожин, широкоплечий, подтянутый, в солдатской шапке набекрень, уже заметил, как из-за крутых заносов, пофыркивая дымком, показалась крытая полуторка с большим красным крестом на выцветшем брезенте.

Георгий Белов, большой, неторопливый в движениях, поскользнулся на заметном раскате и, подтянув лямку вещмешка, остановился у края дороги. Марыгин и Лобанов топтались рядом, озябшие, они тоже глядели на приближавшуюся машину.

— Ну, асы... Чего носы повесили? Держите высоту! Посадка еще не скоро, — подбодрил товарищей Алексей. — Лучше посмотрите туда... Что там фашисты натворили... Неужели не видели санитарные кресты?

— Где же люди? — тихо спросил Марыгин, всматриваясь в разбитые машины.

Рогожин надвинул шапку ниже, поправил светлую прядь волос и кивнул в сторону громыхавшей полуторки.

— А вон и люди.

Что-то изменилось в воздухе, даже тарахтение мотора стало тише. И как будто потемнели снега. Но в небе было безоблачно. По-прежнему слепило солнце, мела поземка. И тогда все увидели, что полуторка замедлила ход и кто-то, высунувшись из кабины, прокричал: «Воздух! Ложись!» А сверху, точно из-за солнца, рос, давил на землю до звона в ушах вибрирующий вой.

Из машины кубарем выкатились люди и, ломая хребты сугробов, бросились в сторону от дороги. Пробежав десяток шагов, они упали лицом вниз и неподвижно застыли на искрящемся снегу.

Запрокинув голову, Рогожин смотрел, как, сверкая остеклением кабины, на них почти отвесно пикировал «мессершмитт». «Не падать! Только не падать! — приказал себе Алексей. — Площадь попадания в лежащего увеличится». И срывающимся голосом прокричал об этом и своим товарищам, и санитарам, и шоферу.

Он стоял, широко расставив ноги, в смерзшихся ботинках, в короткой не по росту шинели. Товарищи его кто где ничком лежали в колеях, над их спинами горбатились тощие вещмешки.

Зубы Алексея выбивали дробь. Все тело просило, требовало: «Прячься, прячься! Заройся в снег!» Но он как будто занемел. Оглушающие вой и грохот промчались над ним. Пушечно-пулеметная трасса бросила в лицо снег и крошево земли.

Алексей чуть присел, поворачиваясь вслед за набирающим высоту «мессершмиттом». На его фюзеляже успел различить оскаленную звериную пасть. И вдруг закричал, затряс кулаками:

— Ну, сволочь! Мы с тобой еще встретимся!

А «мессершмитт», сделав боевой разворот, опять нырнул к дороге и ударил из пушек. Выходя из пикирования, он накренился, и Алексей увидел смеющееся лицо немецкого летчика.

Сделав горку, самолет исчез за вершинами деревьев, и когда поутих рев его двигателя, из кузова санитарной машины донесся исторгнутый болью стон.

— Подъем! А ну, подъем! — крикнул Алексей своим товарищам. — Бегом за мной к машине. Там раненые.

Полуторка накренилась, осела на пробитую шину, из-под ее капота струйками выходил дым. Отряхнув снег, к ней уже спешили пожилые, в мятых грязных халатах, в съехавших набок шапках два санитар и шофер.

Первым подбежал легкий на ногу Рогожин, заглянул через задний борт в кузов, где лежали вповалку несколько раненых. Один из них с размотанным на голове бинтом, путаясь в нем, цеплялся за стойку кузова, слепо вытянув перед собой окровавленную руку, кричал хриплым, рвущим душу голосом. Сверху над ним, через рваные пулевые отверстия в брезенте, прорывался нежно-розовый солнечный свет.

Один из санитаров неловко и тяжело занес ногу за борт, перевалился в кузов. Осмотрев стонущего раненого, быстро поправил бинт на его голове. Стоя на коленях, он оглядел неподвижные тела остальных, спешно потрогал их, пощупал пульс и неожиданно поднял сжатый кулак, погрозил в небо:

— Ну, фашист, придет и твой черед... Скорей давай сумку, Иваныч, перевяжем живого. — Шмыгнув носом, под которым топорщились заиндевелые усы, глухо произнес: — Один только остался. А остальные уж там... Им не надо...

Его напарник, сухой, со впалыми щеками пожилой боец, молча стянул с головы шапку. Глядя на него, сняли шапки и летчики, шофер бросал на дымящийся мотор хрупкие комья снега, ругался.

Алексей с непокрытой головой стоял у кузова машины и впервые ощутил тяжкую значимость всего происшедшего, перед чем надо обнажать голову.

А санитар, перевязывая руку стонущему раненому, говорил:

— Успокойся, сынок. Тут этих бандюг хватает. И хоть бьют их наши, а они все шкoдуют и шкoдуют. Редкий рейс без них обходится.

И точно в подтверждение сказанному, в небе снова возник рокочущий звук мотора. Он приближался, становясь все мощнее, в него изредка вплеталось дробное таканье пулеметов. От полуторки тянуло едким дымом горелого масла. Шофер с бледным решительным лицом подскочил к летчикам.

— Тикайте, хлопцы... Вин опять чешет. — И бросился через обочину под кромку сугроба.

— Стойте! — крикнул Алексей. — Стойте! Я же говорю, так ему будет труднее попасть в нас.

— Стой, если жить надоело, — ворчливо отозвался шофер, зарываясь в снег.

Санитары последовали его примеру. Товарищи Алексея неуверенно посматривали на него, поглядывали в небо. Алексей тоже посмотрел и, щуря свои отчаянные глаза, неожиданно веселым голосом произнес:

— Вон они летят.. Над лесом. — Помолчал, всматриваясь, и улыбнулся счастливой детской улыбкой. — Да это же наши орелики гонят его, гада.

Первым, трусливо прижимаясь к земле, промчался плоский «мессершмитт» со звериной мордой на фюзеляже, а следом, сотрясая воздух пулеметными очередями, гнались два «яка».

В это радостное мгновение для всех, кто стоял или лежал на дороге, не было роднее, желаннее этого победного рева моторов наших истребителей.

Когда самолеты исчезли в лучах низко стоявшего солнца, Алексей сказал:

— Хотел бы я видеть, фашист, как ты теперь улыбаешься. Очумел, видать, от страха и рвешь когти на бреющем.

Поднялся заинтересованный этими словами шофер, отряхнулся от снега, спросил уже не по-украински, а по-русски:

— А вы откуда и куда, сынки?

— Да мы, бать, летчики, идем в свою часть.

— Выходит, и вы... эти самые, «ястребки»?

— Нет, — значительно поправил его Алексей, — мы — штурмовики.

— Вон что, — протянул шофер, с уважением глядя на летчиков и обернувшись к подошедшим санитарам, пояснил им, кто такие эти ребята и куда лежит их путь.

— Ну, в добрый час, летуны... — сказал усатый санитар. — Идите, встречайте своих. Они давеча туда, — он глазами показал на запад, — низко пролетели. Говорят, этих штурмовиков гитлеровцы боятся пуще дьявола.

— А как же вы? — спросил Алексей, кивая на поврежденную машину.

Шофер махнул рукой.

— Нам не привыкать. Поедут еще машины следом, подберут, — вздохнул он, с тоской глядя на изрытую дорогу, — а мы пока этих, — он кивнул на кузов, — земле предадим.

Алексей проследил за его взглядом и тут только заметил лежавшие возле сторевавших, уже заметенных снегом машин, человеческие тела.

— Все тут остались, — сказал второй санитар. — Как шли три машины, так все тут и остались. И раненые, и наш брат, санитар. Только мы вот, благодаря ей, — он кивнул на полуторку, — застряли в лесу и долго выбирались, а их тут налетело... Глянь, сколь воронок-то накопили. — Он поднял полу халата и достал из кармана телогрейки кiset, бумагу и непослушными пальцами стал свертывать сигарку. — Должно, шли по другому делу, а тут мы подвернулись. Ну и надумали покуражить ся, пошкодить, как псы собачьи, над беззащитными... Вот, смотрите, запоминайте дела фашистов, злей воевать будете.

Летчики стояли, глядя на загроможденную машинами дорогу, испятнанную черной, развороченной взрывами землей, и в душе у каждого поднималось еще неосознанное, по-юношески яростное, неумное желание схватиться с врагом сейчас же, сию минуту, — и мстить ему, мстить за все: и за эту дорогу, как рваная черная рана, лежавшую среди снежной белизны, и за разбитые, изувеченные машины, главное, — за этих погибших людей. Вдруг из кузова полуторки донесся крик, тот, от которого вздрагивает и взрослый, точно младенец умирающий зовет его, ищет у него спасения. Летчики подвинулись к машине, притаили дыхание.

В кузов быстро залезли оба санитары, но раненый уже вытянулся, затих. Устало сторбившись, два пожилых человека сели на борт, помолчали, потом медленно встали, слезли на дорогу. Летчики с нетерпеливым ожиданием смотрели на них, и когда усатый санитар поднял лицо, они увидели его почти белые от сдерживаемых скупых слез глаза, и что-то такое скорбное плескалось в них, чего они не могли понять.

— Идите, — сказал санитар. — До ваших недалеко. Верст пять будет, не боле.

И Рогожин с товарищами пошли гуськом, куда указал санитар, неся в своей душе и печаль, и горечь от боли, лежавшей в ней непреклонно и тяжело, как камень.

Время полета истекло

Спустя час они остановились у штабной землянки. Над заметенным ее накатом курился желтоватый дымок. Недалеко от опушки, за колючей метельной мглой, виднелись горбатые силуэты штурмовиков. Короткие шинели подбивал ветер, запорашивал снегом обмотки, солдатские ушанки, красные сержантские треугольники на петлицах.

Взглянув на своих спутников, Алексей грустно улыбнулся: у Лобанова, Марыгина и Белова потемнели лица, на висках заиндевели волосы. Еще бы: от станции Пено до аэродрома Баталы протопали больше десяти километров. Пристукивая застывшими ногами, летчики подмигивали друг другу, улыбались.

— Ну, асы, как будем докладывать? Ввалимся толпой или пошлем представителя?

— Вот ты и представляй, — обрадованно сказал Марыгин, с тонкими чертами лица и живыми насмешливыми глазами, туляк, земляк Алексея. Он зябко поддерживал лямку вещмешка, моргал длинными ресницами.

Алексей вопросительно взглянул на остальных. Хмурился плотный в плечах, сдержанный Лобанов. Застенчиво смотрел озябший Белов. Выражение лица Алексея, казалось, спрашивало: «А почему я?»

— Иди, иди, Леша... — подтолкнул его Марыгин. — Ты у нас самый бойкий... И вообще казюк, потомственный оружейник, комсорг, лыжник, пловец, плясун, певец и голубятник.

— Давай, давай, наваливай, — с усмешкой сказал Алексей. — Не хотите греться, мерзнете тут, на ветру. Вон как закручивает. Вишь? А я пошел...

Ребята шагнули к нему, выбили из складок шинели набившийся снег.

— Ну вот, теперь все в порядке. Обмоточки сам отряхнешь. Вон и веник лежит.

Алексей нагнулся и пахучим полынным веником махнул по обледенелым шнуркам.

— Все! Теперь ты чистый, казюк, но все равно поддержи командира, когда он падать начнет от твоего внешнего вида.

Марыгин взял Алексея за борт шинели, притянул к себе и строго сказал:

— Ты там, землячок, недолго... Всю биографию не рассказывай. А то застынем тут. Понял?

Задев плечом косяк низенькой, с белыми полосками инея в пазах, двери, Алексей остановился на широких ступеньках землянки. В желтом сумеречном свете копилки он разглядел три фигуры, склонившиеся над картой. Никто из них не обратил внимания на вошедшего. «Кто же тут командир?» В петлицах одного Алексей заметил три шпалы. «Подполковник! Значит, к нему». Шагнув со ступенек, он окунулся в тепло землянки, зашуршал свежей соломой, посланной на полу, глухо громыхнул наледью каблуков:

— Товарищ подполковник!

Подполковник с досадой мельком взглянул на него, кивнул в сторону. Алексей растерянно повернулся к майору с крупной головой и седыми висками. Хотел было обратиться к нему, но майор карандашом, зажатым короткими пальцами, энергичным жестом указал на капитана.

Капитан Козлов сидел на табуретке, устало опустив покатые плечи. Напряжение, в каком он находился последнее время, не проходило: в его ушах еще звучали тревожные голоса замполита майора Зака и начальника штаба подполковника Пусторнакова: «Неужели никто не вернется?»

— Все, майор, — сказал Пусторнаков, — чудес не бывает, время полета истекло.

«Да, — подумал капитан Козлов, — чудес не бывает». И все же он надеялся на чудо. «Должен хоть кто-нибудь прилететь. Ведь на задание ушли опытные летчики: капитан Панкин, старшие лейтенанты Шебанов, Яровой, Бутко, сержант Данилов».

Он вздрогнул, когда на улице послышались веселые голоса, чавкнув, отворилась сырая набухшая дверь, и с клубами морозного пара ввалился этот, розовощекий

сержант. «Ну вот, — мрачно подумал капитан Козлов, — как раз вовремя и пополнение пришло».

И в нем поднялось такое непреодолимое чувство протеста, что он, увидев этого так неказисто одетого сержанта, представил, как завтра он должен будет дать ему самолет и послать туда, откуда сегодня еще никто не прилетел... «Нет, нет и нет! Я лучше сам, сам буду летать. По три, по пять раз, только бы... Нет!»

— Товарищ капитан, сержант Рогожин с группой летчиков из трех человек прибыл для дальнейшего прохождения службы.

«...А их надо учить. Учить их надо. Они ведь, как и все сейчас, ускоренного выпуска — взлет-посадка». Он поднял на сержанта усталые глаза, внимательно осмотрел с головы до ног и медленно разомкнул жесткие губы:

— Ты кто? Механик?

Алексей качнул головой: «Неужели он не расслышал? — подумал с досадой. — Ведь я только что доложил...»

Черные густые брови капитана поднялись, наморщился крутой лоб.

— Может, вооруженец или воздушный стрелок?

— Никак нет, — сухо ответил Алексей.

— Ну, кто же ты?

— Летчик!

— Ле-етчик? — изумленно переспросил капитан. — Да ты послушай, комиссар, — обратился он к майору, — что он говорит... — Козлов выпрямился, расправил плечи. — Летчик? Как у тебя шапка держится на голове, а?

Алексея опалило жаром. «Все, пропал. Сейчас выгонит или отправит обратно в ЗАП» {1}. В этой смерзшейся короткой шинели, в обмотках, высоко под самые колени охвативших его ноги, Алексей чувствовал себя неуклюжим, ненужным.

— Ну ладно, — чуть мягче сказал капитан, прохаживаясь по землянке, — летчик, так летчик. А как, говоришь, твоя фамилия?

— Сержант Рогожин, товарищ капитан.

— Вот что, Рогожин... Ты хоть можешь отличить Ут-два от Ил-два?

— Так точно. Могу.

Капитан несколько секунд помолчал, рассматривая его угловатую фигуру, с усмешкой, растягивая слова, сказал:

— Ну раз можешь, тогда зови остальных, а сам... — Он жестом подозвал к себе Алексея и, ткнув пальцем в маленький оттаявший синий глазок на оконном стекле, продолжал: — Вон, видишь, самолет стоит?

— Вижу, — недоуменно ответил Рогожин.

— Тогда оставь вещмешок здесь, а сам иди и скажи механику, чтоб прогрел мотор, словом, подготовил машину к полету.

— Есть, прогреть мотор и готовить машину к полету, — бодро отчеканил Алексей. Товарищи толклись у землянки. Увидев Алексея, обступили его.

— Ну что? Как? Куда?

— Вон туда. — Рогожин взглядом указал на стоявший в стороне от взлетной полосы Ут-2.

Ребята понимающе смотрели на Алексея. А его зло распирало. Чтобы найти ему выход, он в сердцах махнул рукой.

— Вам в землянку, а мне командир приказал запустить вон тот, — он рукой показал на самолет. — Смеется он, что ли, над нами, братцы? Говорит, не летчики мы, а ледчики. Не те, мол, какие летают, а те, что лед возят. Ну-у, му-ужик будь здоров!..

Только успел выплеснуть из себя накипевшее, как открылась дверь землянки и вошел капитан. Сержанты вытянулись перед ним по стойке «смирно».

— Тоже летчики? — спросил капитан, с улыбкой рассматривая одежду ребят.

— Так точно, товарищ капитан, — ответил за всех Марыгин.

— Ну, хорошо. Потом поговорим. А сейчас идите в землянку, там майор Зак, замполит наш, займется с вами. Пообедаете, а потом попробуем одеть вас как полагается, и за работу... А ты что стоишь? — обернулся он к Алексею. — Хочешь без обеда остаться? Выполняй приказание. Марш к самолету.

Возле машины копался механик. Алексея он встретил сожаляющим взглядом, спросил:

— Ты чего, сынок?

Рогожин пояснил.

— Куда же ты в шинелешке-то? Простынешь.

— Нам не привыкать, — бесшабашно ответил Алексей.

— Ладно. Ге-ерой, — вяло проговорил механик. — На-ка тебе мою меховую куртку, все потеплее будет. А во-он там, — он показал рукой на ящик, — возьмешь валенки и рукавицы.

— Спасибо большое. Что за человек он? — любопытствовал Алексей, кося глазами на идущего к ним капитана.

Механик многозначительно пожевал губами.

— Козлов? Хоро-оший человек, лучше не сыщешь. И командир требовательный, но до-обрый, справедливый то есть.

«Ну, куда уж добрее», — с усмешкой подумал Алексей, облачаясь в просторную куртку механика и надевая его большие растоптанные валенки, перчатки в темных масляных пятнах. Он потопал ногами: «Обувка что надо, в самый раз, а марку перед командиром выдержу. Чтобы все чин чинарем было, как полагается. Пусть не думает, что молокосос какой-нибудь...»

Он обошел самолет слева направо, потрогал элероны, руль высоты и поворота, покачал винт, — все было в порядке. Накинув парашют, подогнал по росту лямки и, обив с валенок прилипший снег, взобрался на крыло, мягко прошел по ребристому резиновому коврику к передней кабине. Осмотрел ее. Подтянулся, неуклюже занес через высокий борт правую ногу, аккуратно опустил в чашку сиденья парашют, застегнул привязные ремни. В это время подошел капитан Козлов. Механик самолета, торопясь, вышел ему навстречу, приложил к головному убору руку. Приняв рапорт механика о готовности самолета к полету, капитан Козлов накинул парашют, вспрыгнул на крыло, с него в заднюю кабину и, поудобнее устраиваясь на сиденье, сказал:

— Ну, летчик, давай, показывай, что умеешь.

Как учили в тульском аэроклубе и таганрогской школе летчиков, Алексей крикнул механику:

— К запуску!

— Е-сть, к запуску, — протяжно ответил тот и дважды провернул винт.

— От винта!

— Есть, от винта-а! — пропел механик.

Алексей включил магнето, и мотор, выпустив сизое облако, застрекотал ровно, без перебоев. Погоняв двигатель на разных оборотах, Рогожин поднял обе руки вверх, что означало убрать из-под колес колодки, старательно вырулил к линии старта и попросил разрешения на взлет. Козлов разрешил. Алексей переместил вперед сектор газа, и самолет, поднимая за собой облако снежной пыли, сдвинулся с места и, набирая скорость, побежал по взлетной полосе.

Аккуратно сделав все четыре разворота, летчик пошел на посадку. Притер машину плотно у посадочного знака, а капитан через переговорную трубку шутит:

— Нормально. Молоко возить годишься, а здесь, на фронте, летать надо резче, энергичней. Ну-ка брось управление, посмотри, как это делается.

Алексей управление не бросил, легонько удерживал его. «Дай, думал, посмотрю, как ты летаешь». Козлов увеличил газ. Самолет после короткой пробежки оторвался от земли, быстро набрал скорость и прыжком устремился вверх. На небольшой высоте

летчик сделал крутой, на одном левом крыле, разворот, убрал газ и перевел машину на снижение. Самолет почти у земли еще раз развернулся и побежал по переметенному снежными заносами полю. Все произошло быстро, решительно, четко.

«Чувствуется характер», — подумал Алексей с уважением.

— Вот так сможешь? — услышал он из переговорной трубки.

«Ах, черт, — подумал Алексей. — Да если б знал, что разрешишь так», — и вслух ответил:

— Смогу, товарищ капитан.

Он повторил все, что сделал до него командир. Правда, посадил не так чисто, несколько по-вороньи, но сносно. Капитан сказал:

— Это дело другое. Теперь заруливай.

Алексей уверенно повел самолет по узкой рулежной дорожке на стоянку, а командир не унимался:

— Слушай, сержант, вон, справа, боевой самолет стоит, видишь?

— Вижу!

— Так вот, сейчас пойдешь и скажешь, что я приказал подготовить его к вылету.

— Он помолчал, как бы оценивая сказанное, и спросил: — Понял?

— Так точно, товарищ капитан.

Когда Алексей вылез из кабины, Козлов был уже на земле.

— Ну что ж, сержант, учили тебя, по всему видать, толковые люди: взлетать и садиться умеешь. Остальному научим, хотя спарки у нас пока нет. Поэтому полетишь сразу на боевом. Какой у тебя налет на учебном Ил-два?

— Шестнадцать часов, товарищ капитан.

— Мда-а, — сожалеючи выдохнул Козлов. — Ну что ж, куртку и валенки вернешь после полета. Я буду через пятнадцать минут, проверю твои знания по матчасти.

На пути к самолету Рогожин повстречался с майором из штабной землянки. Тот остановил Алексея, поинтересовался:

— Ты куда, сержант?

— Товарищ капитан приказал передать техникам, чтоб готовили «ил» к полету.

Майор Зак поднял брови и доверительно, тихо сказал:

— Иди назад и передай командиру полка, что этот самолет еще не облетан.

«Да, — подумал Зак, — видимо, инженер полка капитан Катилевский не доложил командиру, что «ил» не успели облетать». — И вслух сказал:

— Я сейчас облетаю его. Потом ты полетишь.

Он участливо улыбнулся и пошел к самолету. Алексей пожал плечами, вернулся назад. Капитан стоял рядом с механиком, поджидал Алексея.

— В чем дело? — строго спросил Козлов. — Почему не выполнил приказ?

Алексей доложил:

— Товарищ майор вернул меня. Сказал, что самолет не облетан, и он облетает его.

— Комиссар Зак? — спросил командир. — Опять будет свой класс показывать.

А сам с восхищением посматривал на резво рулящий к старту «ил». Развернув самолет в направлении взлета, Зак затормозил, затем дал полный газ. Тяжелый штурмовик сорвался с места, быстро набрал скорость, и Рогожин не уловил момента, когда он оторвался от земли.

— Видел, как надо взлетать? — гордо сказал Козлов. — У него самолет, как пушинка. Вон уже где!

Козлов поднял руку и посмотрел в небо. Там, подвывая мотором, совсем как истребитель, лихо виражил Ил-2. Потом он косо, крылом вниз, перешел в пикирование, пронесся в двух метрах над стартом и, круто задрав нос, вошел в боевой разворот.

Алексей с завистью наблюдал за полетом: «Во, замполит дает! Вот это замполит!»

Приземлившись и выйдя из самолета, майор Зак подошел к командиру и тихо, чтобы слышал только он, сказал:

— Зря ты, командир, на сержанта навалился. Ну ладно, на этом, — он кивнул на Ут-2, — слетал, а тут боевая машина. Всякое может быть. Да и проверочка требуется пообстоятельнее. Какой у него налет?

Козлов нахмурил брови, чуть скосив глаз, с состраданием посмотрел на взъерошенную угловатую фигуру Рогожина и, переходя на шепот, простуженно просипел:

— Какой там, комиссар, налет. Взлет — посадка.

— Известно, — согласился Зак. — Этих новичков надо будет еще долго учить. А ты его сразу...

— Когда, комиссар! У нас что, есть время? — Он еще раз взглянул на стоявшего по стойке «смирно» Рогожина и с каким-то непонятным раздражением и решимостью шагнул к нему. — Ну, что стоишь, сержант? Иди к самолету. Выполнишь два полета по кругу. Только поаккуратней при взлете. Снегу на полосе многовато, поэтому ручку не пережимай, а то заденешь винтом.

Он задал Алексею два наводящих вопроса по матчасти, спросил, когда летал последний раз на учебном Ил-2.

— Недели две назад, — неуверенно ответил Рогожин. Козлов одобрительно кивнул головой.

— Не забыл, как это делается?

— Нет, не забыл, товарищ капитан.

— Ну, хорошо. Не волнуйся, делай все, как учили.

Припомнилось Алексею, когда впервые увидел эту машину, с завистью подумал: «Вот на каком бы полетать...» И мечта осуществилась. А до того учился на Р-6 и на СБ, и на «бостонах». И ни в какое сравнение они не шли с этим мощным, грозным для врага штурмовиком.

А сейчас, когда позади были два пробных полета на Ут-2, Алексею хотелось так же, как это сделал майор Зак, пронестись над стартом в двух метрах от земли и крутой горкой уйти к облакам, но, поразмыслив, решил мальчишеское ухарство не показывать: неизвестно, чем это кончится, да и командир полка, кто его знает, как отнесется к такому лихачеству. Поэтому Алексей упирал больше на четкость, чистоту разворотов и на точную стремительную посадку. Когда вылез из кабины, Козлов прищуренными глазами посмотрел ему в лицо.

— Ну что ж, летчик, — одобрительно сказал он своим простуженным голосом. — На сегодня довольно. Завтра еще сделаешь пять полетов по кругу и сходишь в зону. Подробное задание получишь от командира первой эскадрильи старшего лейтенанта Александрова. А теперь верни механику одежду и марш в столовую.

Он оттянул рукав реглана, взглянул на часы и, качая головой, спросил у майора:

— Звонили в штаб?

— Да, — коротко ответил майор Зак и молча взглянул на небо, прислушался.

— Что там?

— Пока ничего.

— А как разведчики?

— Пошел второй час, вот-вот должны появиться.

Алексей тоже заинтересованно поднял глаза к горизонту. «Кого они ждут? Кто-то, видно, улетел и должен уже вернуться, а его все нет и нет? Неужели тех, о ком еще на дороге говорил санитар?»

— Разрешите идти? — обратился он к капитану Козлову.

Тот молча, с озабоченным выражением лица, кивнул Алексею.

В большой, оборудованной под столовую землянке было тепло и уютно. Вкусно пахло борщом и свежим хлебом.

Ребята заждались Алексея. Они сидели в окружении свободных от полетов летчиков, рассказывали о себе, спрашивали о боевых делах. Слышался звучный голос высокого русоволосого старшего лейтенанта:

— Ушли на штурмовку аэродрома. Горючее уже кончилось, а от них ни слуху ни духу... — Он глубоко затянулся папиросным дымом, с интересом взглянул из-под белесых бровей на подошедшего Алексея. — Давай знакомиться. Комэск первой эскадрильи старший лейтенант Геннадий Александров.

Пожимая его крепкую широкую ладонь, Алексей назвал себя и спросил:

— А что, какая-нибудь надежда есть?

— Вся надежда, сержант, только на ненастье. Может, там, — он махнул рукой на запад, — метель разыгралась, и они попали в снежный заряд, заблудились, да сели где-нибудь у соседей. Переждут непогоду и вернутся. Прилетят разведчики, расскажут, что к чему...

С морозу и усталости аппетита прибавилось. Не успел оглянуться, как тарелка опустела. Александров, видя такое, попросил для новичка добавки.

— Наедай шею, сержант, пригодится.

Но Алексея и всех не покидала мысль об ушедших на задание. Он видел, как в столовую вошли командир полка и замполит, сели за отдельный столик, молчаливые и мрачные. Ели, заметил Алексей, без охоты, машинально.

«Переживают командиры, — думал Рогожин, — мы для них, что дети для отцов. Это точно. И душа болит, и ответственность несут какую за нас. Трудно им».

Еще несколько минут летчики находились в столовой. Ветер шумел над крышей, раскачивал вершины деревьев. Постукивала промерзшая, неплотно пригнанная дверь. Раза три вскакивал обманутый этими звуками Александров, выходил наружу. Возвращался, молча садился на лавку. Наконец не выдержал, сказал:

— Ладно, ребята, не унывай, будем надеяться на лучший исход. Ясно одно. Без прикрытия в этот район больше летать нельзя. Немцы перебросили туда свежие силы истребителей.

Он прислушался и вдруг опять сорвался с места, бросился из столовой. Следом донесся громкий радостный крик: «Летят!» Все выбежали на улицу и, подняв головы, старались уловить неровные звуки мотора.

Неожиданно из низкой облачности вывалился штурмовик, за ним тянулся дымный след. Вздрагивая и дергаясь, он с прямой отлого пошел на посадку. Надрывно, оглушающе раскатывался в воздухе рев обессиленного двигателя. Штурмовик шел косо, боком, как будто невидимые канаты тянули его за одну левую плоскость.

Все, кто наблюдал за ним в эту минуту, в изумлении смотрели на «ил», кричали. Один из механиков, худой, небритый, в отчаянии взмахнул руками — узнал свою машину. Сердце ли подсказало или по одним только ему известным приметам определил он, что это его самолет, который совсем недавно проводил в разведку. Механик обернулся на вышедшего из столовой командира полка и кинулся навстречу гудящему, обгорелому, с разбитым фонарем и полуоторванной плоскостью «илу».

Штурмовик заполнил гулом и скрежетом аэродромное поле, пронесся над стоявшими и радостно махавшими руками людьми, убрал крен, коснулся взлетной полосы и запрыгал на ее неровностях, взметая снежную пыль. Звук двигателя неожиданно оборвался. Вспарывая колесами снег, самолет все больше сползал в левую сторону, крутнулся на месте и замер. Дым окутал его со всех сторон. В кабине и под плоскостями взблескивали языки пламени, Капитан Козлов подбежал к машине, полез на крыло. Сзади его ухватил за реглан майор Зак.

— Товарищ командир...

— Брось, комиссар! — крикнул Козлов. — Брось! Мне летчика... Вытащить его надо...

Капитан Козлов, задыхаясь в дыму, прикрывая лицо рукой, все же взобрался на плоскость. Трещала, осыпалась под огнем краска. Жаром обжигало легкие. Козлов нащупал голову летчика, плечи, стал отстегивать привязные ремни.

Механики оттеснили командира в сторону, вытащили наружу летчика. Голова его валилась на грудь. Спина и рукава кожаной куртки дымились, но ее быстро сняли и бросили в снег. Летчика уложили на носилки, накрыли одеялом. Толпившиеся в дыму люди слышали властный голос командира:

— Марш от самолета! Немедля!

Только успели отбежать в сторону, как пылающий штурмовик взорвался. Высоко взметнулись над полем иссиня-черные клубы дыма, внизу заплясало пламя.

Летчика отвезли в санчасть. Командир полка с опаленными бровями и обожженной щекой, хмурясь, направился в штабную землянку. Зак шел с ним рядом.

«Да, — горевал капитан Козлов, — вся надежда была на разведчиков, а прилетел один и то раненый, без сознания. Что же случилось с другим? И где остальные? Погибли? Или все-таки вернуться? Вернутся... Хотелось бы верить в это».

Они подошли к землянке, остановились у входа.

— Рискован ты, командир, — вытирая снегом закопченные руки, сказал майор Зак. — Могло бы рвануть и пораньше.

— Могло, да не рвануло, — с усмешкой ответил капитан.

— Это не ответ. Не рвануло сегодня, завтра полк из-за несоблюдения элементарной техники безопасности может лишиться командира.

— Что я слышу, комиссар! — улыбнулся Козлов. — Какие нежные и зрелые речи. Прямо мама родная. Спасибо большое за заботу. Я тоже люблю позаботиться. Да и должность у меня — сплошная забота. Только утром, подчиняясь приказу, я опять пошлю туда, — он поднял глаза к небу и махнул рукой, — еще шестерку, а может, две, сколько потребует обстановка... А вернуться назад или нет, ни ты, ни я, никто не знает.

Они отряхнули снег друг с друга и вошли в землянку. Козлов посмотрел на часы и обернулся к начальнику штаба.

— Надо звонить в дивизию, — решительно сказал он. — Во что бы то ни стало узнать о судьбе остальных.

Козлов подвинул к себе телефон, сдернул с головы шлемофон. Дивизия звонила в воздушную армию, армия — в стрелковые войска на переднем крае. Наконец оттуда подтвердили, что слышали взрывы в тылу врага и эхо пушечных очередей, но самолеты в указанное время назад не пролетали. Видели, как двух «илов», летевших без прикрытия, трепали «мессеры». Один «ил» был подбит и сел на вынужденную. Второму удалось уйти.

— Назад не пролетали. Где они? Что с ними? Нет... Без прикрытия туда ходить больше нельзя. Это должно быть ясно всем.

Пусторнаков и Зак стояли молча, наклонив головы. По землянке, по темным углам ее металась неясная тень. Пламя неровно прыгало над гильзой, оставляя в воздухе тонкие рваные нити копоти. Оконце парило холодом. Было неуютно и одиноко.

На своем «иле»

Ранним январским утром после завтрака всем вновь прибывшим летчикам выдали новое добротное обмундирование. Старшина обозно-вещевой службы Иван Савинич, уверенно шагая впереди летчиков, повел их на склад, вынул большую связку ключей и, войдя в темную землянку, долго гремел какими-то чайниками, пустыми банками, показывая спину в плотном ватнике. Летчики стояли у входа, пристукивая стынущими в ботинках ногами. По низу клубился белый пар. Наконец старшина выпрямился, повернулся к летчикам и широким жестом пригласил пройти в землянку. Покопался в карманах ватника, вытащил затертый блокнотик и огрызок химического карандаша.

— Ну, орлы, — сказал он бодрым голосом. — Сейчас я сделаю из вас настоящих летчиков. Весь воздушный флот будет завидовать вам.

Савинич внимательно осмотрел ребят с головы до ног, выдал каждому коричневый меховой комбинезон, поблескивающий многочисленными молниями, добротные яловые сапоги, мягкие, на толстой войлочной подошве унты, зимние меховые шлемофоны, меховые перчатки и все остальное, что требовалось для полной экипировки летчика.

— Можете не примерять. Все размеры соответствуют. Если ошибся, с меня причитается. Только не надейтесь. Ошибаюсь редко.

— Товарищ старшина, а где же регланы? — удивленно спросил Марыгин.

— Регланы, товарищ летчик, будут потом, за них еще повоевать треба, — недовольно буркнул Савинич., И, нахмутив белесые брови, показал пальцем на ведомость. — Расписывайтесь, и марш на выход.

Когда выбрались из землянки, Рогожин, показывая пальцем на рассерженного Марыгина, расхохотался.

— Реглан захотел. Ой, не могу. Ой, мальчишка.

Марыгин сердито отвернулся, ответил:

— Ладно, ладно! Тоже мне, старик нашелся. — Выражение его смуглого лица стало сосредоточенным. Он остановился, придержал возле себя Лобанова и Белова: — Ребята, он что? Оскорбил меня, а? Я — мальчишка?

И пошел на Рогожина, навис над ним своей ладной рослой фигурой.

— Леша, проси прощения. Иначе распотрошу все твои шмотки, — и потянулся к его обмундированию, зажатому под мышкой.

Алексей отскочил:

— Но, но! Регланщик! Успокойся, пожалуйста!

— Ребята, — сказал рассерженный Лобанов, — будет вам шебуршиться, летчики называются... Вам бы в детский сад. Эх, действительно мальчишки.

И зашагал по направлению к дому, куда их определили на постой. Остальные по узкой тропке гуськом поплелись за ним.

Они долго примеряли обмундирование, оглядывали себя. Марыгин разводил руками, растягивая в улыбке черные усы, делал строгое выражение лица, расправлял под скрипящим ремнем гимнастерку и тонким голосом, изображая женщину, пищал:

— Ну и как материалец? — И басом отвечал: — Да и сам я не хуже. Нарасхват пошел. А старшина — «трэба». А? Чем я ему не приглянулся?

— А тем, Миша, — съязвил Рогожин, — что физиономия у тебя на цыганскую смахивает. Вот Савинич и боялся, что сопрешь что-нибудь со склада. А поэтому взял и вытурил тебя, да и нас заодно как дружков твоих.

— Ребята, он обидел меня, — закричал Марыгин. — Я так это не оставлю. К барьеру его.

Он полез на Рогожина, повалил на разостланную по полу солому, и пришлось Алексею, напрягая силы, выбираться из-под него. Шумно дыша, Рогожин уселся на скамейку, откинулся к стенке.

— Ладно, Миша, больше не буду. Ой, не надо! Ой, больно! — счастливо смеялся Алексей.

Савинич действительно не ошибся, комбинезоны и все остальное оказалось им впору.

— Надо же, — удивлялся Марыгин. — Всем все как раз: и перчатки, и сапоги, и унты. Леша, а тебе шлемофон не жмет?

— Нормально, Миша. Только реглан-то я раньше тебя получу. Вот увидишь.

— Это мы еще посмотрим; — обиженно ответил Марыгин, открывая дверь посылному.

— Кто из вас сержант Рогожин? — войдя в избу, робко спросил тот.

— Я, — ответил Алексей. — А в чем дело?

— Вам приказано срочно прибыть на аэродром. Форма одежды летная.

Посыльный козырнул, повернулся и вышел. А через двадцать минут запыхавшийся Алексей уже докладывал командиру первой эскадрильи старшему лейтенанту Александрову о своем прибытии.

— Ну вот, — сказал комэск, придиричиво осматривая подчиненного. — Теперь дело другое. Надеюсь, в комбинезоне и унтах удобнее, чем в шинели и ботинках?

— Еще бы, товарищ командир, — улыбаясь, ответил Рогожин. — Раз, два и порядок, а там скатывай, расшнуровывай. Сколько времени уходит. Да и тепло, как на печке.

— Ну, раз доволен, сегодня сделаешь пять полетов по кругу и два в зону. — Он посмотрел на Алексея и спросил: — Не много будет, а?

— Нормально, товарищ командир!

Александров положил на его плечо руку и, широко улыбаясь, шепнул:

— Летай, туляк, пока я добрый. — Он, как-то по-особому сутулясь, сверху вниз взглянул на Алексея, будто: оценивал его пригодность для какого-то большого и важного дела. — Только помни, — добавил строго, — что в воздухе могут быть не только наши самолеты. Поэтому особое внимание обрати на осмотрительность. И в зоне после каждой фигуры не забывай восстанавливать ориентировку. Чтоб в любое время мог отыскать свой аэродром. Понятно?

— Так точно, товарищ командир!

— Тогда пошли.

Шагая за комэском, Алексей терялся в догадках, к какому самолету ведет Александров? Широкая спина его и вся высокая, немного сутуловатая фигура неторопливо, но энергично двигалась вперед по уже расчищенным самолетным стоянкам.

На аэродроме в этот час было шумно и многолюдно. Ревели самолетные двигатели, урчали тягачи и заправщики. Механики и мотористы копались в самолетах. Оружейники пробовали пушки и пулеметы, подвозили на санях черные крылатые тушки бомб, укладывали в ящики гирлянды лент с разноцветными снаряжными головками.

Девушки в телогрейках и ватных штанах разгребали лопатами снег. «Эх, мать честная, и этот народец здесь», — подумал Алексей. Разгоряченные, румяные, они посмеивались, стреляли глазами в незнакомого молодого летчика. Одна из них, низенькая, почти девочка, выпрямилась, стянула с ладоней рукавицы и, выпятив обветренные, в кровотокающих трещинках губы, подула на свои красные руки, морщась и пожимая худенькими плечами, подмигнула Рогожину.

Александров подошел к самолету под номером «13», оглянулся на Алексея. Из-под плоскости выбрался плотный, в просторном ватнике механик — шапка набекрень, сощурил хитрющие большие глаза, покосился на Рогожина. Комэск потянул за рукав Алексея.

— Знакомьтесь.

— Старший сержант Беседин, — представился тот и добавил: — Дмитрий Иванович. Ваш механик, командир. А вот эта девушка — Валя Маленькая! Подъ-ка сюда, Медведева.

Низенькая девушка с потрескавшимися губами подошла, глянула на Алексея снизу вверх голубыми озерцами глаз.

— Наша оружейница Валентина Медведева, — сказал Беседин. — Краса и гордость всего полка.

Девушка сконфузилась, опустила глаза.

— Уж вы скажете, Дмитрий Иванович...

— Ха, — усмехнулся Рогожин. — Да какой он вам Дмитрий Иванович. Зовите его просто Дима. — Алексей обернулся к Беседину, спросил: — Вы, Дмитрий Иванович, не против?

— Да я-то не против, — улыбаясь, ответил Беседин и кивнул в сторону моториста. — Только он тоже Дима. Потому так и зовут нас, чтоб не путать: его Димой, а меня Дмитрием Ивановичем.

— Ну раз такое дело, — растерянно ответил Алексей. — Тогда пусть все остается как было.

Валя сняла рукавичку и элегантно протянула Алексею твердую, в красных трещинках крепкую ладошку. Пожимая шершавую руку девушки, Алексей подумал: «Да, достается им тут на морозе».

— Ваш командир, — сказал Александров, кивнув на Алексея, и, взяв его за локоть, подвел к самолету. — А это твоя машина. Смотри... Самая счастливая в полку. Номер тринадцать. — Александров похлопал ладонью по крылу «ила» и засмеялся. — Ни одной царапины!

Рогожин окинул машину цепким, оценивающим взглядом. И в самом деле: ни на бронекорпусе, ни на фюзеляже и крыльях не было ни вмятин, ни заплат. «Мой! Наконец-то у меня свой «ил». — Он коснулся рукой заиндевевшей плоскости, посмотрел на кабину, фюзеляж, киль, хвостовое оперение. — Чуть облупилась белая краска. Не раз обстрелян и ни царапины». Отступив назад, он взглянул на машину со стороны. Гордый, стремительный силуэт самолета был нацелен вперед, готовый взмыть в небо.

Расплываясь в улыбке, Рогожин шагнул к «илу», прижался плечом к фюзеляжу. Потом обернулся, весело взглянул на командира эскадрильи. Ловко забрался на крыло, залез в кабину, поправил лежащий в чашке сиденья парашют, взял за ручку управления, отклонил ее вправо, влево, вперед и, откинувшись на бронеспинку, ощутил ее твердую от холода упругость, на секунду прикрыл глаза и засмеялся, сказав самому себе: «Отныне...»

Что-то знакомое со школьных лет прошелестело в этом слове, и он поднял кулак и погрозил тому, со зверем на фюзеляже «мессеру».

— Ну, гад, попадись теперь...

— Как машина? — улыбаясь, спросил Александров, когда Алексей спрыгнул с крыла на землю. — Понравилась?

— Очень, очень понравилась, товарищ командир!

— Машина-зверь, — уточнил Беседин.

— А что, это верно, — с нежностью произнесла Валя. — Самолет наш действительно страшный и грозный для врагов и ласковый, добрый для нас.

— Теперь я уверен, что машина попала в хорошие руки, — удовлетворенно сказал Александров и обернулся к Рогожину: — Продолжайте знакомство. Ровно в семь запуск и взлет. Повторяю: сделаешь пять полетов по кругу, дозаправишься и сходишь в зону на отработку мелких и глубоких виражей. Зона твоя будет над озером. После полета доложишь о впечатлениях. — Он кивнул Вале и пошел, поскрипывая унтами, к соседнему «илу».

Алексей остался со своим экипажем. И хотя раньше в аэроклубе и летной школе ему приходилось быть старшиной группы, но командиром экипажа он был назначен впервые. Подчиненные уже знали его, видели, как он совершил контрольный полет, радовались, что командиром у них хоть и сержант, но смелый, общительный, веселый человек.

Ему задавали вопросы: откуда родом, сколько лет, какое училище окончил, на каких самолетах летал. Алексей подробно, не хвастаясь, ответил на такие немудреные, но необходимые при знакомстве вопросы. Настроение у всех было хорошее, и хоть шла война, но в душе каждого члена экипажа жила, плескалась, искрилась молодостью

надежда. У каждого была своя мечта, свое будущее, и каждый верил, что обязательно доживет до победы.

День этот запомнился Алексею надолго. После полетов по кругу и в зону на своем самолете друзья поздравили его с успехом. Все молодые летчики были приглашены к командиру полка. Когда расселись на новенькие, пахнущие смолой сосновые лавки, капитан Козлов, кашлянув в кулак, сказал:

— Ну что ж, товарищи, картина вашей летной подготовки предельно ясна. Но не боги горшки обжигают. Пройдет какое-то время, и вы научитесь воевать, успешно выполнять боевые задания. А пока всем необходимо пройти специальную программу по вводу в строй. И чтобы не было топтания на месте, мы постараемся каждому из вас, учитывая индивидуальные летные качества, подобрать упражнения, выполнение которых будет поставлено под строжайший контроль. Надо сказать прямо: сегодня не все были на высоте. Если сержанту Рогожину за взлет и посадку можно поставить хорошую оценку, то за эксплуатацию самолета на пилотаже он заслуживает порицания.

Сержант Белов не учел снос от бокового ветра, в результате чего упустил направление и выкатился за полосу. А один из вас, не буду называть его фамилию, не заметил приближение самолета инспектора, прилетевшего из корпуса для проверки техники пилотирования летчиков, и был условно «сбит» им. Сегодня все для этого молодого летчика окончилось благополучно, в другой раз может получиться хуже...

Поэтому приказываю: всем повторить инструкцию по эксплуатации самолета «Ил-два», вспомнить его устройство, все пощупать своими руками, надо привыкать к кабине, расположению рычагов и приборов. Особое внимание следует обратить на новую тактику штурмовой авиации, послушать советы бывалых фронтовиков.

Скажу вам, что времени на это отводится самая малость. Зачеты сдадите лично мне. Кто успешнее и быстрее справится с поставленной задачей, будет допущен к выполнению боевых заданий.

Капитан Козлов внимательно всмотрелся в серьезные лица притихших летчиков и, вспомнив недавний разговор с сержантом Рогожиным, уверявшим его, что все они еще в училище стали «академиками» по теоретическим дисциплинам, тихо, но так, чтобы слышали все, продолжал:

— Я отлично понимаю ваше нетерпение как можно скорее пойти на боевое задание и в деле доказать, на что способны. Но, дорогие товарищи сержанты, не надо оглуплять противника! — Козлов поднял указательный палец и, как будто подводя черту сказанному, резко опустил вниз. — Он тоже не лыком шит. Я убедился в этом на собственном опыте. Да и вы, — он еще раз оглядел всех присутствующих, — видели, как из группы лучших летчиков, ушедших на задание, вернулся только один, и тот пока находится в тяжелом состоянии. Знаю, что вы не из робкого десятка, но помните об этом необходимо для того, чтобы учиться побеждать. И мы, ваши командиры, постараемся передать все, чему научились здесь, на фронте, и от того, как вы усвоите наш опыт, будут во многом зависеть ваши боевые успехи.

* * *

Прошел ровно месяц, как летчики прибыли в 673-й штурмовой авиаполк. Несмотря на напряженную обстановку на фронте, капитан Козлов все же смог обойтись силами основного состава, не раз побывавшего в боях. Приближалась двадцать пятая годовщина Красной Армии. К этому времени Алексей Рогожин успел сделать более семидесяти учебных полетов.

После проверки групповой слетанности комэск Александров доложил командиру полка о том, что программа ввода в строй молодого пополнения закончена.

Капитан Козлов встал и тихо сказал:

— Идем в столовую, дорогой поговорим.

Они вышли из штабной землянки, и капитан Козлов, прихлопнув дверь, продолжал:

— А вот майор Зак считает, что им надо еще полетать.

— Да сколько ж можно, товарищ командир? — удивленно поднял брови Александров. — Вспомните, как мы начинали... Прибыли в полк и сразу в бой.

— Тогда, товарищ комэск, было другое время. Теперь, хотя и жмет немец, мы все равно будем стараться как следует подучить еще необстрелянных летчиков. Этого от нас требует и начальство. Сам комкор генерал Рязанов постоянно звонит, интересуется, как летают вновь прибывшие молодые летчики. — Козлов задумался, потом, обернувшись к шагавшему сзади Александрову, спросил: — Кстати, а каковы результаты сегодняшней проверки?

— Это слишком громко сказано, товарищ капитан, — результаты. Просто я полетел с ними на «Ут-два», показал кое-что. Все они молодцы, стараются изо всех сил.

— А если серьезно?

— Ну, а если серьезно, то сержанта Рогожина можно смело брать на задание.

— А других нельзя? — строго спросил Козлов. — Другие что, хуже твоего сержанта?

— Почему хуже, они тоже летают грамотно, но кое-кому требуется небольшая шлифовочка.

— Что значит — шлифовочка?

— Ну, один высоко выравнивает на посадке, другой упускает направление при взлете, третий забывает затянуть винт... Все это мелочи, но, как вы сами говорите, мелочи в нашем деле играют большую роль.

— Хорошо, завтра я сам займусь ими, а там уж посмотрим, как быть дальше.

Они медленно шли друг за другом по еле заметной тропинке. Обсуждали благополучно окончившийся фронтовой день.

Вечерело. Легкий морозец пощипывал щеки, поскрипывал чистый снег под мягкими войлочными подошвами унтов, бодрил пахнущий хвоей воздух. Козлов, шедший первым, остановился и, обивая снежную пыль, сокрушенно сказал:

— Придется завтра расчищать полосу.

— Нам не впервой, — ответил Александров и открыл дверь.

В столовой было шумно. В дальнем углу ее в плотном окружении летчиков с забинтованной головой сидел осунувшийся сержант Данилов. При виде командиров он вскочил с места.

— Товарищ капитан! Разрешите доложить?

— Садитесь, садитесь, сержант. Доедайте, потом доложите.

— Главное, жив остался, — обрадованно сказал Александров и бросился обнимать Данилова. Потом усадил его на место и стал расспрашивать, что произошло с ними в том трудном вылете.

Из рассказа Данилова стало известно, что еще при подходе к цели на них навалились недавно появившиеся здесь «Фокке-Вульфы-190». После первой их атаки самолет старшего лейтенанта Шебанова был подбит и, объятый пламенем, понесся к земле. Летчик и стрелок Медведев, видимо, погибли. Но «илы» все же прорвались к цели. После тяжелого боя при возвращении домой всем пришлось совершить вынужденные посадки. Так он вместе с капитаном Панкиным, старшим лейтенантом Бутко, стрелком Бельтиковым попали в санбат в Заборовье. О судьбе остальных летчиков ему ничего не известно.

После ужина на разборе полетов капитан Козлов неожиданно сказал:

— Завтра, если будет летная погода, в группе Александрова на боевое задание пойдет сержант Рогожин.

Остальные молодые летчики, услышав это, возроптали:

— Рогожин полетит, а мы что, хуже?

Вперед выступил Марьгин, щуря темные глаза, недовольно сказал:

— Уже месяц топчемся на месте, товарищ капитан. Другие воюют, а мы все взлет да посадка, надоело жечь бензин попусту.

Козлов постучал чайной ложкой по графину и строго сказал:

— Учеба ваша, товарищи, закончилась. Завтра последние проверочные полеты. А теперь спать. Всем спокойной ночи.

Комэск Александров подошел к Рогожину.

— Ну что, сержант, дождался своего дня? Завтра летим в группе. Хочу тебе дать один совет. Запомни его на всю жизнь: никогда не отрывайся от ведущего, а будешь сам ведущим, никогда не отрывайся от группы. Какое будет задание — пока неизвестно. Фашисты начали вытаскивать из-под Демянска свою боевую технику. Надо им помешать. Ясно?

— Так точно, товарищ старший лейтенант.

Ответил бодро, а дрожь взяла с головы до ног. Ночь спал плохо. Забылся только перед подъемом. После завтрака ребята обступили Алексея.

— Ну, везучий, ни пуха тебе, ни пера! — сказал Марьгин.

— Пошел к черту.

У самолета его встретили Дмитрий Иванович и Валя. Механик доложил о готовности машины к полету. Был он сегодня серьезен. В чистых глазах его угадывался вопрос: «Как ты, командир, чувствуешь себя?» Девушка, ежась от жгучего ветра, пыталась держаться бодро, но у нее это плохо получалось. Алексей улыбнулся ей, и она, ободренная его вниманием, поспешно заговорила. Губы ее застыли на холоде, были непослушны, но она старательно выговаривала слова:

— Командир, не забывайте сбрасывать бомбы по две штуки.

— Спасибо, Валя, помню.

— И еще — удачи вам, командир, на вашем, — она поправилась, — на нашем «иле». Бейте фашистов смелее. А самолет у нас, хоть и тринадцатый, но счастливый. Помните об этом, и все будет хорошо.

Беседин тоже напомнил, что и когда нужно делать, чтобы двигатель работал исправно.

— Спасибо, Дмитрий Иванович.

— Садитесь, — сказал механик, — я помогу застегнуть ремни.

Затем помог летчику запустить двигатель. Алексей опробовал его на всех режимах и, вслушиваясь в мощный оглушающий гул, посмотрел в сторону, где оставались Дмитрий Иванович и Валя, увидел их, обдуваемых потоком воздуха.

Взвилась, рассыпая искры, зеленая ракета. Алексей поднял руку. Они ответили ему, убрали колодки, и он повел машину к линии старта.

Морозная мгла металась за фонарем, надвигалось белое бесконечное небо. Штурмовик, раскидывая над аэродромом мощный гул, летел следом за ведущим.

К цели вышли на бреющем. Сзади и выше шла отвлекающая группа. По ней и стали бить зенитки. Основная группа — восемь штурмовиков, ведомая комэском Александровым, проскочила зону огня и нанесла удар по смешанной автоколонне, двигавшейся к наспех сделанной узкоколейке.

Рогожин шел во второй четверке. Он видел, как от разрывов бомб взлетали черные фонтаны мерзлой земли и, казалось, проседавшие на выходе из пикирования «илы» срезали их своими быстрыми крыльями. «Мать честная, — подумал Алексей. — Да так мы сами себя подорвем». Пикируя, он дважды нажал на кнопку бомбосбрасывателя и, как бы почувствовав облегчение, сразу рванул ручку на себя. «Ил» дернулся, затрясся от перегрузки и, медленно поднимая нос, чиркнул им по горизонту, пошел вверх.

Алексей завертел головой. «Где же наши?» Одиночество в первом боевом вылете — коварная штука. И он растерялся. «Идти вниз, могу со своими столкнуться. Значит, надо продолжать набор высоты, осмотреться». Но как только он поднялся выше

атакующих, по нему ударили зенитки. «Ну, все, везучий, — вспомнил он слова Марыгина. — Вот тебе и крещение на счастливом тринадцатом». Но, не видя своих, он все висел и висел над целью, не зная, что предпринять, куда определиться среди этой белесой, иссеченной трассами эрликонов, пустоты.

А разрывы обступали со всех сторон. Белые шевелящиеся шапки одуванчиков подскакивали все ближе и ближе. Внизу блеснули остеклением кабин приотставшие штурмовики из второй четверки. Не раздумывая, он бросил свою машину вдогонку. Посылая вниз очередь за очередью, он в душе плакал горькими слезами. «Эх, Лешка, Лешка, какой же ты летчик! Ничего-то у тебя не выходит...» Тогда и вспомнил показавшиеся обидными слова капитана Козлова: «Молоко возить годишься...»

Будто из рукопашной вернулся вместе со всеми на аэродром. Мокрая гимнастерка холодила спину, и он стал зябнуть. Все тело ныло от напряжения, болела натертая воротником комбинезона шея, ступни ног выбивали дробь по педалям. Из самолета вышел покачиваясь. Прибежали товарищи: Лобанов, Белов, Марыгин. Смотрели на него, как замороженные. Тормошили, заглядывали в лицо. Марыгин засмеялся:

— Ребята, да он еле живой... Лешка, что с тобой? А ему было не до шуток.

— Завидовали? Давайте, попробуйте.

— Ну, ты не обижайся, — посерьезнел Марыгин, — придет время, попробуем.

— Я не обижаюсь, — ответил Алексей. — Но хотел бы поделиться первым боевым опытом. От своих не отрывайся, держись за хвост ведущего. И не теряй присутствия духа. Это опасно... Пока все.

Марыгин выступил вперед, поднял руку.

— Ребята! Ур-ра нашему первопроходцу!

Алексея бережно посадили на сцепленные руки, понесли в столовую. Он вырывался, но его легонько стучали в спину, уговаривали:

— Сиди смирно. Ты среди туляков, может, мы поэтому так и несем тебя, что ты потомственный оружейник, настоящий казюк. С Левшой за одним верстаком стоял, подковы для блохи подавал.

После обеда Александров отвел Алексея в сторону.

Лицо комэска не обещало ничего хорошего. Но он вполне миролюбиво сказал:

— Поздравляю с первым боевым вылетом, сержант. Как, хорошо было висеть над нами? Забыл, что я вчера говорил?

Алексей потупился:

— Где уж там хорошо. Я до смерти перепугался. И мне страшней всех зениток было столкнуться с кем-нибудь из своих.

Александров взглянул на него, сказал:

— Это хорошо, что так думал и не бросился, очертя голову, вниз. Тогда могло бы произойти непоправимое. Значит, есть у тебя выдержка. Только вот что: в следующий раз для полного осознания происшедшего будешь летать последним. Там никого у тебя не будет ни справа, ни слева.

Комэск сдержал свое слово. Назавтра снова полетели на штурмовку. Перед вылетом Александров сказал:

— Вчерашний разговор помнишь? Так вот, пойдешь последним. И не вырывайся вперед соседа. Следи за ведущим.

Только во время штурмовки Алексей понял, что значит быть последним. Казалось, весь зенитный огонь обрушился на него. Он бросал штурмовик вправо, влево, вниз. Руки и ноги сводило от напряжения. Несмотря на холод, по спине ползли струйки пота.

На земле Алексей узнал, что в этом и предыдущем полетах можно было не опасаться «мессеров» и «фокке-вульфов». Штурмовиков прикрывали асы 32-го гвардейского истребительного авиаполка. Были среди них и туляки Герои Советского Союза Сергей Долгушин и Владимир Орехов. Он читал об их героических подвигах в армейской газете. Вот бы встретиться, вспомнить аэроклуб, инструкторов, мясников

аэродром, окаймленный живописной Упой с заросшими ивняком берегами, город и родной оружейный завод. И Алексей твердо решил при первой же возможности навестись вместе с друзьями в гости к землякам-истребителям.

После обеда Александров устроил разбор штурмовок. Особое внимание он уделял молодым, мало летавшим на боевые задания летчикам. Щадя самолюбие Алексея, не назвал фамилию, когда говорил о его растерянности во время первого вылета. Алексей слушал, опустив глаза, стыдился поднять густо покрасневшее лицо.

— Повторяю еще раз, никогда не отрывайтесь от группы, — строго сказал комэск, — в то же время не забывайте о маневре. Следите за действиями ведущего. Это пригодится вам не только сейчас, а и после, если хотите расти как будущие командиры звеньев, эскадрилий, полков.

Летчики заулыбались, толкали друг друга локтями.

— Да, да, не удивляйтесь. Многим из вас, я уверен, в недалеком будущем предстоит стать ими.

Слова комэска вдохновляли молодых летчиков. Все сильнее разгоралось у них желание — поскорее в небо, на боевое задание.

Черт и Геббельс

К середине февраля 1943 года Ставка Верховного Главнокомандования приняла решение предпринять наступательную операцию с целью ликвидации Демянского плацдарма.

По данным разведки, было известно, что к этому времени противник усилил свою авиационную группировку отъявленными летчиками-штрафниками, которые называли себя «вольными охотниками» и славились особой хитростью и жестокостью. Они прикрывали свои наземные войска, пытавшиеся вывести боевую технику через Рамушевский коридор.

Перед 1-м штурмовым корпусом, в который входил и полк капитана Козлова, была поставлена задача помешать этим замыслам противника. И хотя капитан Козлов сообщил подчиненным о решении командования не посылать штурмовики на задание без прикрытия, комэск Александров крепко призадумался. В его эскадрилье была в основном необстрелянная молодежь. Худо-бедно до этого летал с опытными воздушными бойцами, а тут вот... Хотя и самому ему шел всего-навсего двадцать первый год, Александров, глядя на своих подчиненных, со щемящей жалостью думал: «Ведь все зеленые. Вырастут, конечно, научатся драться. А пока... Беречь, беречь их надо, по-хозяйски беречь. Весь огонь, максимум огня, принимать на себя... Но как? Как всех закрыть собою?» Эта мысль не давала ему покоя.

Как-то в каптерке у Савинича он увидел несколько банок масляной краски.

— Слушай, старшина, а кисточки у тебя есть? — обрадованно спросил он Савинича.

— И такое добро имеется, — с достоинством ответил тот.

— Дай мне, пожалуйста, три банки краски и пару кисточек, — попросил Александров, осененный внезапной мыслью. — Надо подмалевать машины. Краска кое-где облупилась.

Своей затеей поделился с механиком по приборам и радиооборудованию сержантом Владимиром Никитиным, который хорошо рисовал, мастерски оформлял боевой листок. Ближе к вечеру, когда полетов уже не намечалось, Александров разложил на плоскости кисточки, вскрыл банки. Обмакнув кисточку в краску, чуть откинувшись корпусом назад, провел на голубом фоне руля поворота извилистую линию. Прищурившись, всмотрелся. «Нет, не получится у меня», — подумал с сожалением и попросил Никитина:

— Давай, Володя, у тебя лучше выйдет. — И пояснил: — Нарисуй геббельсовскую морду, костер и все прочее, как договорились...

Никитин заинтересованно взял кисть, довольно ловко резкими мазками набросал большую голову на тонкой шее, в страхе сведенные к переносице птичьих глаза, подрисовал узенькие плечики. Голова вышла как бы вжатой в них. Короткий срезанный нос повис между впалыми щеками. Над лысеющим теменем лег реденький зачес. Александров, топчась рядом, гудел:

— Ну, ты талант, сержант. Прямо вылитый Геббельс получился. Только, может, зря стараемся. Капитан Козлов узнает, нагорит нам, поди.

— Может быть, — отозвался Никитин. — Надо чехол приготовить. Если на горизонте появится начальство, накроем киль и руль поворота.

Никитин с увлечением продолжал рисовать. Вот перед геббельсовским лицом проросли рожки, наметилась ухмыляющаяся мордочка усатого зеленоглазого черта. Подрисованные руки огромными клещами защемили кадыкастую шею Геббельса. Александров повернулся и спросил:

— Что такое? Не понимаю.

— Сейчас поймете, — ответил Никитин.

Под Геббельсом он изобразил костер. Языки пламени снизу охватывали туловище главного гитлеровского пропагандиста.

Александров усмехнулся.

— Володя, подрисуй Геббельсу голую задницу и хвост. Стало быть, порточки-то уже сгорели.

— Это мысль, — отозвался Никитин.

Он старательно двумя скобочками, как запятыми, обозначил тощие обнаженные ягодицы, отошел в сторону.

— Добро, — сказал Александров.

— Погоди, командир, еще не все, — ликовал Владимир и кругообразным движением кисти пририсовал Геббельсу пороссячий хвостик.

— Bravo! — ликовал Александров. — Спасибо, сержант.

В это время у штабной землянки показалась стройная фигура командира полка.

— Володя, натягивай скорее чехол, — смеясь, прошептал Александров.

Никитин, суется, проворно влез на козлы, растянул чехол по фюзеляжу и, ловко набросив его на киль, за-; бормотал:

— Мать честная, всю картину смажем, а, командир?

Александров сожалеюще кивнул, оперся носком сапога на колесо и поставил банку с кистью к красному боку тормозной колодки.

Капитан Козлов медленно обходил стоянки, внимательно осматривал самолеты, расспрашивал механиков о неполадках, о том, в чем нуждаются. Подошел он и к штурмовику Александрова. Поздоровался. Взглянул на чехол, недоуменно спросил:

— Это что за маскировка?

Механик вытянул руки по швам.

— Производим сушку чехла, товарищ командир.

— Так, так. Что, краска облупилась? — он кивнул на банку, стоящую у колодки.

— Так точно, подновить решили, — ответил Александров.

— Разноперый выйдет самолет, — упрекнул командир. — Что, нужной краски что ли не нашлось?

— Так точно, товарищ капитан, не нашлось, — не моргнув глазом, ответил Александров.

Механик, нагнув голову, прятал усмешку.

— Ну что ж, сержант, — сказал ему командир. — Молодец, что смотришь за техникой.

И ушел. Механик снова подвинул козлы, влез на них и стянул чехол.

- Как, командир, не смазали?
- Нормально. Иди, посмотри сам.

Никитин спрыгнул на землю, поправил шапку. Став рядом с Александровым, залюбовался своим произведением: на киле игривый черт с усами, ухмыляясь, держал в клещах тщедушную фигурку Геббельса и при отклонении руля поворота совал его в пламя костра.

— Гениально, — подытожил Александров. — Теперь слово за начальством.

Надвигались сумерки. Летчики и механики соседних самолетов давно уже заметили непонятные движения возле «ила» командира первой эскадрильи. Потянулись любопытные, разглядывали карикатуру, толковали меж собой:

— Заку должно понравиться, потому что дело это, Петя, политическое. Смекаешь, скоро гитлеровцы будут лить слезы и по Демянску, как льют их по Сталинграду.

- Ну и дал комэск.
- Теперь за тобой будут гоняться все «вольные охотники». Играешь с огнем.
- Себя демаскируешь.

Слушая эти рассуждения, Александров тайны своей не раскрывал. Стоял в сторонке, посматривал на черта и на Геббельса.

— Собьют, командир... Станут специально охотиться.

— Это точно. Пообещают бандитам большие деньги. Железный крест и отпуск домой в Германию.

— Да они за это черт-те чего наделать могут.

— Рискованно, комэск...

Александров отмахивался.

— Поживем, полетаем, увидим...

А сам думал: «Знали бы вы, для чего я стараюсь. Эх, да что там говорить...»

Начальник штаба Пусторнаков первым обратил внимание на столпившихся летчиков у машины Александрова.

— Чего они там собрались? — спросил он у капитана Козлова.

Командир глянул на майора Зака:

— Сходил бы узнал, в чем там дело?

Замполит подошел неожиданно. Остановившись в каких-нибудь десяти шагах, он бодро спросил:

— Что тут у вас происходит?

Летчики, вооружении, механики, прибористы расступились.

Майор поздоровался со всеми. Оглядел самолет и сразу понял, в чем дело. Он долго рассматривал карикатуру, наконец рассмеялся, но деликатно, с достоинством:

— Ну, комэск, берегитесь, Геббельс вам этого не простит.

— А я и не собираюсь у него просить прощения, товарищ майор, — ответил Александров, — наоборот... Разве не ясно по картинке, что его ожидает?

— Ну, ну, — произнес майор Зак. — Подождем, что скажет командир.

Алексей Рогожин, топтавшийся среди летчиков, не один, должно быть, думал: «Вот какой замечательный человек комэск! Все внимание фашистов отвлек на себя. Нас, значит, молодых, старается уберечь. Человек!...»

Утром из штаба дивизии пришел приказ на штурмовку одного из районов демянской группировки. Командир полка сам вышел проводить эскадрилью Александрова. Прислушиваясь к гулу запущенных двигателей, зашагал от самолета к самолету. У машины Александрова задержался. «Больно молода, неопытна эскадрилья. Но что делать? Где брать асов? Растить надо молодых, в боях растить...» Внимание его привлек киль самолета комэска. «Почему так небрежно подкрасили машину?» И тут глаза его вовсе расширились. «Во-он оно что... Ну, старший лейтенант... Это уже ни в какие ворота...»

— Товарищ старший лейтенант! — капитан Козлов сурово сдвинул брови. — Подойдите ко мне.

Александров уже с надетым парашютом шагнул навстречу.

— Это что за чертовщина? Кто приказал?

— Но...

— Отставить! — сердито крикнул командир полка.

— Но, товарищ командир... — еще раз попытался возразить Александров.

Капитан Козлов отрубил:

— Отставить!

За комэска вступился майор Зак:

— Командир, что ж теперь делать? Вылет срочный, задерживать нельзя.

— Развели тут самодеятельность, понимаешь, — уже мягче произнес капитан Козлов. — Впредь подобные штучки буду пресекать самым строгим образом. Учтите, старший лейтенант. А теперь давайте на старт.

Александров обрадованно крикнул:

— Есть, на старт!

«Собьют или не собьют?»

Группа, ушедшая на задание, состояла в основном из молодых летчиков. Капитан Козлов ходил по аэродрому, смотрел в небо, вслушивался, думал: «Ушли... А все ли вернуться? Комэск опытный. Да только очень приметен его самолет. Однако в этом есть свой резон. Решил все взять на себя. Думает, немцы будут охотиться за ним, увлекутся, а молодежь тем временем, хоть и не совсем умело, ударит по цели и вовремя уйдет. А комэску не привыкать, он виртуоз, вырвется. Вырвется — не вырвется... — гадал командир. — А если собьют? Где взять такого ведущего?»

Растревоженный, он вернулся на КП, хмуро взглянул на замполита.

— Что, командир? Переживаешь? Ничего... Александрова сбить не просто. Он выходил из многих переделок.

— Все это так, однако надо и беречься, — отозвался командир. — А он все берет на себя...

Томительно долго тянулось время. «Прошло только полчаса, а кажется, целая вечность», — думал капитан Козлов, продолжая мерить шагами узкую землянку.

Замполит сидел за столом и смотрел в оттаивающее окошко.

— Спокойней, командир.

Капитан Козлов, заложив руки за спину, нетерпеливо продолжал ходить по землянке. «Собьют или не собьют? Лучше бы сам полетел с ними. Все время летал, а нынче остался... И комиссар не мог».

Прошло еще пятнадцать минут. Он вышел наружу, глянул на затянутое серой пеленой небо. Ни одного звука, ни одного движения — сплошная тишина. Слышно только, как шумит под ветром лес за кромкой аэродрома. Вышел и замполит. Прищурился, посмотрел вверх, глухо сказал:

— Тихо как...

Капитан Козлов сдавленным голосом ответил:

— Осталось двадцать минут... Ну тридцать, и все...

— Не терзай себя, командир, — сказал майор Зак. — Не первый день на войне... Было вчера, будет и завтра. Уверен, задание выполнят, прилетят в полном составе.

Козлов с какой-то злой улыбкой посмотрел на Зака.

— Ты и в прошлый раз успокаивал меня, а прилетел только один.

— Да, успокаивал, потому что ты — командир. Ты облечен властью, призван командовать людьми. Командовать лю-ю-дьми, понимаешь?.. — подчеркнул замполит.

— И еще: силы твои не безграничны, каждодневное недосыпание и вот такие терзания могут вывести тебя из строя.

Капитан Козлов взглянул на часы, высчитал:

— Еще двадцать минут и все. Штурмовка окончена. Пора уходить от цели.

Он вернулся в землянку, остановился позади радиста и в который раз спросил:

— Ну что, молчат?

— Молчат, товарищ командир, — ответил радист виновато, как будто из-за него оборвалась связь с командиром группы «илов», ушедшей на задание.

— Продолжайте запрашивать, — сказал капитан Козлов и подумал: «Да, слабоваты передатчики. Каких-нибудь семьдесят километров и все...»

Козлов открыл низкую дверь, шагнул за порог. Над аэродромом по-прежнему стояла давящая тишина. Небо было пустынным. Редко кто видел этого храбрейшего воздушного бойца таким возбужденным, как сейчас. Все знали, что в самые критические минуты он не терял самообладания, был весь подчинен твердому рассудку, но сегодня особый случай.

Подошел майор Зак, встал рядом. Каждый из них в эти минуты ощущал все больше сжимающееся время. Кое-где на стоянках самолетов маячили фигуры. «Тоже ждут, переживают, — подумал капитан Козлов. — Что принесет этот день?» Отогнув рукав реглана, он мельком взглянул на циферблат. «Семь минут уже. Кажется, пора». Но небо было пустынным. Жег лицо ветер. По аэродрому гуляла поземка.

А в это время Алексей Рогожин в отчаянии искал глазами машину комэска. После того как все они, отштурмовав, начали выходить из круга и перестраиваться для возвращения домой, внезапно замолчали зенитки, и через считанные секунды «илы» снизу были атакованы шестеркой «мессершмиттов» и четверкой «фокке-вульфов». Истребители сопровождения, висевшие выше, бросились на помощь штурмовикам, но отразить атаку противника не смогли. Часть машин все же получила повреждения.

Александров успел свалить свой самолет на крыло, развернулся и пошел один в лобовую на «мессеров». Но они не приняли боя, увернулись от дерзкого штурмовика, и он остался один вдалеке от своей группы, а «мессеры» и «фокке-вульфы», завязав бой с истребителями сопровождения, ушли наверх.

Воздух запылялся отсветом трасс. Облачность на высоте была не густой, размытой — и они будто вырвались из нее. Рогожин видел их и помнил, что надо быть предельно внимательным, следить за окружающей обстановкой. «Но где же командир? И эти гады насаждают. А что, если среди них тот, со звериной мордой на фюзеляже? Что, если повстречаемся? Вот дела будут...» Но какие дела, он представлял себе очень плохо.

Трассы хлестали над ним, сверкали, красноватым и зеленым взблеском резали глаза. И вдруг они исчезли — все истребители пропали, провалились куда-то. «У меня же остался запас снарядов, надо пустить их в дело». Внизу, где только что поработала эскадрилья, в дыму, в поднятой снежной замети выползали на дорогу уцелевшие автомашины, самоходные орудия, и Алексей, разгоряченный штурмовкой, хотел ударить по ним. «Проявляй инициативу», — вспомнил он наставления комэска и с мальчишеской яростью в душе, прежде чем начать атаку, оглянулся назад.

Два «мессера» ходили в стороне, высматривая добычу. Он нырнул в облачко, а выскочив, повел машину над лесом на восток. Этот маневр стоил ему тех нескольких сот метров, которые отделяли его от последнего штурмовика их группы, и он бросился догонять товарищей. Под соснами вдруг увидел палатку, дымившую кухню, солдат, столпившихся поодаль. «Завтракать собрались, сволочи. Сейчас я вам устрою — порусски, с грохотом и свистом».

Чтобы добиться внезапности, он снизился до бредущего, потом сделал горку и, наклонив нос самолета, дал очередь из всех стволов по палатке. Увидел бросившихся врассыпную солдат, развернулся и прошел еще раз, добивая расползавшихся в страхе фашистов.

Ударил зенитка. «Ну а теперь дай бог ноги, — подумал Алексей. Тревога не покидала его. — Где же комэск? Что с ним?»

* * *

А Александров надеялся помешать гитлеровцам, отвлечь «мессеров» и «фоккевульфов» от своих «птенчиков». И он помешал. Благодаря этому его маневру истребители сопровождения успели подойти и не дали расстрелять «илы» с близкого расстояния. Комэск развернулся и решил догонять свою группу на бреющем. Но появившаяся пара «худых» нарушила его планы.

Должно быть, немцев крепко озадачила эта верткая, стремительная «шварцтодт», и каждый из них решил не упустить великолепного случая пополнить свой счет сбитых на Восточном фронте самолетов. И они погнались за одинокой машиной, на которой ярко полыхал костер, корчился в клещах до смерти перепуганный Геббельс и ухмылялся зеленоглазый черт.

Каждый из немецких летчиков действовал в одиночку, и, может быть, это обстоятельство рождало сутолоку. Штурмовик огрызался огнем, умело уходил из-под трасс, взмывал вверх, падал вниз, скользил на крыло и совсем по-истребительски входил в боевой разворот.

Наконец, поняв свою тактическую ошибку, фашисты перегруппировались. «Добро, — подумал Александров. — Посмотрим, кто кого. Дешево вам не дадимся...»

Стрелок сержант Иван Капустенко доложил по СПУ:

— Командир, слева сверху два «месса», изготовились для атаки.

— Угощай их, Ваня, покрепче, а я буду тебе помогать.

Встречные трассы пулеметного огня легли рядом. «Пора уходить, — решил комэск. — Прижаться к земле и уходить домой». Снова заработал пулемет Капустенко. Блестяще-режущий след трассы разорвал над кабиной воздух, и Александров инстинктивно на секунду-другую зажмурил глаза.

Командир и замполит по-прежнему стояли на краю аэродрома, всматривались в подернутое облаками небо.

— Все... время вышло, — сказал капитан Козлов и опустил поднятую руку, оглянулся на замполита.

— Будем надеяться, командир, — сказал тот. — Горючего еще должно хватить по крайней мере на пять минут. Долетят, выжмут до капли из бензобаков.

— Хороший ты утешитель, комиссар, — скупое усмехнулся капитан Козлов. — Только у меня всегда в такие моменты не сердце, а комок боли. Вот оно как.

— Без потерь на войне не бывает, — сказал майор Зак. — Держись! От твоего спокойствия и наша бодрость духа зависит.

Слабый, едва различимый звук возник и, кажется, снова потонул в шуме ветра. Капитан Козлов шагнул с дороги, остановился. Майор Зак сдвинул шапку, вслушался. Тихий вибрирующий рокот плыл, глох, качался, растворяясь в пространстве, возникал снова. Капитан Козлов поднял руку, оглянулся на майора Зака, крикнул:

— Летят!

Теперь звук различался явственно. На стоянках самолетов забегали механики, оружейники. Командир и замполит, хотя и слышали нарастающий гул, с беспокойством глядели на посадочную полосу. Всякое могло быть. А им хотелось верить в хорошее. Рокот моторов разрастался, и вот из серой пелены возник, становясь все отчетливее, силуэт самолета, за ним второй, третий.

На стоянках замахали руками, закричали. Механики кинулись впрыскалку.

Одна за другой приземлялись машины. Капитан Козлов, едва сдерживая улыбку, следил за ними почти не дыша. И пока не утих гул моторов, он все стоял, не в силах поверить тому, что сбился со счета.

— Шесть машин, — глянул он на замполита. — Ты считал?.. Кого же нет?

Широким шагом Козлов пошел к заруливающим самолетам. Он обнял вылезших из кабин летчиков, ищущими глазами оглядывая каждого.

— Кого нет? Александрова и этого... Как его? Молодого. Рогожина?

Летчики наперебой стали докладывать, что видели их целыми, невредимыми. Правда, в последний момент Александров и Рогожин куда-то исчезли, а что с ними произошло — никто не знал.

— Вот беда... Комиссар, что скажешь? Напрасно я разрешил ему лететь с такой карикатурой. И молодой этот, Рогожин. Хлесткий парень. Мог что-нибудь тоже выкинуть... Стоп! — почти шепотом остановил он самого себя, сдвинул шлемофон. — Слышишь?

В воздухе нарастал гул, все мощнее и мощнее, и вот вырвался из мглы, пошел на снижение самолет. По размытому темному пятну на киле командир понял, кто это.

— Он! Комиссар, он!

Комэск посадил машину четко, уверенно. Долго не сдвигал фонарь, сидел в кабине.

— Что с ним? Ранен?

Подбежав к штурмовику, капитан Козлов увидел за плексигласом суровое нахмуренное лицо Комэска. Замахал рукой.

— Что с тобой? Вылезай.

Выбравшись на плоскость, Александров прижал к бедру отдуваемый ветром планшет, спросил:

— Все пришли?

— Молодого нет. Рогожина.

Комэск поник головой. Спрыгнув на землю, подумал: «Сбили? Или увлекся, выкинул какой-нибудь фортель и отстал?»

Лобанов, Марыгин и Белов — все переживали в этот момент. Вспоминали, как совсем недавно, какой-нибудь месяц назад, шли заметенными дорогами со станции Пено к аэродрому Баталы, и Алексей рассказывал им о своей жизни, о том, как увлекся авиацией, как впервые получил летный шлем и кожаные перчатки. После первого полета он шел через всю Тулу пешком к себе в Гостеевку, размахивал шлемом и перчатками, и люди оглядывались на него, смотрели на рыжую шевелюру, а он был от счастья на седьмом небе. «Летчик...» А теперь вдруг нет его, и они никогда больше не увидят озорной улыбки, не услышат быстрого говорка. Нету Лешки. И все.

Понурые, они направились к столовой. Комэск Александров тут же покритиковал ведомых:

— Нельзя сбиваться в кучу. Я понимаю, практики маловато. Но надо всегда держаться за ведущим, следить за его действиями. — Он остановился и строго спросил: — Кто видел Рогожина последним?

Ребята молчали, опустив глаза. Не успели сделать и десяти шагов, как из сизой мглы над лесом вывалился штурмовик и беззвучно, на большой скорости, пошел к посадочной полосе. Вначале никто не понял, что произошло, уж очень быстро шел самолет. Мотор его не работал, хотя крутящийся диск винта со свистом резал воздух. Потом Марыгин крикнул:

— Братцы! Это же Лешка на своем тринадцатом!

— Он, — глухо отозвался Бутузов. — Ну, везучий, все же долетел. Как только бензина хватило? Хорошая у него машина.

Плотно сбитой толпой все побежали назад. Самолет быстро снижался. Коснувшись земли, взрыхлил снежную пыль, покачиваясь с боку на бок, пробежал сотню метров и, разворачиваясь к стоянке, чиркнул плоскостью по макушке сугроба и замер. Не успели летчики подбежать, как Алексей выбрался из кабины. Молодым петушком спрыгнул на снег, расстегнул комбинезон. От него шел пар. Белозубо

улыбаясь, шагнул навстречу друзьям. Первым подбежал механик Беседин, обнял, уткнулся лицом в плечо.

Перед комэском расступились, пропустили его к Алексею.

— Докладывай, — сказал комэск, — почему потерял ведущего и оторвался от группы, что, каждый раз так будешь выкаблучивать или, может, хватит?

Он смотрел мимо Алексея, хмурил белесые брови. Рогожин вытянулся:

— Осуществил дополнительную штурмовку. В лесу недалеко от цели заметил немецкую кухню, уничтожил до двух десятков гитлеровцев...

— Добро, — прервал его комэск и повернулся к толпившимся позади летчикам и механикам. Показывая через плечо оттопыренным большим пальцем на Алексея, сказал: — Видали его? «Осуществил дополнительную штурмовку». — Он повернулся к изумленному Алексею. — Так-перетак, ты чем думал? А?

И понес, и понес. Крыл Алексея хлестко, круто. Тот стоял, понунив голову.

— Чему я тебя учил? Решил в одиночку действовать. Забыл о чувстве локтя. Вся группа из-за тебя рисковала. Понял, садовая голова? И сел... Как ты сел? С сухими баками и заглохшим мотором. А если б горячее кончилось чуть раньше, угробил бы себя и машину. — Комэск помолчал. Затем с придыханием сказал: — За подобные штучки отстраняю от полетов и объявляю выговор.

Алексей упавшим голосом произнес:

— Есть, выговор.

В столовой майор Зак, увидев входивших летчиков, сказал капитану Козлову:

— Видишь, командир, все вернулись. Выходит, помогла картиночка?

Капитан Козлов нахмурился. Коротко взглянув на замполита, уточнил:

— Скажи уж, что черт помог. Вернее, Геббельс. Штрафники боялись, в него попадут...

Первые потери

После ужина пошли в клуб, просторную землянку. Алексей был молчалив, хмур. Марыгин, видя его приунывшим, пытался расшевелить друга. О чем-то долго говорил, гудел на ухо. Алексей морщился: — Да отстань ты, репей...

— Кто репей? Я? — удивился Марыгин. — Ребята, он меня репьем назвал. Это как? Терпеть? Ладно, стерплю.

Отстав от Алексея, он подошел к летчикам, собравшимся вокруг печки, потихонечку затянул песню. Его поддержали, и вот уже с десятков молодых крепких голосов чеканили слова:

Гремя огнем, сверкая блеском стали,
Пойдут машины в яростный поход.

Алексей подсел ближе. Марыгин обнял его, заглянул в лицо смеющимися глазами.

— А хошь, Леша, спляшем? — предложил он. — Ты ведь хороший плясун. Давай на спор перепляшу тебя.

— Да ладно тебе, — отнекивался Алексей. — Охоты нет.

— Ну, ты не унывай. Комэск отходчивый, простит. Давай, а? Или дрейфишь?

Марыгин поднялся, поправил шапку и, ударив в ладони, выбил на утрамбованном земляном полу чечетку. Подмигнув шельмовато прищуренными глазами, поманил Алексея. Ребята стали подталкивать Рогожина:

— Уважь, Леша. Друг просит.

Все принялись хлопать в ладоши и пристукивать ногами. Алексей нехотя поднялся, неуклюжий в распахнутом комбинезоне, в унтах, в шлеме набекрень. Марыгин остановился.

— Стоп, ребята. Я — на спор! Леша, если не перепляшешь, — скидывай унты. Идет?

Веселое возбуждение охватило Алексея. Махнув рукой, он сказал:

— Э, где наша не пропадала.

Унты его и подвели. Разве в них спляшешь?

Марыгин плясал самозабвенно. Он так разошелся, отстукивая каблуками и прихлопывая ладонями, что под конец Алексей не выдержал, упал на солому в углу и задрал ноги:

— Стаскивай унты! Твои!

Марыгин растерянно заморгал глазами.

— Да ты что? Я пошутил. Какой же ты летчик без унтов? Вот дойдем до Берлина, тогда, пожалуйста, могу и взять. Отвезу их в наш тульский краеведческий музей, а под ними надпись будет: «В этих унтах туляк, Герой Советского Союза, Алексей Рогожин штурмовал Берлин».

— Ну, Миш, спасибо! Обязательно постараюсь. А ты уж не забудь насчет краеведческого.

Ребята дружно засмеялись, а Марыгин сказал:

— Хорошо, Леш! Клянусь, позабочусь. Только ты позвони туда, — он показал глазами вверх. — Чтоб я остался живым до победы...

— Ладно, ладно, — ответил Алексей, — обещаю.

* * *

Редко выпадавшие короткие минуты отдыха сменяли суровые фронтовые будни. На следующий день с боевого задания на аэродром не вернулись Александров и Лобанов.

Капитан Козлов был хмур. Расспрашивал летчиков, где, когда, при каких обстоятельствах был сбит Лобанов. Ребята стояли, опустив головы. Один Бутузов нарушил молчание.

— Я видел, что самолет Лобанова был неуправляем. Истребителей противника в этот момент рядом не было. Вероятно, в него попал зенитный снаряд, — неуверенно сказал он. Бутузов коротко вздохнул и виновато добавил: — О комэске ничего не знаю, была такая заваруха, но в районе цели никто, кроме Лобанова, не падал. — Он посмотрел на своих товарищей. Никто из них ничего не мог добавить, — Может, жив комэск. Сел на вынужденную или приземлился на соседний аэродром?

Алексей стиснул зубы. «Лобанов... Только час тому назад видел его. Он был весел и спрашивал меня: «Леша, ты письмо матери написал?» И все радовался: «А я несколько штук отправил. Правда, в них кроме жив-здоров, летаю, чего и вам желаю — ничего не сообщал. Но и то хорошо. Пусть знают, что и на фронте никого не забываю». И вдруг не стало боевого товарища...» Это вызывало у Алексея все возрастающую ненависть к фашистам.

Теплилась, утешала надежда, что, может быть, хоть комэск жив. Но тревога угнетала, и Алексей не находил себе места.

Механик Лобанова неприкаянно бродил по пустой стоянке. Порывистый ветер трепал его распахнутую куртку. Летчики с болью смотрели на него. А он все ходил и ходил, опустив голову, переставлял какие-то ящики с места на место, прислушивался, смотрел в небо. И молодые летчики не решались подойти к нему, успокоить.

Подошедший майор Зак похлопал механика по плечу, повернул к себе. Никто не слышал, что сказал ему замполит, только все заметили, как механик неловким движением руки махнул по лицу и слепо шагнул в сторону. Его шатнуло. Зак взял его под руку, пошел рядом. Летчики молча проводили их хмурыми взглядами.

Вспомнить погибшего товарища собрались в столовой. На столе, за которым обычно сидел Лобанов, стояла тарелка с дымящимся борщом. Летчики, сутулясь, смотрели на нее, и каждый вспоминал Лобанова, его строгое, немного задумчивое лицо,

широко открытые глаза. Никто не смел шевельнуться, никто не произнес ни слова. Это была первая потеря из состава нового пополнения, горькая, ощутимая, как собственная беда.

Майор Зак, выждав несколько минут, нарушил тягостное молчание, поднялся, обвел взглядом летчиков и хрипло произнес:

— Мои дорогие товарищи... Память о нашем боевом друге мы сохраним в наших сердцах, — опустив глаза, он помолчал. — Всем нам тяжело. Война вырвала из наших рядов товарища и друга. Но я призываю вас не падать духом и продолжать делать свою боевую работу. Так будем жить и бить фашистов...

Расходились из столовой молча. В сером небе кружились снежинки. Ветер шумел в вершинах вековых сосен. Летчики, не сговариваясь, двинулись к штабной землянке. Всех одолевала одна мысль: как там комэск? А вдруг раздастся звонок и сообщат, что он цел и невредим и скоро прибудет на свой аэродром?

— Придется кому-то из нас зайти в штаб, — сказал Бутузов. — Давай, Леша, ты по старой памяти. А?

Алексей молча отворил дверь, вошел в волглую теплынь, козырнул.

— Разрешите обратиться, товарищ командир?

Капитан Козлов в накинутом на плечи полушубке сидел у телефона. Увидев Рогожина, кивнул, но, понимая, с какой целью пришел сержант, что тревожит его, произнес:

— Ничего пока не известно. Идите отдыхать, сержант. Завтра будет работа. Если позволит погода, пролетим по маршруту до цели.

Товарищи встретили Алексея нетерпеливыми взглядами. Он покачал головой, сказал:

— Приказано отдыхать. Пошли, ребята.

Кто-то предложил зайти в землянку, где размещался технический состав. Гостям были рады. В углу топилась «буржуйка». Выведенное в маленькое оконце колесо трубы накалилось, через его стыки выходили струйки сизого дыма. Было тепло, с мороза все сгрудилось возле печки, тянули к ней руки, курили.

Пришел Беседин. Загадочно посмеиваясь, сказал:

— Сегодня, братцы, двойной праздник: День Красной Армии и день рождения моего командира, Алексея Арсентьевича Рогожина. Так что я приглашаю вас отметить эти две даты. Вот и чайник уже закипел. Как говорится: «Выпьем, няня, где же кружка? Всем нам будет потеплей».

— Не ври, Дима, — перебил его Марк Коган. — У Пушкина пьют с горя, чтоб сердцу стало веселей.

— У нас тоже горя хватает, — сказал Алексей. — А откуда ты, Дмитрий Иванович, узнал о дне моего рождения?

— Это военная тайна, — отшутился Беседин.

— Друзья! — воскликнул Рогожин. — А мне и правда сегодня исполнился двадцать один год.

— Да ну? Чего же ты молчал? — спросил Бутузов.

— Честно. Не до того было.

— Мы думали Дима шутит, — отозвался Владимир Никитин.

— Поздравляем, Леша! — закричал Марыгин.

— Удачных тебе штурмовок! — добавил Евсеев.

— Располагайтесь ближе ко мне. Давайте кружки, — примирительно сказал Беседин. — Тут шоколад и печенье есть.

— И вообще, вали все в кучу, — продолжал техник звена управления Илья Гаврилин, — сейчас поедим и на завтрак оставим. Опять аэродром расчищать придется, вон сколько снега навалило!

Все оживленно толкались у печки, шутили, вспоминали прошлое, мирные дни и то, как тогда отмечали этот всенародный праздник. От тепла и чая лица ребят раскраснелись.

— Уютно здесь, — сказал Гаврилин, — а вот где наш командир?

— Небось, сел на вынужденную, — предположил Евсеев, — и завтра будет дома.

— Хорошо, если так...

Быстро летело время. Печка прогорела. Бутузов и Евсеев вышли за дровами. В темном небе по-прежнему шумел ветер, косо летел крупный снег. Они принесли по охапке сушняка. В «буржуйке» опять загудело пламя. Прислушиваясь к потрескиванию дров, все какое-то время молчали.

— А не пора ли на боковую? — зевнув, сказал Евсеев.

— Что ты, Володя! — удивился Алексей. — Дмитрий Иванович еще чайник вскипятил.

— Действительно, что-то вы все приуныли, — спохватился Беседин, вспомнив о своей роли тамады, потянулся за чайником.

И вдруг дверь распахнулась. Кто-то простуженным, сиплым голосом скомандовал:

— Хенде хох!

Хватаясь за пистолеты, летчики разом обернулись. В проеме, освещенный желтым светом коптилки, весь в снегу, с парашютом в руках, стоял комэск Александров. Из-за его плеча, улыбаясь, выглядывал стрелок Иван Капустенко.

Все вскочили, бросились обнимать, жали руки, подталкивали к печке, к теплу.

Дмитрий Беседин торопливо налил в кружки крепкого чая и протянул их комэску и Капустенко. Все наперебой зашумели:

— Садитесь, командир!

— Эх, вот жизнь! В один день и горе и праздник.

— Заждались вас, командир.

Бутузов, растолкав ребят, усадил комэска и его стрелка на табуретки, подвинул им еду.

— Ешьте, небось проголодались?

Тронутый таким вниманием подчиненных, Александров с чувством произнес:

— Спасибо вам за все.

Комэск видел, что его летчикам и техникам не терпится поскорее узнать, что и как с ним произошло. Тогда он первым нарушил молчаливое ожидание и, покачав головой, спросил:

— Что же вы все, други мои, разбежались в воздухе? Не гоже бросать командира, отдавать его на съедение «фокке-вульфам».

Летчики посмотрели друг на друга: оказывается, были «фоккеры», а их никто и не видел. Бутузов, вспомнив свой доклад капитану Козлову, опустил голову.

— Командир, мы потеряли вас из виду. Все глядели в оба, а вы, как в воду... Так ничего и не поняли, — за всех ответил Евсеев.

— Не мудрено, — медленно произнес комэск и задумался. Потом внимательным взглядом окинул ребят и тревожно добавил: — Не вижу Лобанова.

Алексей пояснил:

— Нет его. Не вернулся.

— Кто видел? — глухо спросил комэск.

— Я, — сказал Бутузов.

Александров помолчал, плотно сжал губы. И только сейчас летчики заметили на его щеках темные пятна.

— Поморозились, командир?

— Пустяки, пройдет, — ответил Александров.

Они только теперь начинали понимать, почему потеряли его из виду там, в воздухе над целью. Должно быть, он первым увидел и увлек за собой немецких

истребителей, и они гонялись за ним где-то в стороне, лелея надежду сбить русского и получить желанную награду — уехать в Германию подальше от этих метелей и морозов и, чем дьявол не шутит, возможно, тем самым уцелеть. И все с уважением и благодарностью посмотрели на своего командира.

— Ну, а как все было на самом деле? — первым поинтересовался Бутузов. — Объясните нам, непутевым...

— Да тут, братцы, и рассказывать особо нечего... Произошло это уж после того, как первый заход сделали. Как псы вцепились в меня «охотники». Они, оказывается, внизу нас ждали. Сверху-то им истребители сопровождения мешали. А на выходе из пикирования «ил» беззащитен: щелкнуть его не сложно. Ну, я разогнался с принижением, они — за мной. Вначале думали, им зайчик смиренный попался, сейчас, мол, шпок его — и в кубан. А зайчик-то сам норовит шпокнуть, да и стрелок мой, Ваня, по ним лупит из крупнокалиберного. Когда они разобрались в обстановке, вы уже штурмовку закончили. Ну а я загнул боевой разворот и в облака. Вынырну, посмотрю — ждут, кружат, дьяволы. Уж больно им охота поймать меня на мушку. И поймали... М-да-а. Правда, случайно сам напоролся на очередь. — Он примолк, легонько коснулся щек, поморщился. — В общем, подбили. Зацепили маслорадиатор. Куда деваться? Думаю, надо как можно ближе к своим долететь. Перетянул линию фронта, мотор дает перебои, вот-вот заклинит. Гарью уже запахло. Не стал я ждать, пока он выйдет из строя, выбрал местечко в мелколесье и благополучно плюхнулся на живот. Пока полз, снега сдвинул перед собой целую гору. Весь самолет ушел под нее. Никакой тебе маскировки не надо. Только киль да кабину чуть-чуть загородили лапником — и все. Рядом будешь — не найдешь. Сделали что надо со своим «илом», огляделись. Оказывается, сели на дорогу. Так что самолетик наш дорогой можно будет свободно притащить домой.

Ну, простились мы с ним на всякий случай, взяли компас, определили азимут, взвалили на плечи парашюты, снятые приборы и айда... Вот тут-то, на радостях, сделали серьезную ошибку: не пошли по дороге, а решили напрямик, чтоб сократить путь. И — на тебе! Провалились в снег, а под ним — жижа, шипит, пузырится. Болото совсем не замерзло. Слышал я о нем жуткие истории: кто опускался сюда зимой на парашюте, здесь и оставался... Ну, думаю, попали: куда ни шагаем, — везде чуть не по колено.

Хорошо еще не в унтах, а в сапогах были, а то бы без ног остались.

Шли долго. Вокруг ни села, ни деревни. Тишина. Только где-то вдали погромыхивает. И знаете, что самое удивительное, вышли прямо на Баталы. Пригодилась, оказывается, туристская подготовка. Азимут выдержали точно.

Когда зашли на КП, командир аж растерялся. Упали, говорит, как снег на голову...

— Хорош снежок, — отозвался Бутузов, — килограммов под девяносто.

Александров косо посмотрел на Михаила.

— С парашютом и приборами, пожалуй, побольше будет...

— Доложили командиру, — продолжал комэск. — А он говорит: «Не буду портить вам праздничного настроения, сделаю это в другой раз. А сейчас идите скорее в землянку техсостава, туда пошла почти вся ваша эскадрилья». Мы сразу сюда. Вот и весь сказ. — Он повернул к себе стоявшие на самодельной подставке круглые самолетные часы и строго сказал: — Засиделись мы. Пора по домам.

Летчики простились и вышли на улицу. После долгого молчания Михаил Бутузов сказал:

— Хорошо, командир, то, что хорошо кончается. А могло все кончиться иначе...

— Да, — кивнув головой, согласился Евсеев, — могло. А не хватит ли, товарищ командир, так рисковать? Ты себя раскрыл, и они теперь специально будут охотиться. И нам, как только привезут твою машину, придется общими усилиями закрасить эту картинку. Чтобы твой самолет не отличался от других.

Александров обернулся и, глядя на летчиков, спросил:

— Выходит, вы меня осуждаете? Мало, что командир обещал снять стружку, и вы заодно? Я стараюсь изо всех сил, а получается напрасно?..

— Да нет, почему же, — примирительно сказал Евсеев. — Мы любим тебя. Это во-первых, а во-вторых, извини за такой разговор, но сам же ругал Рогожина, что он оторвался от группы. А теперь? — Евсеев встал перед Александровым и показал на Алексея глазами: — Получается, ведь он тоже делал это ради нашего общего дела. А мы, да и ты раньше думали так: что бы ни произошло, надо держаться друг друга. Держаться так, чтоб никто не смог нас разъединить: ни истребители, ни зенитки. Тогда мы действительно будем дружной, слитой воедино эскадрилей.

— Ну, сдаюсь, — сказал комэск. — Спасибо за урок, мои дорогие орелики. Сдаюсь без боя, и с этого дня я от вас никуда! Но и вы, надеюсь, будете платить мне тем же — никогда не отрываться от группы.

— Есть, не отрываться, — хором ответили летчики.

— Один за всех, и все за одного, — выпалил Рогожин.

— Значит, Геббельсу конец? — улыбнулся Евсеев.

— Согласен, — сказал Александров. — Ну а теперь пора и честь знать...

Поздним вечером летчики улеглись спать. На улице по-прежнему свистела вьюга, предвещающая нелетную погоду.

А жизнь идет

После многодневных метельных бурь утонувший в снегах аэродром расчищали силами не только личного состава авиаполка и батальона аэродромного обслуживания. Пришлось обратиться за помощью к жителям окрестных деревень.

В шесть часов утра всех пришедших распределили по объектам, раздали орудия труда. В ход пошли широкие совковые и штыковые лопаты, фанерные волокуши, объемистые плетеные корзины, поставленные на сани.

Работали дружно и, когда совсем развиднелось и расползлись по низинам усталые рассветные сумерки, полевой аэродром Баталы был готов к приему и отправке «илов» на очередное боевое задание.

Прогноз погоды дали удовлетворительный. Сверху продолжал сыпать мелкий снежок. По расчищенной дорожке, как по глубокой траншее, Алексей Рогожин подошел к стоянке. Беседин копался в моторе. Он еще издали приметил стройную фигуру командира, закрыл лючок в капоте, положил в карман комбинезона специальную отвертку и вышел навстречу. Он поднес испачканную в масле широкую ладонь с застывшими пальцами к солдатской ушанке и бодро доложил:

— Товарищ командир, самолет к полету готов.

— А как мотор? — сдерживая улыбку, спросил Алексей, зная наперед, что ответит механик.

— Мотор, как зверь, ревет, аж страшно, — известной всему полку фразой ответил Беседин.

— Ну, какой же зверь, Дмитрий Иванович? Вчера, когда прогревали, чихал, какая-то свеча не работала.

— Так звери-то, товарищ командир, разные бывают. Вчера был больной, а сегодня поправился. На шестом цилиндре свечу заменил, зарычал ровненько, без перебоев. Да вы и сами увидите.

— Значит, прогревал?

— Так точно! Замечаний нет.

— Ну, спасибо, Дмитрий Иванович. Теперь вижу, что «зверь» наш по небу соскучился. Пора ему и поразмяться.

— А к вам Джинчарадзе не заходил?

— Жан? Он вернулся?

— Да, они рано утром пригнали с завода самолеты. Их капитан Елисеев привел. «Илы» все двухместные, с иглочки. Со стрелком-то веселее летать, а, товарищ командир? Может, и нам дадут?

— Да нет, Дмитрий Иванович, летаем еще на старом. Я уже привык к одиночке.

— Слыхали, Марк Коган, механик по вооружению из второй эскадрильи, соорудил на самолете Мурачева кабину для стрелка, и сам летает на боевые задания. Здорово. А?

— Да, Марк на все руки мастер. Поэт, — с восхищением сказал Алексей. — Значит, ты видел, как садилась группа Елисеева?

— Да, сели они нормально. Я бегал посмотреть новые машины. Елисеева с температурой сразу в санчасть увезли, простудился он. А наш Джинчарадзе, Николай Стрельцов из второй эскадрильи, Юрий Балабин из третьей и все остальные отдыхать ушли. Они в Мигалово самолеты свои откапывали, устали. С ними прилетел старший лейтенант. Кажется, Багров. Говорят, назначен комэском третьей...

— А еще про что говорят? — спросил, улыбаясь, Алексей.

— Про пожар, конечно. Вы что, не слыхали?

— Нет. Я сюда прямо из дома.

— Это под утро случилось. Чемпион наш, Коля Сретенский, малость обгорел. Сегодня после полетов капитан Козлов даст оружейникам второй эскадрильи взбучку.

Внезапно появившийся комэск Александров прервал их беседу. Выслушав доклад Рогожина, спросил:

— Как настроение?

— Бодрое, товарищ командир! — ответил Алексей. — Мы их бьем, они отступают.

— Молодец, — похвалил комэск. — Пойдешь моим ведомым. Объяснять долго не буду, маршрут прежний. Все делать по ведущему. Понятно?

— Так точно! — обрадовался Алексей.

— Готовьтесь, — сказал комэск и зашагал к своему самолету.

В десять часов Александров уже выводил четверку по узким, пробитым в глубоком снегу рулежным дорожкам к наспех утрамбованной взлетной полосе.

Не прошло и двадцати минут, как снова налетел ветер, облака опустились почти до земли, и группе «илов», имевшей задание уничтожить артиллерийские и минометные батареи в районе Грушевидной роци, пришлось с полпути вернуться домой.

Посадку произвели в снежных вихрях, почти вслепую. Вертикальная видимость была меньше пятидесяти метров. Снежная пелена застилала горизонт, казалось, что вся поверхность земли пришла в движение. Комэск очень переживал за своих подчиненных Бутузова, Евсеева и Рогожина. Они впервые сажали тяжелые машины с бомбами и эрэсами на борту в таких условиях. К счастью, все обошлось благополучно. Никто не сошел с посадочной полосы и не застрял на рулежной дорожке.

Александров радовался растущим успехам своих питомцев. Он и раньше верил, а теперь воочию убедился в том, что не зря опекал своих «птенчиков» в первых полетах: теперь они оперились и встали на крыло.

Вечером в столовой Алексей узнал подробности о случившемся пожаре в землянке техсостава 2-й эскадрильи.

...Накануне в связи с нелетной погодой было решено снять, отрегулировать и почистить все бортовое оружие штурмовиков.

Оружейники трудились сутками, не покладая рук: снимали с «илов» и таскали в землянки тяжелые пушки и пулеметы, вычищенные и отлаженные на лютном ветру несли к самолетам, ставили на место и пробовали работу.

На улице гуляла метель. Время было за полночь, когда от раскаленной трубы времянки вспыхнуло подвешенное под потолком пропитанное парами масел полотно, защищавшее рабочие места от песка, сыпавшегося сквозь щели перекрытия.

Механики, похватав оружие, бросились к выходу. Сретенский замешкался, пытался погасить пламя, но сделать это не удалось. Ему опалили брови, ресницы. Прикрывая лицо согнутой в локте рукой, Николай на ощупь отыскал разобранный пулемет, подхватил его обеими руками и кинулся прочь из землянки.

— Выходи скорее! — поторапливал его Илья Гаврилин, направляя на огонь шипящую струю пены из красного пузатого огнетушителя.

Сгибаясь от боли, Николай как-то боком выбрался из землянки и упал лицом в снег. К нему подбежали товарищи. Лена Рогожникова и Саша Дроздова наспех перевязали его и доставили в лазарет. После обработки ожогов и перевязки он, помахивая нестерпимо горящими руками, пошел в палату. В коридоре неожиданно повстречал своего комэска капитана Елисеева Николая Трофимовича. Оба обрадовались, как будто не виделись вечность. Елисеев, обхватив за плечи Сретенского, спросил:

— Коля? Что с тобой?

Сретенский, придерживая забинтованную руку, рассказал о случившемся.

— Ну, не беда, — утешил его Елисеев. — Главное, глаза целы, а остальное до свадьбы заживет.

— Да что вы, товарищ капитан, о какой свадьбе речь? У меня же семья, дети.

— Да я пошутил, — посмеиваясь и подталкивая Николая в бок, сказал комэск.

— А вы почему здесь, товарищ капитан? — спросил Сретенский.

— Простыл, температура подскочила, боюсь, не воспаление ли легких. Тогда здесь надолго пропишут. Сейчас самая работа начинается. Наши наступают, такая сила движется, что у фрицев земля будет гореть под ногами.

На следующее утро Елисееву полегчало. Температура спала, и он уже тихонько напевал свой любимый романс «Гори, гори, моя звезда». Поутихли боли и у Сретенского. После завтрака они сговорились сыграть в шашки, у сестры-хозяйки взяли затертую доску, притулились в уголке на тумбочке.

Обожженные руки болели, но любимое занятие отвлекало Николая, и он радовался, глядя на шашечную доску, как быстро слагаются в его голове логические цепочки ходов.

Сыграли четыре партии. К восторгу Елисеева, две он с таким шашечным бойцом, как Сретенский, закончил вничью. Воодушевленный, он предложил Николаю «контровую» пятую.

Сражение было упорное. Но опыт и мастерство Сретенского взяли верх.

— Ладно, сдаюсь! — согласился Елисеев.

Вечером после ужина, о многом переговорив, они разошлись по своим палатам. Сретенский под впечатлением такой цепкой игры Елисеева вспомнил о том, как на днях во время зарядившей непогоды давал сеанс одновременной игры почти всем желающим. Особенно ему запомнился ершистый, упрямый тулячок Леша Рогожин.

Он, сосредоточенно хмуря брови, все пытался найти такой ход, чтобы подковырнуть Сретенского. Все приговаривал: «Щас еще пару ходов и все». Но проиграл и ушел обиженный. «Да у нас, как он, пол-Тулы играет. А на оружейном — так похлеще есть. Подумаешь, Встретенский!» «А симпатичный паренек, — подумал о нем Николай. — Упрямый, отличный, должно быть, летчик».

Вспомнился спокойный, даже немного флегматичный, Балабин. После каждого хода мастера спорта Сретенского он слегка откидывался назад, чуть приподняв одну бровь, как бы выражая свое спокойное удивление тому, что произошло на доске. Затем низко наклонялся к ней, коротким энергичным жестом передвигал шашку, опускал руки

и, сжимая их коленями, глядел на доску, дожидаясь, когда к нему подойдет «гроза» новичков Коля Сретенский.

Припомнился Николаю последний мирный день, весь пронизанный летним солнцем. Это было в Ростове-на-Дону. В помещении, где проходил полуфинал по русским шашкам, стояла тишина, только изредка от сквозняка приглушенно похлопывали тяжелые шторы. Николай тогда служил в Харьковском авиационном училище, и то, что в день двадцать второго июня так внезапно ворвалось в жизнь людей, занимавшихся мирным трудом, мирными спортивными состязаниями, потрясло его. В тот же день он сдал билет для поездки на родину, в Калинин, где его ждали родители, жена и сын, и возвратился в училище.

Теперь, находясь в санчасти, он перебирал в памяти многое-многое, удивляясь тому, что вот такие пути-дороги бывают в жизни. От Харьковского училища и пошло начало 673-го авиационного штурмового полка, в котором он служит.

Вечером следующего сумрачного февральского дня, показавшегося Елисееву и Сретенскому таким длинно-тягучим без трудного, но любимого дела, их навестили летчики — сержанты Михаил Мурачев и Николай Стрельцов, механики Марк Коган и Павел Сидоров.

Елисеев встретил их счастливой улыбкой и, широко раскинув руки, сказал стоявшему рядом Сретенскому:

— Ну, чемпион, сдавайся! Видишь, какое пополнение пришло. — И стал рассказывать товарищам, как он сегодня вчистую проиграл Николаю. — Представляете, и продохнуть не дал, жал так, что я не знал, куда деваться.

— Что же ты, Никола, командира обижаешь? — с иронией спросил Марк Коган. — Дождешься, что нам действительно придется помогать ему.

— Помогайте, пожалуйста, — ответил Сретенский. — Только в игре надо быть всегда честным. Что из того, если я нарочно проиграю товарищу командиру? Так неинтересно: исчезнет момент неизвестности и прекратится творчество.

— Верно говоришь, сержант! — похвалил его Елисеев. — Не давай яйцу курицу учить.

— Правильно, командир, — отозвался Михаил Мурачев. — На то он и мастер, чтобы нас учить, как надо побеждать.

— Ну а теперь смотрите сюда, — улыбаясь, обратился Марк к Елисееву и вынул из кармана шуршащей брезентовой куртки желтые ароматные антоновские яблоки.

— Вот спасибо! — поднимая руки, засмеялся Елисеев. — За такой гостинец тебя расцеловать надо. Теперь вижу, что ты настоящий маг, чародей то есть. Где достал?

— Есть тут у вас, товарищ командир, одна поклонница. Вот ее и расцелуйте, как поправитесь...

— Людмила, что ль?

— Она, — хитро улыбаясь, ответил Марк.

— А что же сама?

— Сама... Стесняется.

Елисеев быстро оглядел лица товарищей и, обернувшись к Когану, спросил:

— Значит, разыграли?

— Да что вы, товарищ командир. Ну, честное слово! — Марк отвернулся, пряча лукавую улыбку. — Ладно. Вы лучше послушайте, о чем у нас поговаривают. Верно, Павел, будто на новые «илы» будут ставить тридцатисемимиллиметровые пушки?

— Говорят, — согласился Сидоров. — Но пока все остается по-прежнему.

— Тебе что, Марк, надоело таскать семидесятикилограммовые? — усмехнулся Елисеев. — Хочешь, чтобы они весили по девяносто?

— Да нет, — вступился за друга Мурачев. — Просто он мечтает, чтобы у стрелка был не шкас и не крупнокалиберный пулемет, а пушка.

— Ну даешь, Марк! — удивился Елисеев. — Кстати, я слышал, что ты грозишься переделать все одноместные «илы» и посадить в них своих оружейников вместо стрелков?

— А много ли их, товарищ командир, осталось у нас? Помните, сколько было под Сталинградом? И если б сразу переделали, смотришь, кто-нибудь из тех, кто остался там, в сталинградских степях, сидел бы и сейчас с нами...

— Сколько их у нас, одноместных? — спросил Стрельцов.

— Всего шесть и один из них переделанный, — ответил Елисеев.

— Верно, — согласился Коган, — осталось пять. В первой один, на нем Лешка Рогожин летает, в третьей два и у нас.

Елисеев скосил глаза на Марка и пошутил:

— Наш Мурачев уже давно втроем летает с Коганом и шкасом.

— Уже говорите тогда вчетвером: шкас-то сделали двое — Шпитальный и Комарицкий. Однако завтра мы собираемся заменить наш скорострельный шкас на крупнокалиберный Березина, тогда нам станет еще веселее.

— Что ж, Марк, — сказал капитан Елисеев. — Спасибо тебе за то, что думаешь и помогаешь беречь людей и технику.

А все началось с разговора Марка Когана с летчиком Мурачевым, самолет которого он обслуживал.

— Как вы себя чувствуете во время боя в воздухе?

Мурачев, не долго думая, ответил:

— Неуютно, особенно, когда «мессер» с хвоста заходит.

— Вот-вот, и я об этом же... Вы взлетаете, а я остаюсь, чего только не передумаю, хоть реви тут от злости и бессилия помочь вам.

— Чем можешь? — усмехнулся Мурачев.

— А вот чем, — ответил Коган и показал на стоявший у стеллажа снятый с «ила» пулемет шкас. — Если начальство даст добро, то кое-что может получиться.

И Коган коротко рассказал, как можно использовать люк позади бронекорпуса под самодельную кабину, где установить на фюзеляже пулемет, ящик для ленты, повесить сиденье.

— Ну, а коли установим пулемет, то за неимением штатных стрелков буду сам летать с вами. Чем я хуже другого? Идет, товарищ командир?

На том и порешили. Инициативу Когана поддержал и комэск, и командир полка. С тех пор в свободное от основной работы время Марк вылетал на боевые задания. Не совсем, конечно, было удобно сидеть в «самodelке», но сознание того, что ты оберегаешь своего боевого друга и самолет, придавало уверенности. И как же был обрадован Коган, когда однажды ему удалось не только отбить атаку по привычке без опаски зашедшего в хвост «мессера», но и поджечь его меткой очередью.

Вначале Марку стало не по себе, когда «мессер», уверенный, что остается в безопасности, настолько приблизился к «илу», что за колпаком была отчетливо видна голова фашистского летчика, его ставшие внезапно огромными очки на шлемофоне.

Коган почувствовал за спиной знобящий ветерок, но взял себя в руки, успокоился. «Да он, фашист, должно, еще никак не сообразит, что за диво перед ним», — подумал Марк и нажал гашетку. Он не увидел дымной трассы своего пулемета — она гасла под слепящим зимним солнцем, — увидел совершенно другое, неожиданное: как будто впереди, перед лобовым стеклом брызнули ослепительные осколки и «мессер» стал отставать, терять высоту.

Мурачев тем временем бросил свою машину в пикирование на эшелон, и в завывании двигателя, в грохоте пушечных выстрелов не слышал, как позади него восторженно кричал, подняв руки, белозубый, со сдвинутым на затылок шлемофоном, несказанно обрадованный успехом Коган.

Вспомнив тот победный вылет, Марк улыбнулся и взглянул на Мурачева. Его воспоминания прервал Николай Стрельцов:

— Ну, братцы, нам пора. Завтра, если будет погода, опять полетим эту фашистскую пушку искать. Сегодня ночью она обстреляла аэродром наших истребителей.

Все встали. Прощаясь с Елисеевым и Сретенским, Мурачев пошутил:

— Вы тут долго не залеживайтесь.

— Успешных вам полетов, ребята, — улыбаясь, сказал Елисеев. — А эту пушку проклятую обязательно найдите. Иначе она наделает дел. Воронки-то от взрывов остаются большие?

— Да, — ответил Коган. — Приличные, метра три.

— Надо внимательно просмотреть указанные маршруты, — посоветовал Елисеев.

— Найдем, — заверил командира Стрельцов, — обязательно найдем!

— Смотрите, а то я помогу. Завтра же буду проситься на выписку.

Ночью пушка снова напомнила о себе. Над аэродромом часу в одиннадцатом провыл первый снаряд и разорвался у дальней опушки леса вблизи стоянок самолетов 3-й эскадрильи. Следом еще в разных местах разорвалось несколько снарядов. Часовые попадали в сугробы. Но нашлись среди них смекалистые, сообразили, что бьет одиночная дальнобойная пушка среднего калибра.

Рано утром бойцы БАО заровняли воронки на летном поле, и капитан Козлов, давая задание, озабоченно сказал:

— Первоочередная ваша задача, товарищи, на сегодня остается штурмовка артиллерийских и минометных батарей противника в Грушевидной роще, что в двух километрах восточнее Семкиной Горушки. Но и не менее важно найти и уничтожить орудие, обстрелявшее ночью наш аэродром. Пока известно только направление полета снарядов. Поэтому всем на маршруте к цели и при возвращении обратно смотреть в оба. Кто найдет ее и уничтожит, тому скажем огромное спасибо.

После штурмовки сержант Николай Стрельцов немного поотстал от своей группы и летел на бреющем, накрывая штурмовик то в одну, то в другую сторону. И вдруг внизу мелькнула широкая заснеженная поляна. Присмотрелся и увидел фигурки вражеских солдат под соснами. Стало ясно, что потревожил их грохот низко летящего «ила». Он тут же сказал по СПУ своему стрелку Курносову:

— Ваня, поляну видишь?

— Вижу.

— Это то, что мы ищем.

— Кажется, так, командир.

«В самом деле, — подумал Стрельцов, — что там может быть, если не замаскированное орудие?»

— Ваня, — напомнил он, — сейчас мы развернемся быстренько. У нас два эрэса осталось и немного снарядов. Полыхнем?

— Полыхнем! — весело ответил стрелок. Стрельцов развернулся, вывел самолет на поляну и тут-то ударили по нему «эрликаны» гитлеровцев. «Поздно!» — сказал про себя Стрельцов и нажал кнопку эрэсов. Сделав разворот, он увидел, что всю поляну заволокло дымом. Курносов бил из крупнокалиберного пулемета по длинному стволу пушки, выставившемуся из-под сорванной взрывом маскировочной сетки. По СПУ Стрельцов спросил у Курносова:

— Ну как, Ваня?

— Кажется, промазали мы, командир.

Он всегда говорил «мы». За это Стрельцов и уважал стрелка, и теперь, оставшись без боеприпасов, лишь посетовали на себя и сокрушенно подумали: «Эх!»

Но место они засекли. Вернувшись благополучно на аэродром, Стрельцов вначале ничего никому не сказал и Ване приказал молчать.

— Что толку трезвонить-то, пока не проверят, — сказал он и добавил: — Иди отдыхать.

— А вы куда, командир?

— Известно куда, на доклад.

Курносов потоптался возле самолета и отправился в землянку, где его встретили друзья.

— Живой! Ванюшка!

— А Стрельцов, командир твой, где? Курносов ответил спокойно:

— Живой, здоровый. — И, чтобы избежать дальнейших расспросов, сказал: — Ушел к комполка на доклад.

Все смотрели на Курносова озадаченно, а он, перебирая ремешок на шлемофоне, загадочно помалкивал.

* * *

Капитан Козлов встретил Стрельцова строгим взглядом.

— Почему опоздал, отстал от группы?

Николай снял шлемофон, и лицо его расплылось в улыбке. Глядя на него, Козлов понял: произошло что-то необычное.

— В чем дело, сержант, докладывайте.

— Товарищ капитан, я бил эрэсами по пушке.

— Да ну? — вырвалось у Козлова.

Они были в землянке вдвоем, поэтому оба в первое мгновение почувствовали себя и серьезными, и одновременно лихими мальчишками, как будто разгадавшими тайный замысел противника.

Первым пришел в себя капитан Козлов. Подойдя к столу, он склонился над картой, спросил:

— Где?

Стрельцов вынул из планшета карту, развернул ее и показал место цели в квадрате. Капитан Козлов красным карандашом перенес координаты на свою карту. По его лицу Николай определил, что командир хочет о чем-то его расспросить. Но Козлов молчал, только ритмично постукивал карандашом по крышке стола. Потом он медленно встал и, протягивая Стрельцову руку, сказал:

— Благодарю, сержант!

В этом дружеском рукопожатии Николай почувствовал теплоту, уважение к нему старшего товарища, командира. Он улыбнулся и спросил:

— Разрешите идти?

— Да, — ответил Козлов, — можете быть свободны. И когда Стрельцов вышел, он взял трубку и соединился с командиром дивизии полковником Родякиным.

— Докладываю, — сказал Козлов. — Вражеское орудие обнаружено. — И назвал координаты его расположения.

Полковник Родякин секунду помедлил, опустил к столу руку с телефонной трубкой, внимательно посмотрел на нее и, опять приставив к уху, сказал:

— Спасибо, капитан. Как фамилия летчика?

— Сержант Стрельцов, товарищ полковник.

— Передайте сержанту Стрельцову мою благодарность. Минуту назад мне сообщили, что сержант Талгат Бегельдинов видел, как ваш летчик обстрелял пушку эрэсами. После него Бегельдинов тоже нанес удар по вражеской позиции.

Да, кстати, комкор генерал Рязанов просил известить, что третьего марта будет у вас и прочитает лекцию о новой тактике штурмовой авиации... Так что вы подготовьтесь.

— Понял вас, товарищ полковник, — ответил Козлов.

— На завтра боевой задачи вам не ставлю. Объявите командирскую учебу. Тема такая, записывай: изучение района боевых действий и уточнение линии фронта. Прокладка маршрута, порядок вырубивания, взлет, сбор в воздухе и полет по маршруту. Порядок встречи с истребителями. Связь с КП. На этот пункт обратите особое внимание, потому что мы сейчас получаем новые двухкабинные машины, оборудованные радиопередатчиками.

Дальше. Порядок захода на цель и уход от цели, наблюдение за отстающими самолетами. С оружиейниками проведите химподготовку. Остальной техникой состав работает на матчасти.

— Товарищ полковник, так это же целый курс. Мы не успеем.

— Успеете, — строго сказал полковник Родякин. — У вас впереди три дня. Если будет летная погода, теоретические знания закрепите практикой. Все понятно?

— Есть, товарищ полковник, провести занятия и при возможности закрепить их на практике.

— До встречи, капитан.

— До свидания, товарищ полковник.

Комкоры

Командир 1-го штурмового авиакорпуса генерал-майор авиации Василий Георгиевич Рязанов, волевой, целеустремленный, талантливый военачальник, часто бывал в авиаполках, непосредственно руководил боевыми действиями. Он не ущемлял самостоятельности своих подчиненных, напротив, все его усилия были направлены только на то, чтобы помочь избежать ошибок, сделать свое дело как можно эффективнее, главное — достичь победы с минимальными потерями.

Назначенный в середине сентября прошлого, 1942 года командиром 1-го штурмового авиакорпуса, генерал-майор Рязанов, прибыв на Северо-Западный фронт, сразу же принялся внимательно изучать не только сложившуюся фронтовую обстановку, но и местность, над которой предстояло летать, чтобы лучше познать ее характерные особенности при часто меняющихся погодных условиях.

С целью ознакомления с положением дел в дивизиях и полках корпуса Василий Георгиевич на маленьком трофейном самолете, выделенном в его распоряжение заместителем народного комиссара обороны СССР по авиации генерал-полковником Александром Александровичем Новиковым, перелетал из дивизии в дивизию, из одного полка в другой. Он не только знакомился с условиями базирования авиационных частей, уровнем подготовки летного состава, но и всячески добивался внедрения в практику боевых действий новых тактических приемов нанесения ударов по цели.

Как и было обещано, 3 марта сорок третьего года он прилетел в 673-й штурмовой авиаполк. Сопровождали его командир 266-й штурмовой авиадивизии полковник Родякин и адъютант комкора лейтенант Александр Дресвянников.

Самолетик Рязанова, а за ним Ил-2, в котором находились комдив и адъютант, приземлились на аэродроме Баталы ранним утром. Было сумеречно. Сыпал легкий снежок.

Штабные радисты корпуса уже успели сообщить в полк о вылете комкора. В папаше, тепло одетый, стройный, подтянутый, Василий Георгиевич легко спрыгнул с крыла на землю. Ночевавший на аэродроме командир полка капитан Козлов вышел встречать его, начал докладывать.

— Добро, — вежливо остановил комкор. — Где тут у вас переждать можно, пока люди завтракают?

Командир полка повел прибывших в штабную землянку. Там уже весело потрескивала «буржуйка», пахло смолистыми сосновыми дровами, дымком.

Василий Георгиевич распахнул реглан с меховой подкладкой, сел на табурет. Наклонившись, протянул к печке руки. Задумался. На его моложавом, по-мужски

красивом, обветренном лице забегали отблески огня. Казалось, комкор вспоминал о чем-то давнем. С минуту сидел он так, отогреваясь, затем прижмурил глаза, с трудом отвел их от раскаленной печки, крепко потер ладони и спросил у командира полка:

— Петр Павлович, а чайком нас не побалуешь?

Адъютант Дресвянников быстро раскрыл чемоданчик, вынул пачку чая.

Василий Георгиевич покосился на лейтенанта. «Сколько раз твердил, чтобы не возил с собой всякие припасы», — подумал он, но, увидев, что адъютант недоуменно пожал плечами, махнул рукой.

Снаружи донесся приглушенный рокот моторов. Василий Георгиевич прислушался, усмехнулся: это приземлилась пара истребителей, сопровождавших его в полете. «Вот дает Белецкий! То не допросишься, а тут, пожалуйста, целый эскорт. Зачем?» — мысленно упрекнул он своего соседа, комкора 1-го истребительного авиакорпуса.

Через час все собрались в столовой, и Василий Георгиевич выступил с сообщением о своих наблюдениях. Два часа с небольшим перерывом, плотно прижавшись друг к другу, сидели летчики на длинных лавках и, затаив дыхание, слушали комкора.

Генерал Рязанов стоял у карты и рассказывал о новых тактических приемах штурмовой авиации, предупреждал о возможных ошибках во время боевых полетов, в особенности после схваток с истребителями врага.

— Самое важное, товарищи, на что обращаю ваше внимание — это болотистолесистая местность, над которой нам предстоит выполнять боевые задания. Из опыта вынужденных посадок мы знаем, что она представляет большую опасность для поврежденных в бою самолетов и, следовательно, для самого экипажа. Необходимо хорошо ориентироваться, особенно когда летишь на поврежденной машине, потому что в любой момент может потребоваться площадка для вынужденной посадки. И тут надо точно знать, куда сядет твоя машина. Поэтому я требую, чтобы каждый летчик хорошо изучил районы, над которыми пролегают маршруты полетов к целям и обратно. Без этого никто из вас не будет выпущен на боевое задание.

Он помолчал, держа указку за оба конца, внимательно посмотрел на летчиков. Чья-то рука по-школьному потянулась вверх. Белобрысый сержант с коротко стриженными густыми непослушными волосами поднялся со скамейки, глуховатым баском произнес:

— Сержант Рогожин. Товарищ генерал-майор, разрешите обратиться.

— Да, пожалуйста, — отозвался Василий Георгиевич.

— Вот нам говорят, — продолжал Алексей, для солидности кашлянув в кулак, — что после штурмовки в случае нападения «мессеров» надо строить оборонительный круг. Так? — Он прищурил глаза, точно прислушиваясь к своей мысли. — Ну а если нас всего четверо, как его построишь? Маловато... Для хорошего круга требуется машин восемь-десять.

— А если вас все же четверо? — улыбаясь, спросил Василий Георгиевич. — Что будете делать?

— Строить маневр «ножницы». Только для меня лично все это теория, товарищ генерал-майор. Маловато практики. Поэтому есть предложение: тренировочки организовать — бой штурмовиков с истребителями, чтобы каждый сам попробовал и увидел, что у него получается.

Рязанов улыбнулся широко и приветливо.

— Правильно, сержант! Молодец! — похвалил он Рогожина. — Садитесь. Творчески воевать хотите. Так вот, на днях штаб корпуса организует такие «тренировочки». Только это будут не тренировочки, а серьезные, очень серьезные учения. Об этом будет соответствующий приказ.

Он помолчал, осматривая обращенные к нему лица, выслушал вопросы и ответил на них просто, толково и обстоятельно.

Были и так называемые «жалобы». Рязанов всегда при случае требовал, чтобы их «заявляли» ему. Он не любил слова «жалобы» и про себя называл их заявлениями личного состава.

Положительно ответив на многие из них и удостоверившись, что все удовлетворены, генерал отбыл на аэродром в сопровождении полковника Родякина и капитана Козлова.

Погода резко ухудшилась. Надвинулись тучи, подул ветер. Заметался, замельтешил в воздухе реденький снежок. Но с каждой минутой он становился все гуще и гуще. Когда прибыли на аэродром, Родякин посоветовал генерал-майору переждать непогоду.

— Дела, полковник, — отозвался Василий Георгиевич и пошутил: — Разве ты боишься непогоды на своем «иле»?

— Но все-таки, товарищ генерал-майор, — предупредил Родякин, — погода тоже бывает нелетная.

— Да тут недалеко, — бодро сказал Рязанов. — По коням! В случае чего «перезимуем» у истребителей. Кстати, нам не мешало бы и поговорить с ними об общих делах. Да и они заждались меня. — И он послал адъютанта к стоявшей в готовности паре истребителей сопровождения предупредить о скором взлете.

Аэродром истребителей встретил комкора начинавшимся бураном. Но по радио летчик и сам Рязанов сообщили, что обязательно сядут у них, поэтому Белецкий принял все необходимые меры, чтобы облегчить посадку гостей. И пока самолет генерала делал круг, вдоль посадочной полосы были зажжены сигнальные фонари. Все это требовало от батальона аэродромного обслуживания четкости действий и большого труда.

Белецкий радушно принял Рязанова. В теплой деревянной избе, под завывание метели, пили чай. Рязанов вспомнил о недавнем совещании командиров корпусов, на котором подводились итоги боевой работы авиации на Калининском и Северо-Западном фронтах, и сказал:

— Все мы считаем, что Ил-2 имеет ограниченную возможность борьбы с истребителями противника, и защита у молодых летчиков одна — оборонительный «круг». О других известных приемах и говорить не приходится. Вот я и пришел к мысли просить тебя помочь организовать межкорпусные учения, — он дружески улыбнулся и продолжал: — Между штурмовиками и истребителями. Тем более у нас есть хороший пример. У комдива Николая Петровича Каманина здорово учатся летчики. Там один лейтенант, Борис Шубин, чего стоит. На учениях показал такое, что не каждому истребителю под силу будет сделать. Он так крутит свой одноместный «ил», что истребители за голову хватаются. Я даже спросил у него, не желает ли он пересесть на «як» или «лавочкин». Отказался, — с подчеркнутым удивлением произнес Рязанов. — Что скажешь на это, командир истребителей? — спросил он у Белецкого.

— Понимаю, что речь идет о боевой подготовке твоих штурмовиков, — отозвался Белецкий, прихлебывая горячий чай из кружки. — Я готов ради общего дела, несмотря на напряженность обстановки, помочь организовать эти учения. Тем более, что многим истребителям они тоже пойдут на пользу.

Рязанов оживленно взглянул на Белецкого:

— Слушай... Кто у тебя самые лучшие, самые крепкие, самые затейливые ребята?

Белецкий улыбнулся, отодвинул от себя кружку:

— Да у меня все такие. Возьми хоть тридцать второй полк Героя Советского Союза майора Василия Петровича Бабкова, так он весь из асов, да каких. Один одного лучше: Александр Семенов, Сергей Долгушин, Владимир Орехов, Иван Холодов,

Андрей Баклан. Да что перечислять, все они Герои Советского Союза, первоклассные воздушные бойцы.

— Добро, — сказал Рязанов. — У меня в штурмовых тоже есть кое-кто... Вот в шестьсот семьдесят третьем полку капитана Козлова, например, есть летчики, которым можно только завидовать. Один Александров чего стоит. Это за его машиной с чертом и Геббельсом на киле безуспешно гонялись фашистские охотники. А молодой... Эх, дай бог памяти. — Он потер ладонью по лбу: — Вспомнил, Рогожин! Он мне сегодня задал задачу. Надо, говорит, провести учебный бой штурмовиков и истребителей.

— Да, Василий Георгиевич, воевать — это тоже соревноваться, — задумчиво сказал Белецкий. — Нас заставили идти на это соревнование, и мы пойдем. Только ведь надо уметь учить и неопытных. И дело это ох какое непростое.

— Полностью с тобой согласен, — ответил Рязанов. Было уже пбздно. Адъютанты комкоров заглянули к ним, вопросительно посмотрели на своих начальников.

Комкору договорились, что в ближайшие дни проведут учения по отработке маневра нападения и активной защиты.

Улеглись далеко за полночь, но долго не могли заснуть, подбивая под себя байковые одеяла, натягивая поверх полушубки, накинутые заботливым адъютантом Белецкого.

Уложив своего коллегу, он по-хозяйски вышел на крыльцо, взглянул на стоявшего у дверей знакомого часового, приложил палец к губам:

— Понял?

Часовой вытянулся, прижал к себе винтовку, прошептал:

— Так точно, товарищ лейтенант!.. — И, как будто самому себе, пояснял: — Комкору отдыхают.

Адъютант помолчал и добавил:

— Не отдыхают, а думают во сне, понял?

— Так точно, товарищ лейтенант.

* * *

Вскоре была проведена подготовительная работа: полки, которым предстояло участвовать в учениях, провели предварительные занятия. На всех самолетах установили радиопередатчики и фотокинопулеметы. Летчики-истребители отрабатывали хитроумные маневры нападения, помогали штурмовикам лучше построить защиту.

В погожий день истребители, разделившись на группы сопровождающие «илы» и нападающие на них, завязали между собой учебный бой. «Илы» тем временем вышли на условную цель и, став в круг, начали «штурмовку». Истребителей условного «противника» оказалось значительно больше. Они связали боем почти всех защищавшихся. Штурмовики остались одни и продолжали заходить на «цель», обрушивать на нее холостые очереди пулеметов. Расправившись с истребителями прикрытия, самолеты «противника» ринулись к штурмовикам.

Генералы Рязанов и Белецкий находились на КП и внимательно наблюдали за атаками «яков», устремившихся на «илы». Штурмовики, оставшись без истребителей прикрытия, разделились на две группы. Одна продолжала упрямо выполнять задание, штурмовать цель, а другая вступила в схватку с истребителями «противника». Такой расчет был заложен в плане учения.

Рогожин был ведомым у Александрова, и как только ведущий пошел в атаку, сразу же устремился на «противника». Не давая ему возможности зайти в хвост александровской машине, сам пытался атаковать, совсем по-истребительски пошел в лобовую.

Накануне в районе учений были оборудованы наблюдательные пункты. Бойцы под руководством офицеров штаба установили на опушке радиостанции, замаскировали их, поставили для комкоров лесенки. С этого наблюдательного пункта Рогожин и услышал по радио одобрительный голос Рязанова:

— Молодец, тринадцатый! Грамотно воюешь!

Ободренный успехом, Алексей пытался повторить маневр, но летчик-истребитель оказался не из простаков. Он сделал «горку», развернулся и завис над машиной Рогожина. И когда Алексей увидел его, удивился мастерству летчика. Холодок пробежал по спине. «Ух ты, дьявол, — подумал он, вертя головой во все стороны. — Куда же он делся?..»

В это время на КП произошел такой разговор:

— Кто это так дерзко атаковал истребитель? — спросил Белецкий у Рязанова.

Тот, не отрываясь от бинокля, ответил:

— Тот настырный парень, о котором я тебе говорил. Туляк, кажется. А твой кто? Так лихо разделался с моим смельчаком.

Белецкий улыбнулся:

— Это, Василий Георгиевич, гроза фашистов Герой Советского Союза капитан Долгушин. Кстати, тоже туляк.

— Что ж, туляк на туляка — и оба не уступают в мастерстве друг другу, — сказал Рязанов. — Отличные летчики у нас с тобой, генерал. — И не удержался, чтобы не похвастать своими соколами: — Как-никак, а мой — совсем еще зеленый. Воюет-то всего какой-нибудь месяц, другой. А твой?

Белецкий взглянул на Рязанова.

— Мой с первого дня воюет. Героя получил за Москву...

— Авось и мой получит, — произнес Рязанов и дружески хлопнул коллегу по плечу.

После «боя» состоялась встреча участников на нейтральном аэродроме. Всем хотелось услышать мнения условных противников, лучше понять смысл их действий. После обзорных докладов представителей обеих сторон и ответов на многочисленные вопросы перешли к прениям. Высказали наиболее интересное, делились опытом. В перерывах знакомились друг с другом, и Рогожин, впервые увидев своего «противника», немного подивился его молодежескому виду, строгим живым голубым глазам. Рукопожатие Долгушина было крепким, уверенным. Поинтересовались, кто откуда.

— С Гостеевки? — удивился Долгушин. — Да я там не раз бывал. Места у вас тихие. Голубей летает тьма. — Он отвел свои чистые, блеснувшие озорной искринкой глаза и тряхнул русоволосой головой.

— А ты лихой парень, — сказал он Рогожину. — Дай, думаю, попугаю «горбатого». И скорость у меня лучше, и вообще истребитель — машина, что надо, тут ничего не попишешь.

— Но, но! — в шутку прервал его Рогожин. — Мой «ил» тоже будь здоров. Да и я стараюсь...

Тут распорядившийся разбором учений начальник штаба истребительного корпуса генерал-майор Александр Алексеевич Парвов попросил всех участников занять места и приступить к обсуждению проведенного учения.

— Значит, так, — сказал он. — «Бой» штурмовиков с истребителями «противника»...

— Именно «бой» штурмовиков, а не наоборот, — подчеркнул генерал Рязанов, сидевший за столом президиума среди начальства корпусов.

Начальник штаба истребительного корпуса коротко обрисовал обстановку, в которой проходили учения, сказал, что мастерство штурмовиков за последнее время возросло, хотя и оставляет желать лучшего.

— Пришла пора, — сказал он, — в случае необходимости защищаться штурмовикам самим. Надо добиваться, чтобы меньше было потерь людей и машин — такова цель проведенных учений. Конечно, одновременно отрабатывалось мастерство штурмовиков и истребителей. Генерал-майор Рязанов как-то высказал такую мысль, — Парвов повел взглядом в сторону Василия Георгиевича и продолжал: — что все мы делаем общее дело — штурмовики и истребители, мы сообща защищаемся, но при необходимости надо уметь себя не поставить под удар. И в конечном счете, всегда помнить, что мы защищаем наше небо, нашу землю, жизнь и независимость нашего народа.

Затем он предложил начать обсуждение проведенных учений, подсказал, на что надо обратить особое внимание, призвал выступающих к самокритичности, чтобы полнее вскрыть недостатки.

Первым попросил слово Рогожин. В помещении было душновато, и от волнения, что он впервые выступает перед такой аудиторией, его слегка прошиб пот. Генерал Рязанов одобрительно кивнул ему:

— Давай, туляк, держи марку.

— Я что хочу сказать... — Рогожин едва не произнес слово «ребята», но вовремя спохватился. — Думаю о сегодняшнем учебном бое так: мне кажется, истребители показали нам, что еще многому и многому надо поучиться. Это видно из данных, которые были зарегистрированы с земли и на фотопленках. Есть у меня и личные наблюдения. Вернее, одно, — он прервал дыхание, глазами поискал сидевшего недалеко земляка. — Вот сидит командир эскадрильи Герой Советского Союза капитан Долгушин. Как он меня сегодня нашорыхал! — Рогожин обернулся к генералам, слегка поклонился. — Прошу прощения, у нас, туляков, есть такое словечко... Ну, напугал, значит. Повис прямо над кабиной. Честно признаюсь: был я ни жив ни мертв. Ладно — свой, а все же это был психологический удар. Дружеский, а удар. Фашист не стал бы тянуть. — Помолчав, Рогожин закончил: — Это одна сторона сегодняшнего учения. А об остальном пусть другие расскажут.

Говорили многие летчики — истребители и штурмовики. В их выступлениях чувствовалось, что штурмовикам еще крепенько надо подзаняться техникой пилотирования.

Затем сказали свое слово и руководители учений. Все согласились с мнением выступавших, что истребители действовали стремительней, целеустремленней.

Итог подводил генерал Рязанов.

— Товарищи! Ясно одно: мастерство штурмовиков надо совершенствовать. Поэтому приказываю всем полкам моего корпуса уделять больше внимания технике пилотирования, чтобы к лету текущего года достичь требуемого уровня, уметь при необходимости защитить себя. — Он внимательно оглядел присутствующих и голосом сурово-торжественным произнес: — От этого во многом будет зависеть наша победа.

Расходились под впечатлением этих слов. Они вдохновляли, окрыляли, собирали всю стойкость и мужество в единое целое, крепили стремление победить во что бы то ни стало.

Западный ветер утих, на очистившемся весеннем небе высыпали крупные звезды, предвещая хорошую погоду. Настроение у летчиков было приподнятое, и каждый думал о новых полетах, о жестоких схватках с врагом. Всем хотелось, чтобы поскорее наступило новое фронтовое утро.

«Долго будешь жить, летчик»

День 7 марта сорок третьего года выдался летным. Яркое солнце проливалось на заснеженную землю обильные потоки света. Заголубели леса. Дыхание весны становилось все ощутимее.

Накануне вечером от командира авиадивизии полковника Родякина был получен приказ: силами всего полка воспрепятствовать подходу резервов противника. Начальник штаба полка подполковник Пусторнаков стал готовить приказ на боевой вылет. Перед тем как сесть за стол, придвинуть к себе карту, бумагу и светильник, он внимательно выслушал командирское решение.

— Задание ответственное, — сухим голосом произнес капитан Козлов. В меховой безрукавке, он стоял перед столом. Свет керосиновой лампы освещал его лицо, глубоко запавшие глаза. — Поэтому, — продолжал он, пристально глядя на колышущийся лепесток пламени, — не следует включать в группу молодежь. Лететь должны опытные летчики.

— Жалеешь молодежь, Петр Павлович, — сказал Пусторнаков, присаживаясь к столу и подвигая к себе лампу и чистый лист бумаги. — Когда-то и они должны участвовать в ответственных заданиях. Результаты последних вылетов подтверждают, что опыт у них кое-какой накопился. Больше проявляют самостоятельности. Вспомните посадку в непогоду.

— Э, нет, Кузьма Федорович, — возразил Козлов. — Болею я за исход дела. Три дня — три вынужденных. Правда, у капитана Елисеева отказала матчасть, но сел-то он на лес, а оттуда — в лазарет. Только вышел и опять туда. В такое жаркое время терять ведущего, сами понимаете... Позавчера был подбит и пока не вернулся сержант Балабин, вчера — сержант Марыгин со стрелком, а что будет сегодня?..

— Так все они живы, а техника? Что ж о ней говорить? На то и война.

— Понятно, война. Тут не до вздохов. А все-таки, прежде всего — дело. Поэтому не могу рисковать.

— Кто же тогда полетит? — спросил Пусторнаков. — У нас больше половины летного состава — молодежь. Как быть?

Козлов молчал, сосредоточенно хмуря брови. Молчал и замполит, барабаня пальцами по столу. Наконец командир, взглянув на него, спросил:

— Вот главный охранитель молодежи сидит. Что скажешь, комиссар?

Майор Зак сжал руки.

— Приказ командира — закон, — ответил он. — Что тут толковать? И потом я согласен с начштаба, что среди молодежи есть отличные летчики. Не уступят и опытным нашим «старикам». Например? Сержанты Мурачев, Рогожин, Стрельцов, Джинчарадзе. Пожалуй, их можно вводить в настоящее дело. А кое-кого пора испытать в качестве ведущих. Думаю, если все обставить как следует, справятся.

— Добро, комиссар, — сказал капитан Козлов. — Пиши, начштаба, приказ.

Они коротко обсудили каждого из молодых, разделили участников на две группы, и начальник штаба склонился над листом бумаги, старательно принялся за составление приказа:

«Приказ № 21 от 7.03.43 г. аэродром Баталы.

Линия фронта проходит по рубежу Ляховичи, 1 км севернее Шотово, 2 км севернее Подолжино, Вязки, исключая Веревкино и Козлове».

Пусторнаков старательно выводил каждое слово, будто от того, как он напишет его, будет зависеть выполнение задания.

«673-й шап в течение дня уничтожает живую силу и технические средства противника в районе Козлове, Семкина Горушка, Красное Ефремово и не допускает подхода его резервов с севера и северо-запада.

1 группа: самолеты: № 10 — Александров — ведущий; № 18 — Джинчарадзе; № 12 — Бутузов; № 13 — Рогожин; № 16 — Елисеев; № 30 — Курочкин; № 31 — Пономарев; № 32 — Першин; № 36 — Деркачев; № 33 — Сунгатулин; № 37 — Оськин; № 15 — Подсевалов.

2 группа: самолеты: № 10 — Козлов — ведущий; № 29 — Мурачев; № 21 — Бутко; № 24 — Носков; № 27 — Крылов; № 26 — Живых; № 30 — Багров; № 36 — Гришин; № 33 — Сунгатулин; № 32 — Першин; № 37 — Оськин».

Пока начальник штаба писал приказ, капитан Козлов молча ходил по землянке, изредка поглядывая на Пусторнакова, склонившегося над столом.

Когда приказ был готов, капитан взял бумагу, коротким жестом встряхнул, выпрямил западавший уголок листа, стал читать. Должно быть, читая, он думал: «Номера самолетов и фамилии. Фамилии и номера. А за номерами — человеческие жизни. Молодые жизни. И я должен решать их судьбу. Имею право? Да, я командир и обязан делать это». Не переставая читать приказ, он отогнул борт своей безрукавки, вынул из кармана гимнастерки красный карандаш. Несколько секунд взгляд капитана был далеким, ушедшим как бы в самого себя. Потом он положил лист на стол, склонился над ним и коротко, но размашисто поставил подпись.

Никто не думал, что это была последняя подпись их доброго и требовательного командира, капитана Козлова Петра Павловича.

Первая группа самолетов, нанеся удар по танковой колонне противника, вскоре возвратилась на аэродром. Не вернулся лишь самолет под номером 15, ведомый летчиком Подсеваловым.

Александров направился на доклад к командиру полка. Козлов, в комбинезоне, выходил из штабной землянки, натягивая перчатки. Выслушав командира 1-й эскадрильи, нахмурился.

— Надо ждать... А о зенитках подумаем. Зайдем с запада. — И он направился к своей машине.

Стрелок Хамзин уже поджидал его. Оружейники тоже стояли рядом. Техник доложил о готовности самолета к вылету. Выслушав доклад, капитан сказал:

— Добро, — и забрался в кабину. Усаживаясь, оглянулся на Хамзина: — Как настроение, младший сержант?

Лицо стрелка осветилось по-мальчишески бесхитростной улыбкой.

— Настроение бодрое потому, как говорит летчик Рогожин, мы их бьем, они отступают.

— Ну, тогда полный порядок, держись! — весело ответил командир полка.

— Держусь, товарищ капитан!

Ему махали руками техники и оружейники, кричали:

— Счастливого возвращения, товарищ капитан!

Он поднял руку, затянутую перчаткой, кивнул и, оглянувшись назад, определил: можно взлетать. Мысленно перебрал в памяти всех, кто шел с ним, вспомнил, что не успел внести в приказ поправку о включении в группу вместо выбывшего из строя летчика сержанта Рогожина. «Да это тот туляк, которого я не так уж по-отечески принял в первый день. Ну, не беда. Парень он цепкий, настойчивый», — думал Козлов, пристегиваясь ремнями и натягивая на лоб очки.

Взлетели без задержки, один за другим, и растянутым пеленгом пошли по заданному курсу. Внизу расстилалось снежное безмолвие: поля, леса, застывшие реки, переметенные снегами овраги. Ослепительно сверкало солнце. Ровно гудели двигатели.

«Скоро выходим на цель, — посмотрев на карту, подумал капитан Козлов. — Надо изменить маршрут полета и ударить с тыла».

Оглядываясь назад и по сторонам, он видел, как строго выдерживают курс идущие за ним штурмовики, а чуть выше и сбоку — истребители прикрытия.

«Идут хорошо, — отметил он про себя и неожиданно увидел перед собой бесшумно распустившиеся гроздья дымных разрывов. — Зенитки!» Плотный заградительный огонь противника заставил маневрировать. Это нарушило планы атаки и порядок построения штурмовиков и истребителей. «Да, — подсадовал капитан Козлов, — на этот раз они подготовились к нашей встрече образцово...» Он тотчас прибавил газ и вошел в пикирование. Следом за ним как по команде наклонили носы и другие «илы» его группы. Через несколько секунд внизу от прямого попадания над танками стали вспухать, подниматься ввысь клубы черного дыма.

Зенитный огонь расстроил группу штурмовиков, и теперь каждый из них выбирал себе цель индивидуально. Этим и воспользовались истребители противника. Они появились в тот момент, когда, как по команде, прекратилась стрельба зениток. «Яки» кинулись наперерез идущим со стороны солнца «мессерам» и завязали с ними бой. Но это, как потом оказалось, было лишь отвлекающим маневром. Три другие пары Me-109 подошли к цели на бреющем и зашли в хвост «илам», выходящим из последней атаки.

Штурмовик командира полка, набравший высоту, задымил, и из-под его капота показались жадные красно-бурые языки пламени.

Истребители прикрытия не сразу обнаружили свою оплошность, а когда рванулись вниз, было уже поздно: еще два «ила» уходили на свою территорию, оставляя дымный след.

«Неужели командир не видит огня?» — с ужасом подумал Алексей и, понимая, как безнадежно опаздывают истребители прикрытия, пошел ему на выручку. Поравнявшись, он жестами показал, что самолет горит и надо быстрее уходить на свою территорию, но Козлов сердито махнул рукой: иди, мол, вместе со всеми.

Машина командира продолжала лететь по наклонной к линии фронта. Алексей не отставал от него. «Будет, наверное, выбрасываться с парашютом, — решил Рогожин. — Хорошо бы место приметить». Только успел подумать так, как снизу вынырнул «мессер», и Алексей услышал дробный стук осколков по капоту машины.

Краем глаза заметил на фюзеляже ушедшего в облака «мессера» оскаленную звериную пасть. «Вот и старый знакомый», — подумал он. Алексей инстинктивно рванул ручку управления на себя и, поставив «ил» почти вертикально, послал вдогонку «зверю» очередь из всего бортового оружия. Когда он отпустил гашетки, сразу же ощутил вибрацию корпуса штурмовика.

— Ах ты, сволочь! — крикнул Алексей вне себя от ярости. — Подбил, гад. Теперь придется садиться на вынужденную.

Алексей вздохнул в отчаянии: «Не повезло...» Мотор самолета тянул все хуже. Выше над ним барражировала пара истребителей прикрытия. Один из них спустился ниже, летчик подошел к штурмовику, запросил, что случилось. Алексей объяснил жестами, в чем дело. Летчик кивнул головой, что означало: «Давай, мол, садись, прикроем».

Штурмовик, все больше теряя скорость, почти цеплял за верхушки деревьев. И когда Алексей проносился над маленькой лесной деревушкой, прямо перед собой увидел узкое длинное поле. Он выключил зажигание, перекрыл бензосистему и, подвесив машину на высоте нескольких метров, плавно подвел ее к земле. «Ил» мягко опустился на твердый наст и, взламывая его, проехал на фюзеляже десятка три метров, остановился на опушке.

Алексей отстегнул парашют, выбрался на крыло и прыгнул на потрескавшийся наст. До своего аэродрома ему не хватило нескольких минут полета. Он обошел зарывшийся в снег «ил» и тихо сказал: «Прости меня. Постараюсь как можно быстрее выволить тебя из этого плена». Горечь обиды терзала его душу от того, что ушел тот «мессер» с разрисованным фюзеляжем, ушел как ни в чем не бывало, подбив его самого. Алексей чувствовал себя бессильным что-либо сделать — так и выпустил бы в эту фашистскую гадину все, что было в пулеметах и пушках штурмовика, — да куда там, видно, руки еще коротки!

Через некоторое время Рогожин услышал за деревьями похрустывание наста. Выдернув из кобуры пистолет, насторожился. «Кто тут может быть? Немцы? Не похоже. Линия фронта далеко отсюда. Но кто же?»

Шаги приближались. Кто-то пробирался к опушке. Но за оснеженным молодым ельником было невозможно что-либо увидеть.

Прячась за фюзеляж, Алексей продолжал вслушиваться и наблюдать. С ближних к опушке елок с шорохом сыпался мелкий снежок. Потом неожиданно раздался звонкий

в морозной тишине удар топора. Кто-то рубил сушину. Но кто и для чего это делал, — было непонятно. Оставалось одно — ждать.

Наконец он услышал треск падающего дерева, а через минуту вся осыпанная снегом на опушку вышла женщина, закутанная шалью, в телогрейке и широких подшитых валенках.

«Вот напугала... — с облегчением подумал Алексей. — Откуда она тут? Наверное, из той деревеньки». Он вышел из-за самолета.

Увидев летчика, женщина остановилась и радостно смотрела на него влажными от растаявшего снега глазами, казалось, утешала: «Ну вот, теперь все будет хорошо». Переложив топор в другую руку, она шагнула навстречу Алексею и низким голосом спросила:

— Здравствуй, ясный сокол, что случилось?

Невольно любуясь статной крестьянкой, ее красивым строгим лицом с большими выразительными глазами, вслушиваясь в полный доброты голос, Алексей ответил:

— Мой самолет подбили, — он посмотрел на свой «ил», — пришлось на вынужденную садиться.

Поправив заиндевелую прядь черных, с проседью, волос, она сказала:

— То-то слышу грохот и треск. Дай, думаю, сбегаю, может, помогу чем: схватила топор, полотенце, йод, — и сюда... Гляжу, ты целехонек стоишь.

— Да, цел, — согласился Алексей и все думал и не мог понять, где же видел это лицо? Может быть, во сне, в мечте его юношеской родилось оно, жило в нем, непотревоженное, полузабытое, и теперь вот явилось наяву, как напоминание о вечной и величественной, поднимающей дух красоте русской женщины.

Он чувствовал, как тепло и радостно ему от этого взгляда, как уютна и приветлива стала опушка под солнцем, склонившимся над этими неохватными лесными массивами, как морозный день неожиданно потеплел и на сверкающий наст легли чуть подсиненные веселые мартовские тени деревьев.

— Как же тебя зовут? — спросила женщина.

Он назвал себя. Стоял перед ней, мял в руках перчатки.

— А я каждый день хожу сюда за дровишками. Печку-то надо топить. Детишек у меня трое. Нужно обогреть, накормить. Мой-то воюет. Вот жду его не дождусь. Пишет: «Родная, сбереги ребятишек...» А как их сберечь по нынешним временам? Худо так говорить о своих детях, а куда от правды денешься?

Он стоял, ошеломленный ее броской, чуть приувядшей красотой, думал: «Откуда взялась здесь такая?» — и все слушал, слушал ее голос.

— А ты не горюй. Я дорогу тебе покажу, не заблудишься. Тут недалеко военные стоят. Пойдешь туда. Там и определишься куда тебе надо... А самолет твой никуда не денется, я посмотрю за ним. Дай-ка взгляну на него. Никогда раньше не видела их так близко.

Она подошла к «илу» по протоптанной Алексеем тропе, ступала легко, упруго, слегка отведя в сторону левую руку, чуть-чуть пританцовывая в такт тому душевному ритму, что жил в ней и, видно, будет жить до самых последних дней.

Осмотрев машину, она ахнула, увидев на обшивке фюзеляжа и плоскостях следы от пуль и осколков снарядов, заглянула в лицо Алексея.

— И ты живой?.. Ну, коль так, долго жить будешь, летчик... У тебя все еще впереди. Что так смотришь на меня, иль похожа на кого? А говорю так потому, что всяк, кто со мной встретится, жить ему век да радоваться. И ничто его не возьмет: ни огонь, ни железо. Муж мне так признавался. В каждом письме об этом твердит. Видишь, какие дела...

Женщина смотрела на него, а он думал: «Да, я цел. А как там командир? И другие, кто был подбит?» Это воспоминание тронуло и будто обожгло его сердце.

— Что приуныл? — участливо спросила женщина.

— Командир мой горел... Что с ним? Может, с парашютом выбросился?
— Страсть какую переносите вы, летчики, — вздохнула она и тихо попросила: —
Помоги мне дровишки донести...

* * *

Три черноглазых пацана выглядывали из-за кожуха печки, когда они вошли в избу. Радостно засветились их глазенки, ребята загомонили:

— Мамка пришла, мамка пришла. Ой, а это кто? — И приутихли.

— А это, сыночки, летчик наш в беду попал и сел во-он на той поляне, за лесом. Там и самолет его стоит. Бо-ольшой... «Илом» называется.

Мальчишки спустились с печки и подбежали к окну, но ничего не увидели, уставились на Рогожина круглыми от изумления глазами, перешептывались и ждали, что будет дальше.

Алексей сунул руку в карман и нащупал шоколад. Вспомнил, как отказывался от него и как кладовщица, улыбаясь, шутила: «Бери, бери, какой же ты летчик без шоколада?» Он достал прямоугольную плитку, шурша оберточной бумагой, развернул ее и, подойдя ближе к ребятам, сказал:

— Ну, давайте знакомиться. Меня дядей Лешей зовут. А вас как?

Старший и средний охотно назвали себя и взяли предложенные им порции шоколада, а младший застенялся, наклонил голову и, спрятав ручонки за спину, еле слышно прошептал:

— Ваня.

— Держи, Ванечка, — как можно мягче сказал Алексей. — Знаешь, какой он сладкий?

— Какой?

— Как сахар, — ответил Рогожин. — Возьми попробуй.

— Нет, — стоял на своем Ваня. — У чужих не беру. Алексей растерялся.

— Да какой же я чужой, Ваня? Я наш, советский летчик. И ты наш, советский мальчик. Значит, я свой, родной тебе человек. У меня шоколада много, а у тебя его пока нет. Вот я и делюсь с тобой. Возьми, пожалуйста.

Но Ваня так и не взял. Тогда Алексей предложил матери Ванину порцию. Она нагнулась, сунула ее в карман рубашки сына и, ероша его мягкие волосы, сказала:

— Ешь, не стесняйся, солнышко ты мое. — И повернулась к Алексею.

— А это вам, — он протянул ей оставшуюся часть шоколада.

— Ой, что вы, что вы, — запричитала она. — Вам самим, небось, понадобится...

— Зачем мне? Я почти дома. Шоколад нам дают так, на всякий пожарный случай.

— Ну, спасибо. Давно не пробовала.

Она бережно взяла шоколад, тщательно расправила оберточную фольгу и положила на полку.

«Не ела, — подумал Алексей, — и не будет есть. Все отдаст своим детям».

— Ой, да что вы стоите? Садитесь за стол, — пригласила она Алексея.

Женщина подошла к печке, сняла с загнетки сушившиеся валенки и, открыв жестяную заслонку, тяжелым ухватом вынула накрытый сковородкой чугунок.

— Вот и похлебка сварилась, — сказала она, наливая ее в глубокую глиняную тарелку.

Потом подала румяную драчону, соленые огурцы, вынула из ящика стола деревянную ложку и, как бы извиняясь, сказала:

— А уж хлебушка нету. Не обессудьте.

Разговаривая с гостем, поминутно посматривала на сыновей, делала знаки, чтобы не мешали. Но ребяташки народ любопытный. Средний вдруг спросил:

— Мам, а дядя летчик у нас останется или как?

Он засмутился, спрятал лицо в ладошки. Старший легонько толкнул его в спину, зашептал:

— Летчику некогда. Ему фашистов громить надо. Понимаешь?

— Понима-аю, — протянул тот.

Ребята о чем-то перешептывались, младший, замирая, тихонько изумлялся:

— Ой-я-я...

Было далеко за полдень, когда хозяйка проводила Алексея за околицу, указала на тропинку.

— По ней солдаты ходят к нашим девчатам. Они и протоптали. Ну, до свидания, летчик.

Алексей стеснительно улыбнулся.

— Вспоминать буду. Как хоть звать вас? Ведь я так и не знаю...

— Татьяной звать, Алексеевной.

— Ну, всего вам доброго, Татьяна Алексеевна. Она помахала ему рукой. Небо затягивалось белесой мглой, неусыпно светило, не хотело уходить за горизонт усталое негреющее солнце.

* * *

Из стрелковой части, стоявшей в резерве, Алексей на попутной машине добрался до аэродрома. Еще издали увидел толпившихся у штабной землянки летчиков, механиков, вооруженцев. Сердце его упало, заколотилось: «Неужели никто не вернулся? Или ждут, может, позвонят откуда-нибудь?» Его встретили со сдержанной радостью, приглашенной томительной неизвестностью.

— Ну что? — спросил Алексей.

Недавно сбитый и теперь вернувшийся с вынужденной, Марыгин в задумчивости скопил на него глаза:

— Пока ничего. Поехали на место падения самолета командира.

— Значит, погиб командир? — прошептал Алексей. — А кто еще?..

Голос его сорвался, и он опустил голову. Незабвенным остался в его памяти командир полка капитан Козлов, и строгость его, и требовательность, и та мужская тревога, с которой он переживал за всех.

Он вспомнил облако зловещего огня и дыма, которым был объят самолет командира.

* * *

Из боевого донесения:

«Оперсводка № 20, штаб 673 ШАП, аэродром Баталы 7.03.43 г.

В течение дня полк находился в готовности № 2 и произвел 34 самолето-вылета с общим налетом 43 часа 20 минут. Израсходовано боеприпасов: фаб 100 — 68; фаб 50 — 2; ао 25 — 89; РС 82—13; снарядов к пушкам: швак — 6200; Вя — 640; патронов к пулеметам: шкас — 14030; УБТ — 520.

В результате уничтожено 55 автомашин, 5 орудий, 63 артиллерийские точки, 9 танков, 400 солдат и офицеров.

Не вернулись с боевого задания:

Командир полка майор Козлов, воздушный стрелок младший сержант Хамзин, лейтенант Пономарев, сержант Гришин, воздушный стрелок сержант Грахов, сержант Оськин, воздушный стрелок сержант Кривоплясов, сержант Сунгатулин, сержант Подсевалов, воздушный стрелок младший сержант Голубев».

* * *

Вечером, когда в столовой собрались все летчики, замполит майор Зак вышел из-за стола, поднял покрасневшие глаза и глухим сдвоенным голосом начал говорить:

— Погиб наш дорогой командир, погибли летчики и воздушные стрелки, — он перечислил всех, кто не вернулся с задания. — У каждого из нас останутся в памяти эти люди. У каждого, кто водит самолеты, кто идет на задание. А это значит, что они продолжают жить и бороться вместе с нами. — Еще раз замполит взглянул на место, где обычно сидел командир, что-то пульсирующее дрогнуло на сидящих висках майора Зака, и он натянутым голосом повторил: — Помянем доброй памятью наших боевых друзей. И еще скажу, товарищи, сегодня капитану Козлову присвоено звание майора. Всего день носил он его. Так отомстим фашистам за нашего командира!

Хоронили майора Козлова на маленьком кладбище недалеко от деревни Баталы. Памятником ему стал трехлопастный изогнутый при падении винт его штурмовика. Трижды прозвучал прощальный салют. И вдруг в небе возник нарастающий гул: сверкая под солнцем, прошли строем грозные «иль». Они летели низко, почти на бреющем, прощально покачивая плоскостями, отдавая последние почести своему погибшему командиру.

* * *

Через день штурмовик Рогожина был доставлен на аэродром и отремонтирован. Взяв банку синей краски, Алексей покрасневшей от холода рукой с угрюмым видом принялся выводить кистью по фюзеляжу надпись: «Отомщу за майора Козлова!»

Буквы выходили какими-то округлыми, несколько наклоненными влево и были похожи на идущих в атаку солдат. Алексей подправлял их стынущей рукой, и ничто, казалось, не могло остановить его решимости довести начатое дело до конца.

Подходили летчики, механики, мотористы. Молча, сурово смотрели на дело алексеевых рук. Пришли девушки-оружейницы. Валя Маленькая мигала заплаканными глазами, прикладывая к ним чистенький носовой платочек, протуженно кашляла.

Ждали нового командира. Он прибыл в часть утром в сопровождении замполита. Дежурный объявил построение полка. Высокий, красивый, туго перетянутый широким ремнем, командир стоял, чуть наклонив голову. Майор Зак выступил вперед и представил его личному составу.

— Знакомьтесь, товарищи, это наш командир полка майор Матиков Александр Пантелеевич. — Замполит не подчеркнул ни интонацией голоса, ни словом, что это новый командир, а сказал просто: наш командир. — Он воевал в соседнем штурмовом авиаполку нашей дивизии, а до войны служил вместе со многими из вас в Роганьской летной школе начальником отряда. Теперь будет воевать вместе с нами.

Прощай, Северо-Западный!

Мартовским днем, когда на опушках лесов в полдень стеклянно плавилась под дыханием весенних ветров заледенелая корка, полк Матикова получил приказ срочно перебазироваться на Воронежский фронт.

Как и положено в армии, приказ был доведен до непосредственных исполнителей. Первой к перелету подготовилась эскадрилья Александрова. Высокий, худой, в потертом комбинезоне, он, чуть сутуля плечи, в последний раз обходил экипажи, отдавая распоряжения летчикам.

Алексей шагнул навстречу командиру эскадрильи, приложил ладонь к виску.

— Разрешите доложить, товарищ старший лейтенант.

Александров, направлявшийся к самолету сержанта Владимира Евсева, остановился.

— Слушаю.

— Экипаж самолета Ил-2 под номером тринадцать к перелету по заданному маршруту готов, — отчеканил Алексей и замаялся.

Александров пришел ему на помощь:

— Ну, что у тебя?

Алексей поправил светлую прядь волос, непокорно выбившуюся из-под шлемофона, повел глазами в сторону девчат.

— Понимаете, товарищ комэск. Моя оружейница Валя Маленькая, то есть Медведева, совсем расхворалась. Руки у нее болят.

Опытный летчик, под началом которого воевали лейтенанты, старшины и сержанты, Александров был очень внимателен к людям. Не однажды он видел, как эта невысокая хрупкая девушка в лютый мороз тащила на салазках к самолету под номером тринадцать бомбы, но никогда не жаловалась на трудности.

— Хорошо, сержант, — сказал он Алексею, — на новом месте постараемся выделить Вале в помощники кого-нибудь покрепче. Вопросы есть?

— Нет, товарищ комэск.

Алексей подошел к соседнему самолету и спросил Евсева:

— Как дела?

— Все готово, — ответил Владимир, — хоть сейчас в бой. — И, сунув руку во внутренний карман комбинезона, вытащил свой знаменитый, известный всему полку талисман — подобие какой-то речной миниатюрной коряги, — подержал его на ладони, вздохнул.

— Ты, Володя, всех фрицев своим талисманом перепугал. Я вчера видел, как они от тебя драпали.

Владимир серьезно ответил:

— Не кощунствуй, Леша. Фашисты теперь действительно бояться нас стали. А это память о доме. Вроде бы пустяковая вещица, а прикоснусь к ней и чувствую себя надежней.

Пришел Джинчарадзе, коротко блеснул белозубой улыбкой.

— Ну что, дарагие? Пакидаем свае северное гнездышко? Да здравствует наш солнечный юг!

Он был подвижен и резок. В его красивом, с мягким овалом лице, обтянутом расстегнутым шлемофоном, сквозило добродушное выражение, но если при нем начинали говорить о противнике, он весь сжимался, его глубокие выразительные глаза наполнялись ненавистью.

За Жаном пришли лейтенант Синенков и сержант Бутузов, встали в стороне, прислушиваясь к разговорам. Бутузов стоял как обычно, немного изогнувшись и упираясь кулаками в туго перетянутую ремнем талию. Лицо его было обветренным, с шелушащейся кожей. Синенков был хмур, казался озабоченным, точно что-то потерял и не мог найти. Эти летчики уважали Рогожина, были дружны, с ними Алексей ощущал себя уверенней в бою.

Подошли ребята из второй эскадрильи — сам командир капитан Николай Елисеев, сосредоточенный, с худым продолговатым лицом; сержант Михаил Мурачев, строгий, с коротко постриженными на висках волосами, над шлемофоном, выбиваясь волной, лежал его непослушный чуб; сержант Николай Стрельцов, подставивший ветерку свои густые мягкие волосы. Во всей его фигуре было заметно спокойствие, в глазах жило романтическое выражение.

За своим комэском увязались Марк Коган и Николай Сретенский, с еще забинтованными руками. Оба по-деловому настроенные, ревниво присматривались к машинам первой эскадрильи. Малейший изъян превращался под их «вьедливым» взглядом в грубейшее отклонение от нормы. Сретенский придирчиво расспрашивал рогожинского механика Беседина:

— Что, краски другой не нашел? Синяя надпись на голубом фюзеляже? Надо бы поярче. Красной, например.

Дмитрий Иванович, хитро прищуривая глаза, дружески шептал:

— Шел бы ты, Коля, откуда пришел. А то не дай бог нервы у меня не выдержат...

Сретенский посмеивался:

— Ладно, ладно. Что это за привычка — на замечания товарища так резко реагировать?

— Слушай, иди, — отвечал Беседин. — Да смотри, правильно реагируй во время своих сеансов. А то вот доберусь до тебя — обыграю. Сраму не оберешься.

Подувал теплый ветерок. Ближние леса тонули в сизой мгле. Небо было затянуто ровной белесой пеленой. Елисеев направился к машине Александра. Тот, забравшись на крыло, что-то делал в кабине.

— Салют комэску-один, — приветствовал Николай Александра.

Тот спрыгнул с крыла на землю, подошел к капитану, протянул руку.

— Готовы? — спросил Елисеев, кивнув на самолеты 1-й эскадрильи.

— Как всегда, — улыбаясь, ответил Александров.

— Летим через Калинин на столицу, — уточнил Елисеев, — оттуда на Моршанск.

— Маршрут мне известен, — сухо ответил Александров: он не любил, когда ему подсказывали.

Елисеев был годами постарше Александра, а значит, как он считал, мудрей, поэтому смолчал.

Прибежал посыльный, передал, что командир полка объявил построение.

Северный ветерок, дувший вдоль аэродрома, усиливался. Он забирался под комбинезоны, регланы, и люди слегка приплясывали.

Протяжная, на строговато-бодрой ноте, команда дежурного «Ста-ановись!» встряхнула всех, поставила на место.

Из землянки вышли командир полка майор Матиков и замполит майор Зак. Дежурный, подав команду «Полк, смирна-а!», быстрым шагом пошел навстречу майорам, приблизившись к Матикову, стукнул каблуками, кинул руку к ушанке:

— Товарищ майор, летный состав по вашему приказанию построен. Докладывает майор Круглов.

— Вольно, — приказал дежурному Матиков, и тот, лихо повернувшись лицом к шеренгам, подхватил:

— Во-ольна-а!

Алексей, стоя в первой шеренге, видел, как Матиков, высокий, подтянутый, с молодым смуглым лицом, на котором светились упрямые глаза, вышел вперед, привычным, уже знакомым всему личному составу жестом поднял руку, словно быстрым взглядом засекая на своих часах время, и звучным голосом объявил:

— Сегодня в десять ноль-ноль нам приказано начать перебазирование на юг. Перелет будем производить тремя группами. Ведущим первой группы назначен я, второй — штурман полка капитан Козленко, третьей — командир второй эскадрильи капитан Елисеев.

Он помолчал, всматриваясь в лица летчиков, как будто надолго расставаясь с ними, и впервые подумал о том, что за короткое время, проведенное на Северо-Западном фронте, он успел сродниться с этими молодыми людьми.

— Перелет следует провести организованно и в указанный срок, — продолжал Матиков. — Через полчаса жду рапорт командиров эскадрилий и командиров групп о готовности. А сейчас хотел бы напомнить вот о чем, дорогие товарищи. Мы покидаем этот участок Северо-Западного фронта, где дрались с ненавистным врагом, не жалея своей крови и не щадя самой жизни. Мы потеряли здесь наших боевых товарищей. Они остались лежать в этой земле. Попрощаемся с ними и дадим клятву: на других фронтах, куда нас пошлет командование, не посрамям себя и этих священных могил...

«Как хорошо, здорово сказал командир, — глядя на Матикова, подумал Алексей. — Священные могилы, сколько их тут?.. Да разве забыть тех, кто погиб здесь, над делянским плацдармом? Но я жив и отомщу врагу и за ребят, и за моего боевого учителя майора Козлова, который научил меня упорству и выдержке, научил воевать. Не напрасно же написал на фюзеляже своего «ила» «Отомщу за майора Козлова!» А жаль, как жаль расставаться с Севером, с памятью о встрече с замечательной деревенской женщиной Татьяной Алексеевной». Рогожин закрыл глаза и как наяву услышал ее напевный грудной голос: «Долго будешь жить, летчик».

«Спасибо тебе, дорогая Татьяна Алексеевна, за хлеб-соль и добрые слова. Они успокоили меня в ту трудную минуту, укрепили мужество. И я буду делать все, чтоб поскорее пришла победа и к твоим детям вернулся отец.

Ну что ж, прощай, Северо-Западный. И здравствуй другой, неведомый!»

Строй разошелся, и летчики окружили майора Зака. Алексей подошел ближе, услышал:

— Вот прилетим на место и узнаем, — говорил замполит. — А пока, товарищи, ничего определенного сказать не могу, кроме одного: война — это тяжелая работа. Будем работать и на новом месте так же, как здесь, на Северо-Западном!

«Значит, куда-то под Курск, — подумал Алексей. Из газет и сводок Совинформбюро он представлял сложившуюся обстановку на южных фронтах. — Да, горячо, видно, будет там...»

Александров собрал своих летчиков, и они всей эскадрильей занялись последними приготовлениями в путь — прокладкой маршрута.

К десяти часам были заправлены и опробованы все системы самолетов, уложены в планшеты карты. В последний раз каждый из летчиков взглянул на аэродромное поле, куда с радостью садился после выполнения боевого задания. Но куда бы ни бросала молодых авиаторов переменчивая военная судьба, всюду земля и небо оставались своими. Их надо было защищать.

Время неуклонно приближалось к началу взлета. Летчики расселись по кабинам своих «илов», в нетерпении посматривали на небо, по которому ветер начинал раздвигать сплошную пелену. В разрывах ее кое-где появлялся и исчезал желтый солнечный свет. И тогда все на мгновение становилось по-весеннему обновленным и ярким. «Уж скорее бы на новое место, — думал Алексей, сидя в своем «счастливом» одноместном «иле». — А то еще развезет взлетную полосу, перелет придется отложить. И потом снова надо будет идти на старые квартиры, снова расставаться с этим краем...»

Но что-то тревожило Рогожина. Вдруг его осенило: «мессер». Так и не довелось ему рассчитаться с фашистом. «А может, придется встретить там. Чем не шутит фронтовая жизнь?» С этим ощущением как будто невыполненного долга или возложенных на самого себя обязательств он оставался до тех пор, пока не вырулил на старт самолет командира полка.

Вот он, быстро увеличивая скорость, сделал пробежку, разбрызгивая колесами снежную крошку, потом невесомо и словно нехотя повис над взлетной полосой, но неудержимая сила двигателя увлекла его вперед, и он, чуть покачивая крыльями, устремился вверх, затем сделал большой круг над аэродромом, поджидая остальные, взлетающие один за другим, самолеты. Их было всего двадцать два «ила», и все они, взлетев, взяли курс на Калинин с последующей посадкой в Москве, на аэродроме Тушино.

Внизу под крылом расстилались бесконечные леса, разделенные на квадраты поля, сожженные деревни. Среди потемневших мартовских снегов тянулись черные нити железнодорожных магистралей, и часто среди пустырей были видны разрушенные избы с подпалинами над оконными проемами. Над ними одиноко и скорбно вздымались остовы уцелевших закопченных печных труб — это была освобожденная от врага родная сердцу, истерзанная русская земля.

Здравствуй, Москва!

Столица встретила отличной погодой. Небо было чистое. Пролетая над окраинными городскими улицами, летчики видели спокойное деловое движение пешеходов, машин, военной техники, и если бы не она, можно было подумать, что Москва вполне мирный, не обремененный военными заботами город.

Никто из москвичей в этот день, наверное, не обратил внимания на группу штурмовиков, промчавшихся с низким гулом над пригородом, а если кто и обратил, то скорее по привычке в подобных случаях посматривать на небо.

«Илы», блестя плоскостями в солнечном свете, приземлились на живописный, расположенный в излучине Москвы-реки Тушинский аэродром. Пока летчики отстегивали ремни и выбирались из кабин, к самолетам подкатили бензозаправщики. Алексей, как и все его товарищи, только радовался такой расторопности. «Значит, нас ждали. Значит, нужны мы там, на юге», — думал он, спускаясь на землю.

Бензозаправщик, пятясь, подрулил к штурмовику. Из кабины высунулась голова водителя в старой шапке. Алексей подивился: «В такой-то солнечный день?»

Водитель вылез из кабины, поздоровался с Алексеем. Он был пожилой, с бледным худым лицом. Под шапкой белел бинт. Заправив шланг в горловину бака, кивнул на самолет:

— Летим, значит, «тринадцатый»! Сердечко-то не трепещет воевать под таким номером?

— Нет, батя, не трепещет, — ответил Алексей. — Тринадцатый номер оказался для меня счастливым. Штурмовичок что надо! Мотор, как говорит мой механик, — зверь! Кого хочешь догонит. — Алексей любовно коснулся крыла самолета и спросил водителя: — Не жарко тебе?

— Эх, милок, — вздохнул шофер, — зябко мне. Мерзну после того, как контузило месяц назад на Северо-Западном. Зажали «мессера» на дороге. С тех пор болит головушка. В шапке легче. — Он потоптался на месте, боязливо потрогал затылок.

— Отлежался бы в госпитале, — посоветовал Алексей с сожалеющим вниманием, свойственным молодости. — Чего мучить себя?

— Меня и так с полевого аэродрома отправили, — упрекнул водитель. — А был я у истребителей, — мечтательно сказал шофер. — В полку Героя Советского Соки за майора Бабкова, — он поднял палец вверх и гордо) посмотрел на Рогожина. — Ох, и лупили они фашистов. Жуть. Может, и ты слышал?

— Конечно, слышал. Там у меня земляки дерутся.

— Кто же?

— Герои, отец, туляки.

— Да знаю, что герои, у них весь полк из героев состоит. Я спрашиваю, фамилии какие?

— Сергей Долгушин и Владимир Орехов.

— Ну, ентих-то все знают, — сказал шофер. — Они там в командирах, особливо один, небольшой такой капитан Долгушин. Он еще чуток прихрамывает после ранения. Эскадрильей командует! А тот, что повыше, тоже капитан, — в заместителях ходит. Ух и ребята — гроза! Как полетят, фашисты в разбег пускаются. — Он с хитрецей посмотрел на Рогожина и добавил: — Оно и понятно, иначе конец... А в госпитале-то надоело валяться, насилу выпросил себе выписку, хоть вот сюда. Вот маненько оклемаюсь, буду опять проситься к своим. — Он помолчал, присматриваясь к Алексею. — Как там щас на фронте-то?

— Ну, теперь после Демянска фашисты долго не очухаются, — авторитетно ответил Алексей: ему хотелось, чтобы водитель подумал о нем, как о бывалом летчике, но тот в задумчивости покивал головой, шагнув к бензозаправщику, завернул кран.

— Хватит, уже под пробку. — И, повернувшись к Алексею, спросил: — Если не секрет, теперь куда летите? Алексей тряхнул головой, спросил:

— А сам-то откуда будешь?

— Да я почти твой земляк. Аккурат за Тулой городок на шоссе стоит. Чернь, знаешь, небось?

— Как не знать?

— Так вот я из-под этой Черни. — Водитель забрался в кабину, сказал: — Ну, в добрый час. Тебя-то, тулячок, как зовут?

— Алексей...

— А по бабушке?

— Да чего там?

— Ну все же?

— Арсентьевич.

— Может, тоже станешь Героем, Алексей Арсентьевич?..

Рогожин смутился, неопределенно пожал плечами и сам, не зная почему, вдруг сказал:

— Может быть, отец. Буду стараться.

Оказывается, по аэродрому давно уже бегал посыльный, искал командира прилетевших летчиков и, наткнувшись на Александрова, просил его оповестить всех, что в столовой их ждет обед. Александров посоветовал ему обратиться к командиру полка:

— Вон он, на первой дорожке, высокий такой, а тот, что пониже, замполит наш.

Посыльный метнулся в указанном направлении, а командир эскадрильи тем временем передал своим летчикам, что всех их ждет вкусный московский обед.

Спустя десять минут весь полк в сопровождении посыльного шагал по одной из тушинских улиц.

«Тушино! — думал Рогожин. — До войны здесь проходили торжественные, захватывающие дух воздушные парады осоавиахимовцев. Здесь летал, ходил по этим тротуарам бесстрашный Валерий Чкалов...»

Алексей пристально смотрел по сторонам, ощущая в себе значительность этого дня. Внутренне подобравшись, он шагал рядом с высоким, шедшим с развальцей Александровым, видел спешивших по тротуару женщин, стариков, детей и, раньше не думая об этом, теперь понимал, что он, простой паренек из тульской деревеньки Гостеевки, — защита и опора и для москвичей, и для своих земляков, и для всех соотечественников.

Вот бежит вприпрыжку по тротуару мальчик в легком коротком пальтишке, с завязанным вокруг поднятого воротничка светло-голубым, видно, много раз стиранным шарфиком. «Где отец, мать этого мальчика? Какая жизнь ждет его? Что увидит он в грядущем будущем?» А вот идет молодая женщина в резиновых ботиках, в сером платке, туго охватившем ее склоненную голову, и в скорбной, зябко ссутуленной спине, в усталых шагах видел Алексей и горе ее, и беду. И жалость, простая человеческая жалость захлестнула его. Он проморгнул подступившие к глазам слезы, вскинул голову, глубоко вдыхая пронзенный летучим московским морозцем воздух.

В столовой их встретили приветливые, улыбающиеся официантки в белых фартучках. Для дорогих гостей был приготовлен вкусный обед.

Пока летчики с веселыми шутками и возгласами рассаживались за столы, официантки стояли в стороне, любуясь молодыми людьми, одетыми в летные комбинезоны с планшетками на боку. На лицах девчат отражались и восхищение, и то женское любопытство, которое всегда сопровождает подобные встречи.

Во время обеда в столовую принесли свежие газеты. Молоденький сержант в летной форме аккуратно разложил их по несколько штук на каждый стол. Летчики потянулись к газетам. Всем хотелось прочитать репортаж с места событий под

названием «Дерзкая штурмовка», в которой журналист лейтенант Степаненко рассказывал, как группа «илов» совершила налет на крупный аэродром и уничтожила более десяти вражеских машин.

Голоса в столовой приутихли. Потом летчики снова заговорили, обсуждая прочитанный материал: все, о чем писал корреспондент, было пережито самими.

На дорожку официантки завернули каждому по несколько пирожков, пахнущих горячим подсолнечным маслом, пожелали счастливого полета.

Стало пасмурно на душе от того, что так скоро приходилось покидать этот мирный уют, этих ясноглазых девчат, и Жан, задержавшись в столовой дольше других, говорил высокой, пунцовой от смущения официантке:

— Прилетайте, дарагая, после победы к нам, в Грузию. Я обязательно встречу вас. Если не сможете, то сам прилечу в Москву. А поэтому мне нужно знать ваш адрес.

Он раскрыл планшет, вытащил из него блокнот, карандаш. Алексей, оглянувшись в дверях, увидел склонившегося над планшетом Жана, его густые черные пряди волос, короткие, аккуратно подправленные бритвой бакенбарды. «Красивый парень, — подумал Алексей, — девчонка, поди, теперь спать не будет».

Не знал он, что совсем скоро не станет веселого Джинчарадзе, как не стало Лобанова, майора Козлова и других товарищей-однополчан.

Прерванный полет

В двадцатых числах марта погода испортилась, начались метели, переходящие в слякотные дожди. Полк, прилетев в новый район, трое суток отсиживался на аэродроме. Авиаторы, кляня небесную канцелярию, изнывали от безделья. Но майор Зак не терял времени даром. Он организовал просмотр документальных фильмов о зверствах фашистов на оккупированных территориях.

Летчики увидели надругания фашистских извергов над советскими людьми. Алексей сидел в зале рядом со своими товарищами, смотрел на экран, чувствуя, как стучит в груди сердце. Он скосил глаза на Марыгина и Джинчарадзе.

Поза Жана была напряженной, как будто скованной, но по тому, как вздрагивали его ресницы, догадался, какие смятения, какая ненависть бушуют в нем.

— Сматри, Леша, сматри, — горько шептал он. — Что гады делают?

От волнения Жан говорил с сильным акцентом, задыхаясь от ярости.

— Фашисты, ани и есть фашисты.

Не дождавшись окончания сеанса, он вышел из зала. Позже Рогожин отыскал его на аэродроме, в кабине штурмовика. Жан сидел, вобрав голову в плечи, не мигая смотрел прямо перед собой. Алексей позвал его на ужин. Жан, не шевелясь, ответил:

— Спасибо, дарагой, не хачу.

Долго не исчезали из памяти Рогожина страшные кинокадры. Кое-как, наспех поужинав, он отправился спать. Но не мог заснуть. Не спали и другие. Борис Синенков с тяжелым вздохом сказал:

— Смотрел я, ребята, на эти документальные съемки и думал, зачем человек родится? Для зверства? Нет, конечно. А для чего? Для подвига? Не каждый способен на подвиг. Говорят, для счастья. Фашисты тоже ищут себе счастья. А за чей счет? Вывод такой: не люди они, выродки человеческие. А кричат на весь мир: «Наши достижения, наша наука, наша техника». А если спросить, для чего ваши достижения, кому служит ваша техника? То ответ будет однозначным — варварам.

Только перед утром забылся Алексей тревожным сном. Растолкал его Александров.

— Сержант, а сержант, — тряс он Рогожина за плечо. — Что с тобой?

Оказывается, Алексей кричал во сне, и Александров, услышав, разбудил его.

— Опять этот сон приснился. Представляете, из пушки по избе шарахнули... А там ведь мать моя жила... Но ничего, будет и на нашей улице праздник!

— Ладно, ладно... — успокаивающе произнес командир эскадрильи, — пойдем свежим воздухом подышим.

Гудящий ветер кинулся им навстречу, засвистел в проводах и голых деревьях, захлопал оторванной доской забора. Темнота распростерлась над всем пространством, над полями и лесами, казалось, над всем миром.

Рогожин и Александров стояли рядом, плечом к плечу, и комэск говорил:

— Ничего, Леша, дыши глубже... Береги сердце, мотор свой. Без него и ты, и штурмовик твой — ничто. Туляки твои дали фашистам по носу, и мы постараемся им нервишки пощекотать!

— Спасибо, командир. Скорее бы выгнать этих гадов с земли нашей.

* * *

Ветер не утих и на четвертые сутки. Откладывать перелет дальше было невозможно, и майор Матиков поднял полк по тревоге. Летчики, дежурившие на аэродроме с утра, запустили двигатели, прогрели их и приготовились к взлету.

Казалось, все было готово к продолжению перелета: проложен и изучен маршрут, распределены обязанности экипажей, расписаны очередность их взлета и построения в воздухе. Но летчики волновались, нервно посматривали вверх на сыпавший снег и на край аэродрома, где стоял лидер-бомбардировщик Пе-2, прилетевший в первый же день пребывания полка на новом аэродроме.

Плотный низкорослый летчик был замкнут, неразговорчив, постоянно находился в самолете. Штурман и стрелок-радист были под стать своему командиру, держались в стороне.

Когда была дана команда «Приготовиться к взлету» и все заняли свои места, летчик с «Петлякова» быстро среагировал, запустил двигатели, прогрел их и вырулил к линии исполнительного старта. Он недовольно посмотрел на стоящего с поднятым флажком стартера, потом перевел взгляд на самолет майора Матикова и, поднимая правую руку ладонью вверх, как бы спрашивал: «Ну, куда же лететь в такую погоду?»

Но командир полка был непреклонен: он верил обещаниям синоптиков, что на маршруте и в районе посадки погода будет лучше. Секунду помедлив, взмахом руки дал лидеру знак начинать взлет.

Тот нехотя осмотрелся, закрыл фонарь, дал газ, и мощные моторы, взревев на форсажной ноте, потащили бомбардировщик вперед. Оставляя след на взлетной полосе, он начал стремительный разбег, веером разбрызгивая снежную крошку, незаметно оторвался от земли и перевел самолет в набор высоты. Следом, покачиваясь с крыла на крыло, уже мчался штурмовик майора Матикова.

Взлетели все, кроме сержанта Николая Стрельцова. В моторе его одноместного «ила» оказалась серьезная неисправность, и по приказу старшего инженера полка капитана Василия Ивановича Катилевского он был вынужден остаться на аэродроме до окончания ремонта самолета.

Тем временем все три группы «илов» собрались в небе над аэродромом в большой, похожий на затейливое ожерелье, круг и в целях безопасности полета в сложных погодных условиях с ограниченной видимостью стали растягиваться в длинную колонну. Следуя за лидером, они взяли курс на Уразово.

Небо, сплошь затянутое набухшими тучами, продолжало сеять мелкую водяную и снежную пыль. Штурмовики летели низко, но земля по-прежнему плохо просматривалась, видимость продолжала ухудшаться. Первым вслед за «Петляковым» со своей группой шел штурман полка капитан Николай Козленке, за ним вел эскадрилью капитан Николай Елисеев. Алексей Рогожин замыкал левую последнюю

шестерку, ведомую майором Матиковым, стараясь не потерять из виду самолет идущего впереди сержанта Джинчарадзе. По времени полк скоро должен был прибыть в район назначения.

По-мальчишески радуясь тому, что, несмотря на дождливую погоду, они легко, быстро и точно добрались до места, Рогожин, взглядываясь в темные крыши домов, в наушниках шлемофона услышал голос летчика с Пе-2:

— «Заря-девять», впереди по курсу прямо под нами аэродром посадки. Как поняли? Прием.

Ему поочередно ответили все ведущие групп: Козленко, Елисеев и Матиков. Командир полка поблагодарил летчика, штурмана и стрелка-радиста с лидера за четкость действий на маршруте и пожелал счастливой посадки.

— «Заря-девять», вас понял, до встречи на земле, — ответили с «Петлякова».

Предсказания синоптиков не оправдались. Над аэродромом стоял туман, продолжал сыпать мелкий дождь. Вертикальная видимость была менее пятидесяти метров. Самолеты первой группы по одному начали заходить на посадку. Приближаясь к земле, они ныряли в молоко тумана, и что происходило с ними дальше, увидеть было невозможно.

Сделав три круга, Матиков посчитал, что если отвести на каждую последующую посадку две минуты, то летчики его группы не дождутся очереди и у них кончится горючее. Тогда каждому придется садиться на вынужденную. Чтобы не рисковать, он приказал капитану Елисееву продолжать посадку, командование полком до своего возвращения возложил на майора Зака, а сам решил пойти со своей группой на юг в район Старобельска, на полевом аэродроме переждать непогоду, а затем возвратиться в Уразово.

Через несколько минут полета погода действительно стала улучшаться: дождь кончился, увеличилась видимость. Неожиданно в наушниках Алексей услышал чей-то встревоженный голос:

— Товарищ командир, у меня кончилось горючее. Иду на посадку.

Алексей узнал — это был Джинчарадзе, и в страхе посмотрел на свой бензомер. Стрелка устало качалась, все больше опускаясь на ограничитель, вздрагивала, как будто старалась подняться хоть на одно деление, но пустеющие баки отдали мотору последнее горючее, и она обессиленно легла на нулевую отметку.

Матиков вошел в вираж, и вся группа зависла над предполагаемым местом посадки Джинчарадзе. Командир полка спросил:

— Сержант, как ты сел?

— Нармально, товарищ командир, — бодро ответил Джинчарадзе. — Степь ровная. Можно рулить в любом направлении.

— Пройди туда, где надо раскладывать «Т».

По команде Матикова штурмовики снизились, и Алексей увидел фигуру Жана, который, раскинув руки, стоял неподалеку от своего самолета. Кругом расстилалась покрытая бурыми пятнами пожухлой прошлогодней травы бесконечная степь. Ее ровные просторы глубоко прорезали небольшие плоские балки, на дне которых лежали серые плешины не стаявшего снега, да маячили вдалеке загадочные курганы.

Матиков подал команду идти на посадку, и Алексей, услышав его решительный голос, мысленно похвалил командира: «Молодец, действует по принципу: один — за всех, все — за одного».

Друг за другом «илы» приземлились на уже подсохшую равнину. Летчики вышли из кабин, огляделись, не понимая, где они находятся. Командир полка собрал командиров звеньев. Решили слить из всех «илов» остатки бензина в командирскую машину, и Матиков, не теряя времени, взлетел для восстановления ориентировки на местности.

Самолет его сделал большой круг над степью. В воздухе еще висела белая мгла. Майор Матиков передал дежурившему в самолете летчику, что пойдет вдоль железнодорожной ветки на юг.

Тревога за оставшихся в степи летчиков не покидала его ни на минуту. Александр Пантелеевич уже стал сомневаться в правильности своего решения оторвать группу от полка. Но что оставалось делать в создавшейся обстановке? Главное теперь было как можно скорее найти горючее.

Его штурмовик шел низко, почти на бреющем. Вскоре Матиков увидел очертания большого населенного пункта. Через минуту-другую он пролетел над ним, посмотрел на карту и, убедившись, что это и есть город Старобельск, без труда нашел аэродром. В центре его на посадочной полосе лежал большой белый крест, запрещающий посадку. Все поле пестрело развевающимися на тихом ветру белыми флажками, возле которых работали люди. Произвести посадку рядом с аэродромом было негде. Матиков выбрал подходящую площадку на другой стороне города, приземлился. Подмораживало. Где-то во дворе лаяла собака. Командир полка приказал своему стрелку оставаться на месте, а сам направился к окраинным домикам. Стрелок крикнул из кабины:

— Прихватите хотя пару гранат.

— Не похоже, что тут фашисты, — ответил Матиков.

Подойдя к изгороди, майор остановился, глядя в надворные постройки, в голые черные яблони, опаленные огнем. Толкнул калитку, вошел во двор, постучал по резному наличнику.

Тотчас же к оконному стеклу прильнуло женское лицо и испуганно уставилось на него. Он попросил хозяйку выйти на улицу. Через некоторое время наружная дверь со скрипом распахнулась, и на пороге появилась худая женщина. Она недоверчиво смотрела на Матикова, прижимая к груди концы накинутой на голову большой темной шали.

— Не пугайтесь, я советский летчик. Это город Старобельск?

— Да, это Старобельск.

Женщина пригласила в дом.

Матиков поблагодарил хозяйку, спросил, не знает ли она, как пройти к штабу части, что стоит в городе.

— Да тут не одна часть, — сказала женщина. — Подождите минутку, сейчас мой Васюрка вас проводит.

В ожидании провожатого Матиков думал: «Немножко мы не дотянули. Но почему закрыт аэродром? Да теперь он и не нужен. Только бы горючее добыть».

Вышел Васюрка в длинном до пят пальто и старой шапке. Насупившись, сказал:

— Ну, пойдём, что ли.

Александр Пантелеевич, улыбаясь, оглядел его щуплую фигурку, поинтересовался:

— Сколько же тебе лет, Вася?

— А сколько надо, столько и есть, — сипло ответил мальчик.

— Вижу, ты суровый мужик. В школу-то ходишь?

— Нету пока школы. И учителей нету. Все порушили фашистяки проклятые.

Майор молчал, шагая рядом с Васей по разбитой автомашинами улице. Ему тяжело было видеть ноги мальчика, выскакивающие из стоптанных солдатских ботинок. Они хлобыстали на ходу, а Вася, наклоняясь и сопя, то и дело поддегивал вязаные шерстяные носки.

— Отец-то у тебя на фронте? — спросил Матиков.

— Там...

— Что пишет?

— Ничего. Ни слуху ни духу, — тихо ответил мальчик.

— Откликнется. Вот подожди малость — фашистов отгоним подальше, и напишет отец. А сейчас ему, поди, некогда. На фронте народ занятой.

— Гляди, так уж занятой. Соседские пишут, а наш все нет, — сказал Вася, и Матиков поразился, с какой суровой мужской простотой были произнесены эти слова.

«Рано возмужали дети, — подумал он. — Этакий пострел, а рассуждает, как взрослый». Узкая улочка с вывороченной грузовиками землей вывела к небольшому двухэтажному зданию. У входа стоял часовой с автоматом.

— Спасибо, Васюрка, — сказал Матиков. — Да ты прямо разведчик.

Мальчик, потупив глаза, снисходительно ответил:

— Да цельный день крутимся мы по городу. Как не знать?

Матиков подосадовал, что нечем угостить мальчонку, протянул Васе руку и пожал узкую заветренную ладошку, козырнув, сказал:

— А письмо от отца жди. Он непременно напишет. Вот увидишь.

Подойдя к подъезду и остановившись напротив часового, Матиков оглянулся. Мальчик стоял в своем длинном пальто и огромных ботинках, смотрел часто моргающими, полными слез глазами, и Александр Пантелеевич ощутил, как сердце его сжалось от бессильной тоски. Это чувство не покидало его и после того, как командир автомобильного батальона согласился помочь ему с горючим.

«Сколько таких ребятишек ждет отцовских писем?» — думал он, шагая вместе с сопровождавшим его сержантом к автомашине, на которой должны были подвезти бензин к штурмовику.

Обстрел под Старобельском

Летчики, собравшись в кружок возле машины Александрова, обсуждали создавшееся положение. Все, конечно, представляли, насколько трудно будет выбраться отсюда, можно ли рассчитывать в голой безлюдной степи на чью-то помощь? Строили разные предположения, гадали и так и этак, но каждый понимал, что майор Матиков не всемогущ: улететь-то улетел, а где он добудет горючее и как доставит его на место вынужденной посадки, было загадкой.

Когда в глубине неба раздался резкий свист и вдалеке от самолетов рванул землю крупнокалиберный снаряд, все присели от неожиданности. Осколки с шепелявым воем пронеслись над «илами» и, срезая сухие стебли трав, веером рассыпались по степи.

Александров первый пришел в себя:

— За мной! — крикнул он и побежал к ближайшей балке.

Старший лейтенант, прислушиваясь к вою снарядов, окинул взглядом прилегших в низинке летчиков — все были целы.

Как выяснилось позже, линия фронта проходила километрах в десяти, и гитлеровцы засекли группу наших самолетов, приземлившихся в районе, никак не связанном с действующим аэродромом. Кто-то высказал опасение, как бы они не вызвали авиацию.

— Худо, братцы, — произнес Бутузов с невозмутимым выражением своего надменно-спокойного лица. — Побьют наши «илы» на земле, да и нам самим ноги не унести.

Джинчарадзе сердито крикнул:

— Зачем каркать? Нэ каркай!

Минут десять била артиллерия, снаряды со свистом и воем прилетали откуда-то сверху и, вонзаясь в землю, поднимали большие фонтаны медленно оседающей земли. И когда где-то в глубине неба возникал быстро приближающийся раздвоенный вой, летчики с тревогой, больше чем о себе, думали о своих машинах. После очередного разрыва они, с радостью поглядывая друг на друга, как бы спрашивали: «А штурмовички наши стоят?» и сами себе отвечали: «Стойт!»

Прижимаясь к мерзлой, только накануне освободившейся от снега земле, Алексей следил за разрывами снарядов, которые стали ложиться все ближе.

Выбрав момент, он оглянулся на командира эскадрильи Александрова и прокричал:

— Товарищ старший лейтенант, надо уходить, смотрите...

Очередной разрыв заглушил его голос, взрывная волна швырнула на спину сырые комья земли, запорошила глаза. Он инстинктивно попятился дальше к балке, но Александров приказал:

— Не паниковать! Остаться здесь!

Лицо командира эскадрильи было сосредоточенным, блестели пристальные, решительные глаза. Чертыхаясь, Алексей остановился, вытер ладонью сочившуюся кровь с оцарапанной щеки, с досадой подумал: «Ну и положеньице. Глупее не придумаешь...»

Минуты тянулись медленно. Все близлежащее пространство затянуло клочковатым дымом и гарью. Десятка два метровых воронок темнели на ровной поверхности степи. Над некоторыми из них продолжал курчавиться желтоватый дымок. В промежутках между взрывами стал прослушиваться посторонний гул, и все обеспокоенно зашарили глазами по небу: «мессеры» или «юнкерсы»? Гул нарастал, приближался. Тогда Евсеев вскочил на ноги.

— Ура-а! Это командир! Видите? Матиков летит! Очередной разрыв как будто опалил его, и Евсеев сжал голову руками. Думали, что его зацепило осколком, но он, не поднимаясь с земли, заорал:

— Ур-ра! Подал сигнал, что жив, невредим!

Снаряды стали ложиться реже, и вскоре низко, почти над самой землей, появился командирский «ил». К всеобщему изумлению, под крыльями были подвешены две объемистые бочки.

Штурмовик Матикова приземлился метрах в трехстах от стоянки самолетов. Немцы неожиданно прекратили обстрел. Последний снаряд отдаленным шепелявым воем коснулся слуха летчиков и шлепнулся где-то в низине балки, разбросав по округе хрустящее эхо. Прошла Длинная томительная минута напряженного ожидания, но ничто больше не нарушало потревоженной взрывами и ревом мотора тишины.

Майор, выбравшись из кабины, уже шел навстречу летчикам широким быстрым шагом. Выслушав доклад Александрова, поглядывая в сторону, откуда была артиллерия, сказал:

— Ясно, стреляли они почти наугад. Но все равно надо поскорей выбираться отсюда. Горючее есть. Готовьтесь к заправке. Литров по сто каждому достанется.

Он повернулся и пошел к своему «илу». Через час все было готово к продолжению перелета. Летчики заняли свои места, ожидая сигнала командира полка на взлет.

Когда майор Матиков подал команду, Алексей нажал на пусковую кнопку, но мотор, израсходовав имеющийся в воздушной системе сжатый воздух, так и не завелся. Видимо, в карбюраторе не было ни капли горючего и запустить двигатель без стартера теперь было невозможно. Он доложил об этом Матикову.

Командир полка молчал. В наушниках слышалось потрескивание. Наконец он произнес:

— Скоро стемнеет. Задерживаться мы не можем. Поэтому останешься здесь с техником звена лейтенантом Дронниковым. Утром что-нибудь придумаем.

— Есть, товарищ майор, — ответил Рогожин.

Солнце садилось, накалив лучами очищенную полосу неба. Ветер утих и тишина была такая, будто кругом все вымерло. Тем более странным показалось Алексею, как на остывающем фоне зари возникли черные, похожие на больших стрекоз

самолеты и садились куда-то за горизонт. Присмотревшись, он обрадованно показал их Дронникову, и тот тоже оживился.

— Да это же ночники, товарищ сержант! — воскликнул он. — Я слышал, они на По-два летают.

Заметил приземлявшиеся По-2 и командир полка. Голос его звучно ворвался в наушники Рогожина, все еще сидевшего в самолете с включенным приемником.

— «Тринадцатый», я «Заря-девять», как слышишь?

Алексей нажал на кнопку передатчика и коротко ответил:

— «Заря-девять», я «Тринадцатый», слышу вас хорошо. Прием. — И выключил передатчик.

— Разрешаю тебе сходить к соседям. Видел, они только что садились. Идти надо на юго-запад. До них километров шесть-восемь. Может, раздобудешь стартер. Свою машину оставь под охраной техника. Если завтра к девяти ноль-ноль не прилетишь, вышло самолет с баллоном сжатого воздуха. Как понял? Прием.

— Вас понял, сходить к соседям. Раздобыть стартер и прилететь к девяти ноль-ноль.

— Ну, ни пуха...

Алексей прикусил губу, усмехнулся. «К черту же не пошлешь командира...»

На горизонте из-под редящих туч сквозили стрелчатые лучи заходящего солнца. Штурмовики уже скрылись, затих гул их моторов, а Рогожин и Дронников, выбравшись из самолета, все смотрели в ту сторону, куда улетели товарищи.

— Ну что ж, пора, — тихо сказал Рогожин. — Вот, возьми на всякий случай. — Он вынул четыре гранаты и две обоймы к пистолету. Помолчав немного, спросил: — Есть хочешь?

— Да не мешало бы, — забираясь в кабину, отозвался Дронников.

Алексей достал бортовой НЗ, вскрыл ножом консервную банку, нарезал тонкими ломтиками зачерствевший хлеб. На обрывок газеты вывалил половину консервов себе, банку протянул Дронникову.

— На, наедай шею.

— Спасибо, — засмеялся техник.

Темнело. От земли тянуло холодом. Под ногами стала похрустывать примороженная ночным заморозком пожухлая трава.

Алексей, еще раз наказав Дронникову смотреть в оба, направился в сторону, где, по его предположению, находилась посадочная площадка По-2.

Пройдя несколько километров, он вышел на укатанную грунтовую дорогу. Постоял, прислушался. Кругом было тихо. Решил идти по дороге в надежде на попутную машину. Спустившись в низину, услышал позади себя приближающийся шум мотора. На пригорке показалась полуторка. Алексей поднял руку. Поравнявшись с ним, машина остановилась. Рядом с шофером сидел майор-артиллерист. Он распахнул дверцу кабины и спросил:

— Что, авиация, подвезти?

— Спасибо, товарищ майор, не откажусь. Мне надо срочно попасть на аэродром.

— Понимаю, сам был молодым.

— Да нет, товарищ майор, по важному делу.

— Ну, если так, тебе крупно повезло. В кузове сидят твои попутчицы.

Алексей быстро забрался в крытый брезентом кузов и увидел двух одетых в шапки, меховые куртки и валенки девушек.

— Говорят, вы мои попутчицы? — пошутил Алексей.

— Да нет, скорее наоборот, вы наш попутчик. Мы едем к себе, а вы, если не секрет, зачем к нам?

— Вот приедем на аэродром, тогда и узнаете. Кстати, далеко еще?

— А это смотря какой вы собеседник. Если неразговорчивый, то далековато.

- А что бы вы хотели от меня услышать?
- Ну, что-нибудь интересное. Говорят, летчики мастера заливать?
- Так говорят только те, кто ничего не знает о летчиках.
- Мы-то кое-что знаем... Сами обслуживаем их самолеты.

Машина затормозила, и майор крикнул:

- Давай, авиация, выпрыгивай, а то дальше провезем!
- Алексей проворно вылез из кузова и помог выбраться девушкам.

В сгустившихся сумерках виднелись хаты. Подойдя ближе, Алексей разглядел невдалеке от деревни самолетную стоянку.

— Ну, летчик, — сказала одна из попутчиц, — мы пришли, а вам вон в ту хату. Там и найдете наше начальство.

— Простите, а как вас зовут? — спросил он.

— Нина, — ответила девушка.

— Нина, а может, проводите меня к командиру?

— Что же, придется быть вашим штурманом, — улыбаясь, сказала она.

Нина привела Рогожина к белой хате, окруженной плетнем, отворила скрипучую калитку и пропустила его вперед.

— Ну вот, летчик, вы у цели.

— Большое вам спасибо, Нина, вы отличный штурман. До свидания.

У двери его остановила девушка-дневальный и низким голосом спросила, кто он и куда идет. Рогожин знал, что на самолетах По-2 летают женщины, но так вот повстречать их во фронтовой обстановке довелось впервые.

Он оторопел, не зная, что ответить, и несколько секунд молчал.

— Ну что, миленький, — пошутила девушка-дневальный. — В гости идешь, а боишься?

Она приблизилась к нему, и Алексей увидел черные насмешливые глаза, лихую челку, выбившуюся из-под шапки. Он шагнул вперед, но девушка загородила дорогу, потребовала:

— Документы!

Алексей вынул из нагрудного кармана комбинезона летную книжку и протянул ее дневальному. Та внимательно изучила ее и уверенным движением возвратила Рогожину.

— Что же случилось, Алеша? — не то насмешливо, не то сожалеючи спросила девушка.

Алексей объяснил.

— Ах ты, беда какая, — совсем по-женски вздохнула она. — Пойдем провожу тебя к нашему командиру батальона.

В потемках они прошли через сенцы в хату. В свете коптилки Алексей рассмотрел молодую женщину в гимнастерке с офицерскими погонами. Прямые мягкие волосы спадали ей на плечи, подчеркивая бледность лица. В руке женщина держала гребень и смотрела на вошедших с нескрываемой досадой. Девушка-дневальный прошла вперед, доложила:

— Товарищ капитан, к вам летчик сержант Рогожин с просьбой.

Алексей стоял в тени за печкой и про себя посмеивался, смотрел на этих двух женщин, одну молодую рослую и другую, постарше, с золотистыми погонами, очень строгую, недовольную, очевидно, тем, что ей помешали привести себя в порядок.

Женщина-офицер наклонилась в сторону, чтобы лучше видеть летчика, усмехнулась.

— Выходи на свет, — сказала она. — Не бойся, не съем.

Голос у нее был чуть хриловатый, но приятный. Алексей, хмурясь, вышел из-за печки.

— Садись. Рассказывай, что случилось? И он коротко изложил свою просьбу.

— Все понятно. Есть хочешь?

— Нет, спасибо. Я ел... Недавно.

— Что ты там ел в степи, сержант... — улыбнулась она и посмотрела на печку. — Хозяйюшка, покорми-ка гостя щами.

Только сейчас Алексей заметил лежавших на печке простоволосую женщину и двух ребятишек, чьи льняные головки торчали из-за занавески. Хозяйка ловко спустилась вниз. Она была молода, крепка телом. Движения ее были энергичны, но плавны. Женщина зажгла керосинку и, разогрев, налила в миску щей. «Ох, женщины, — подумал Рогожин. — Кто мы без них?»

Он вымыл руки, вытер их висевшим рядом с умывальником рушником, бочком присел к столу и принялся за еду. Капитан смотрела на него тем же строгим взглядом, изредка коротким изящным движением гордо державшейся головы отбрасывала назад свои волосы.

Она сидела, закинув ногу на ногу в хромовых блестящих сапожках, тонкая обветренная рука лежала на столешнице. Иногда она постукивала длинными пальцами по столу, будто что-то решая про себя.

Когда Алексей поел и, поблагодарив, отодвинул чашку, она мягко сказала:

— Ну, не горюй. Завтра мы дадим тебе все, что требуется. Согласен?

— Спасибо, товарищ капитан. Но у меня в самолете техник остался, — ответил Алексей. — Одного его бросать на всю ночь как-то, знаете, не по-товарищески.

— Ничего с твоим техником не случится, — сказала капитан, — гитлеровцы — народ дисциплинированный, воюют только днем, — пошутила она. — Отдохните по-человечески. Завтра вам лететь.

— Не могу, товарищ капитан, — решительно возразил Алексей. — Как хотите, а выручайте меня. Очень прошу вас. Прикажите выдать бочку горючего и подготовить стартер. Я завтра поутру, часов в семь, прибегу.

— Ну что ж с тобой делать, сержант? — Она пожала плечами и, обернувшись, сказала хозяйке: — Поможем человеку? Заверни ему для техника кусок колбасы и хлеба. Да, там машина должна за грузом идти, — обратилась она снова к Алексею. — Подвезут тебя немного. Самолет-то свой найдешь? А то ведь ночь на дворе.

— Найду. Как не найти. По дороге до балочки и по ней прямо к самолету и выйду.

— Значит, самолет твой у балочки стоит?

— Так точно, километрах в трех от нее.

— Тогда в семь ноль-ноль встречай стартер на дороге. Ну, в добрый час, — она позвала дневального и приказала проводить Алексея до машины.

С тем и расстались. Рогожин добрался к самолету в девятом часу. Было темно, глухо. Только далеко-далеко на горизонте время от времени поднимался текущий свет. Дронников, услышав шаги, вылез на плоскость.

— Ну, как ты тут? — спросил Алексей.

— Живой. Холодновато, правда.

— Залезай в кабину и поешь. Я вот тут принес угощение от командира БАО. Она обещала утром дать бочку бензина и стартер. В семь надо быть на дороге, если ничего не изменится, машина должна прибыть к этому часу.

Когда рассвело, он побежал к дороге. Минут через сорок в отдалении послышался шум мотора. Полупорка с приспособленным на ней стартером остановилась у обочины. В кабине сидели двое: водитель и сопровождающий. Алексей подбежал к машине и, радостно улыбаясь, сказал:

— Вот спасибо, девушки. Хороших вам женихов.

— Ладно, жених, садись, поехали, — сказала девушка-водитель.

Полупорка, осторожно прощупывая колесами призамерзшую земную твердь, свернула с дороги в указанном Алексеем направлении и двинулась по краю балки в степь.

Ежась от утреннего холода, Рогожин смотрел через заднее стекло кабины на шофера. Радостное чувство выполненного дела охватило его. Он улыбался, вспомнив, как бывало мать, Мария Семеновна, по утрам гнала его в школу: «Вот лихоманка тебя возьми, глянь, ребята уже пошли, а ты все на крыше сидишь».

Нехотя спускался Алешка на землю, посмотрев еще разок на своих голубей: «Гуль-гуль-гуль...» — подхватывал сумку с книжками и бежал догонять ребят. Голубей он очень любил.

Однажды зимой, тринадцатилетним мальчишкой, вылечил залетного турманенка. Окрепшую птицу выпустил, но турманенок вернулся, сел на крышу и завертел головой — где ты, хозяин?

Мать писала Алексею: «Как придти немцам в деревню — голуби снялись и улетели. Долго их не было. Думала, не вернуться. Да и возвращаться некуда было: фашисты, прослышав, что я мать военного летчика, подкатали пушку и ахнули по дому. Сама едва ноги унесла, спряталась у соседей. А ушли фашисты, и голуби прилетели. Поселились среди развалин, по утрам ворковали. Спасибо нашим деревенским, помогли починить дом».

Когда подросток Алексей, другая страсть охватила его — самолеты. С семнадцати лет стал ездить из Гостеевки в аэроклуб на мясновский осовашихимовский аэродром, что на окраине Тулы.

Путь этот был неблизкий. Выйдя из дома, спускался в овраг. Тут стоял легкий туманец, сыпалась под ноги холодная утренняя роса. Вздрагивая от прохлады, задирает голову вверх: солнце светило — хорошо, тучи хмурились — не беда. И будто на крыльях взлетал, бежал мимо пятьдесят восьмой школы, колхозного рынка, откуда доносило запахи антоновки и малосольных огурцов. Садился в битком набитый трамвай, громыхавший на стыках рельсов. Ехал, глядя на деревянные домишки, на булыжник, мостивший улицу до самого Московского вокзала. Спрыгнув на развороте, мчался к перекидному мосту, обгоняя всех. Одним махом одолевал ступеньки, бухая в дощатый настил моста.

* * *

Попетляв по улицам Мяснова, выходил к аэродрому, и глаза его светлели. Приглаживал рыжие вихры, счастливо улыбался: «Вот они, красавчики Ут-2». «Красавчики», похожие на гигантских стрекоз, стояли, недоступно и гордо раскинув широкие крылья над мокрым от росы зеленым полем аэродрома. Они манили Алешку, завораживали своей загадочностью. «Эх, время, времечко, — вздохнул Алексей, — золотое ты мое, дорогое».

А разве можно забыть тот первый день, когда надел летную форму — синий комбинезон, шлем, лихо надвинутый на густые непослушные волосы. Шел по мясновским улицам, не чуя под собой ног, в руке держал кожаные перчатки, пахнувшие так волнующе. Косил глазами по сторонам: смотрит ли кто или нет. Смотрели старушки, сидевшие на скамеечках у ворот, пацаны лупили глаза, тянулись следом за диковинным человеком, перешептывались.

А он шагал, гордо неся голову, восторженно думал: «Летчик! Я — летчик! Эх, мать ты моя родная».

Мины под колесами

Дронников радостно приветствовал подошедшую машину, во все глаза разглядывал девушку-водителя.

— Эх ты моя золотая, — запел он, забираясь в кузов сгружать бочку. — Вот умница: и веревки, и доски у нее есть...

Было уже половина восьмого, Алексей торопился, чтобы к назначенному часу успеть на место базирования полка. Заправив баки, запустил стартером двигатель и прогрел его. Поставив мотор на холостые обороты, вылез из кабины. Вместе с Дронниковым погрузили в кузов полуторки пустую бочку, по очереди поклонились девушкам:

— Большое спасибо, век вас не забудем.

— Да чего там, — ответила водитель. — Летите. Смелее бейте фашистов, да живыми оставайтесь.

— Будем стараться, — бодро ответил Алексей и, уже став на крыло, еще раз низко поклонился.

Дронников забрался в люк позади кабины летчика, помахал девушкам рукой. Алексей дал газ и повел штурмовик на взлет. Через минуту он был в воздухе, сделал круг над ночной стоянкой, покачал крыльями и, развернувшись, взял курс на Уразово.

Откуда ни возьмись из облаков навстречу вынырнула пара истребителей. Они стремительно приближались. По характерному очертанию их лобовой части, по плоскостям Алексей определил — «мессеры». Он развернулся и пошел на них в лобовую атаку. Вражеские летчики, увидев, что в «иле» сидит не робкий летчик, горкой разошлись в разные стороны. «Значит, будут атаковать сверху сзади», — подумал Алексей и пожалел, что он не один, а его «ил» не прикрыт с хвоста. «Не могу, не имею права рисковать жизнью другого человека. Надо уходить. Уходить во что бы то ни стало».

Дронников, почувствовав недоброе, вынул из-за пояса ракетницу, зарядил ее красной ракетой. «Если подойдет близко, пугану фашистюгу, — сжав губы, подумал он, — шарахну будь здоров». Он поднял голову и увидел, как сверху на них пикирует «мессершмитт».

Техник рукояткой ракетницы три раза постучал по бронированному корпусу кабины летчика, подавая сигнал опасности. Рогожин покрутил головой и тоже увидел пикирующий ему наперерез «мессер». Алексей вошел в вираж и стал разворачиваться в сторону Старобельска. Теперь он надеялся, что в случае чего может сесть на аэродром, который наверняка прикрывают зенитки.

Гитлеровец с невыгодной позиции выпустил очередь по снижающемуся штурмовику, а выходя из пикирования, сам попал в неприятное положение. Он увидел, как навстречу, рассыпая искры, метнулся красный шар выпущенной Дронниковым ракеты. Уходя от столкновения с ней, накренил свой самолет и чуть не задел крылом землю.

Летчик второго «мессершмитта», видимо, наблюдая за атакой своего товарища, решил не подходить близко, с дальней дистанции обстрелял штурмовик. Снаряды и пули пронесли мимо, но одна из них, звонко щелкнув о заслонку маслорадиатора, повредила его, и Дронников увидел, как за хвостом их самолета потянулся темный, оседающий книзу шлейф. Он постучал по кабине Рогожина, и тот, сделав змейку, тоже заметил темный след, понял, что подбит.

Он привычно глянул на приборы. Все, казалось, было нормально, только резко упало давление масла и чуть поднялась температура воды. И чтобы не вывести двигатель из строя, Алексей решил идти на посадку. Под крылом самолета был уже Старобельск.

Рогожин без труда отыскал аэродром, присмотрелся — в центре лежал крест, запрещающий посадку. «Что бы это значило?» — удивился Алексей, но раздумывать было некогда, стрелка давления масла стояла почти на нуле, и он решил садиться на окраину.

Штурмовик, слегка наклонив нос, планировал с выключенным двигателем. Вот уже вздыбилась серая, поломанная ветрами полынь. Все ближе земля. Алексей потянул ручку на себя, и колеса плавно коснулись земли. Штурмовик, покачиваясь с крыла на

крыло, покатылся по клочковатой пыльной траве к краю аэродрома, за которым был овраг.

А в следующую секунду позади раздался грохот, «ил» встряхнуло, он клюнул носом, затем, вибрируя всем корпусом, стал заваливаться назад.

Алексей поспешно отстегнул ремни, вылез из кабины, но не удержался на плоскости, скатился вниз и ахнул. Штурмовик почти переломился пополам. Он еще был окутан сизым летучим дымком, и в нем Алексей рассмотрел обломки отодранного от стального корпуса фюзеляжа, будто неведомое прожорливое чудовище откромсало его и, разжевав, выплюнуло в сторону. «Мины! — мелькнула мысль. — Как Дронников?» Рогожин, тяжело дыша, заглянув в люк, увидел бледное лицо техника.

— Живой! — Он несказанно обрадовался, помог товарищу выбраться через разлом из самолета. Они сели на плоскость, загорюнились.

По разминированным проходам, обозначенным белыми флаками, к ним бежали люди, махали руками. Ветер дул в их сторону, и поэтому Алексей не мог разобрать, что они кричали, о чем хотели предупредить, но догадался, что спускаться с самолета, тем более куда-то идти — опасно. Так они сидели, сокрушенно осматривая оторванное взрывом хвостовое оперение «счастливого» штурмовика под номером «13», и вздыхали.

Подбежавшие техники и механики, рабочие БАО и ПАРМа {2} остановились метрах в семидесяти от места посадки. Человек в телогрейке крикнул:

— Осторожно пролезьте под крылом и идите по следу самолета к нам.

Дронников, будто онемев от случившегося, молча поднялся и на корточках пролез под опустившуюся плоскость. По следу колеса левого шасси пошел следом за Рогожиным.

Алексея охватила тревога, что с Дронниковым сейчас может что-то случиться по его, Алексеевой, оплошности. Он остановился, подождал техника и, легонько коснувшись его плеча, сказал:

— Иди точно по моим следам. Так будет безопаснее.

Бисеринками пота взялось лицо Алексея, когда он пошел по земле, где кончалась колея от шасси самолета. Сквозь суженные щели глаз смотрел на землю, на осыпавшуюся полынь и остро чувствовал ее горький запах. Он невольно втянул голову в плечи, шел, сжавшись, ступая осторожно, перешагивая подозрительные, отмеченные глазом места.

Со стороны за ними следили сбежавшиеся люди. Краем глаза он видел темневшую толпу. Еще шаг, еще хрустнула под ногой веточка полыни, прощуршала по голенищу сапога. «Дронников... Дронников идет следом...

А что, если?..» Его подмывало рвануться вперед и выскочить на простор, туда, где стоят люди. Они в безопасности, а он идет, и все никак не может выбраться из этого проклятого, вяжущего ноги места.

Последние метры Алексей прошел, как в тяжелом сне. Поняв, что вышел на разминированный участок, медленно рукавом комбинезона вытер залитое потом лицо, оглянулся на Дронникова. Тот, нагнув голову, бледный, все еще шел по следу. Алексей видел, как на его лице повисли крупные, готовые сорваться, капли пота. Он услышал хруст травы под ногами, его дыхание и протянул руку. Дронников протянул свою и стал рядом. Алексей с трудом перевел дыхание, хрипло сказал:

— Все. Выбрались...

И он вспомнил ту женщину из лесной дереvушки и ее слова: «Долго жить будешь, летчик». Алексей улыбнулся, и они с Дронниковым пошли к ПАРМу.

Связавшись по телефону с Уразово, доложил майору Матикову о происшедшем. Внимательно выслушав сержанта, командир полка строго заметил:

— То, что проявил находчивость и смекалку — молодец. А за то, что нарушил инструкцию и сел на аэродром, где была запрещена посадка...

— Товарищ майор, — вырвалось у Алексея.

— Разговорчики, сержант, — повысил голос Матиков. — Вы прекрасно знаете, что военную технику надо беречь. А своим халатным отношением к ней вывели ее из строя. Потеряна боевая единица. — Затем, уже мягким голосом, добавил: — Но вы были, повторяю, находчивы, когда остались один в степи, хорошо держались в бою, спасли жизнь технику, и это заставляет меня не прибегать к дисциплинарному взысканию. Оставайтесь с ремонтниками. А мы завтра перелетаем на другую точку. Делайте, что хотите, а без «ила» в полк не возвращайтесь.

Выйдя из мастерских, Алексей подумал: «Хорошо, что так удачно обошлось. Но и моя вина тоже есть. Надо было, когда увидел крест, садиться где-нибудь в степи, а я поперся сюда. Вот, мол, герой, ждали — нет?»

Часов в одиннадцать на По-2 прилетели саперы из дивизии. Хмурые, недовольные, одетые в ватные брюки и стеганки, они ловко принялись работать щупами вокруг самолета и к концу дня извлекли штук двадцать мин.

К вечеру штурмовик подняли на козлы, скрепили фюзеляж и отбуксировали в мастерскую.

На следующий день Рогожин пошел туда похлопотать, чтоб ускорили ремонт. Был обеденный час. Ремонтники, только что отойдя от столов, перекуривали.

— Привет, ребята, — Алексей пожал каждому руку. — Пришел просить вас подлечить мой «счастливый» штурмовичок. — Он с жалостью посмотрел в сторону сиротливо стоявшей машины, вздохнул.

Самолет, задрав нос, опирался на рваные концы фюзеляжа, и, казалось Алексею, молча, безотрадно зывал о помощи.

— Как бы дело организовать побыстрей, а, ребята?

Черноусый, с усмешкой в карих глазах ремонтник послунял цигарку, повертел ее перед носом.

— Дело можно организовать, сержант, если угостишь нас куревом.

— Хе, чего спрашивает... — Алексей засмеялся. — Да я вам хоть сейчас целый чемодан папирос и табаку могу притащить.

— Ой ли? — На спор!

Алексей протянул руку черноусому, вызывая его на пари.

— Ладно, парень, это, конечно, к слову... А все-таки папироской угостишь?

Алексей не курил, но положенные фронтовые папиросы и табак собирал. Целый чемодан набралось разного курева. Товарищи его тоже не курили, а отдать кому-то другому все было недосуг. Поэтому он еще раз заверил ремонтников, что папиросы и махорку сейчас принесет.

— Только бы штурмовичок мой побыстрей, а, ребята?

Алексей подошел к «илу», открыл люк, извлек чемодан, затем под ожидающими взглядами ремонтников принес его и поставил у ног черноусого.

— Во-о... — протянул тот и стал наблюдать, как Алексей, щелкнув замками, откинул крышку.

— Годится, — с достоинством произнес черноусый. — За такое богатство грех не потрудиться.

Но не вышло, как хотелось Алексею. Не хватало запчастей, да и не знали, с чего начать, как подступить к переломившейся пополам машине. Но вскоре кто-то предложил привернуть к фюзеляжу по две деревянные балки справа и слева.

Пока ремонтировали машину, полк перелетел в Викторополь. Алексей трое суток дневал и ночевал у самолета, похудел, лицо взялось рыжеватой щетинкой. Дни стояли жаркие. В нагретом воздухе выстаивалась духота. Пахло прелью трав. Слышалось, как стеклянно позванивают в оврагах ручейки и, казалось, от неба до земли стоит сплошной жавороний перелив.

Как и было задумано, к фюзеляжу штурмовика привернули болтами четыре балки, состыковали части, аккуратно склеили разлом, затем тщательно зашпаклевали и покрасили линию излома.

Ребята постарались на совесть. Алексей остался доволен работой, но, как ни крутись, а три дня пролетело.

Штурмовичок вышел на славу. Поблескивая свежей краской, хитровато переиначенный, он был готов хоть сейчас в небо, в бой. Правда, брало сомнение — не развалится ли в первом же полете.

Теперь надо было спешить в полк. Алексей распрощался с ремонтниками, забрался в кабину, запустил двигатель и, опробовав его, вырулил на все еще обставленную белыми флажками взлетную полосу. Сделав пробный круг над аэродромом, приземлился. За гулом двигателей слов было не услышать, поэтому Алексей поднял руку и показал столпившимся вокруг штурмовика ремонтникам поднятый вверх большой палец:

— Высший класс!

Потом Дронников забрался в свой люк, оба помахали руками, и через минуту самолет поднялся в воздух.

Затишье

Стоял конец апреля. Степь покрывалась светло-зеленым ковром молодой зелени. Сочная трава тянулась к солнцу, пели, заливались на все лады птицы.

Полк был перебазирован ближе к фронту, под Валуйки, на полевой аэродром неподалеку от деревни Живая.

В свободное от полетов время летчики продолжали совершенствовать свое боевое мастерство. Отрабатывалось взаимодействие пар штурмовиков и групп с истребителями прикрытия. Командир дивизии много времени уделял новому методу. Совместно с командованием истребительного полка они отрабатывали разные варианты прикрытия. Например, ударная группа истребителей, следовавшая с превышением над строем штурмовиков, отсекала нападающего противника, сковывая его огнем, не подпускала к боевым порядкам штурмовиков. Истребители же непосредственного прикрытия шли следом за «илами» и выше метров на двести. Они отражали нападение отдельных самолетов, которые могли прорваться через боевые порядки ударной силы прикрытия.

После этих учений все детали полетов обсуждались в эскадрильях, звеньях, парах. В наиболее крупных учебных полетах, в которых участвовала значительная часть штурмовиков, во главе всегда шел майор Матиков. Иногда его заменял майор Зак.

Командир полка задавал такую нагрузку своим подчиненным, что к исходу дня, когда спадал жар палящего солнца, гимнастерки летчиков прилипали к спинам.

И несмотря на эти напряженные будни, летчики, в основном молодежь, вечерами не отказывались сбегать на танцы в совхозный клуб, куда собирались девчата из батальона аэродромного обслуживания и соседних деревень.

Как-то по инициативе майора Зака задумали подготовить выступление самодеятельных артистов. Эта идея особенно понравилась Алексею Рогожину и Михаилу Марыгину. Они и стали его главными помощниками.

На следующий день после полетов к Алексею подошел Марыгин и сказал, что майор Зак просил написать обращение ко всем желающим принять участие в самодеятельности. Алексей вырвал несколько листов из тетради, положил на крыло самолета и крупными буквами написал четыре объявления. Один листочек отдал Вале Медведевой и попросил передать командиру БАО, остальные вручил адъютанту 1-й эскадрильи лейтенанту Николаю Сидорову с наказом прикрепить на самых видных местах.

— Пусть читают и не обижаются, что не всех пригласили.

— Хорошо, сержант, я выполню вашу просьбу. А когда же будет концерт?

— Об этом еще рано говорить, товарищ лейтенант. Вот соберем народ, посмотрим, кто на что способен, тогда и добро пожаловать.

Алексей не ожидал, что на первую репетицию соберется так много желающих. Майор Зак был доволен.

— Ну что ж, — сказал он собравшимся. — Даже в госпитале узнали о нашей затее. Все интересуются, когда к ним приедут с концертом летчики.

Посоветовались и решили, что первый концерт дадут в совхозном клубе через неделю.

Все очень волновались, но выступления прошли с большим успехом.

После концерта майор Зак похвалил самодеятельных артистов и сказал:

— Готовьтесь, через день мы едем в Вейделевку, в госпиталь.

Вечером, накануне отъезда, летчики тщательно отгладили свою летную форму, до зеркального блеска начистили сапоги, пряжки ремней, ордена и медали.

Девушки еще пуще летчиков навели шик-блеск. Кое-кто достал хранимые до поры до времени туфельки. Нашлась и губная помада и тушь для ресниц. У кого-то отыскались даже щипцы для завивки волос. Нагревали их паяльной лампой, взятой у мотористов. Шумно толпились, по очереди вертелись перед зеркальцем переукладчицы парашютов, оружейницы — Валя Медведева, Лена Рогожникова, Валя Редьшева, Аня Галкина, Саша Дроздова, Надя Осипова и Тамара Иванова.

Девушки взгрустнули, вспомнив, как им доводилось прихорашиваться в былые, мирные времена. Но Валя Медведева подбодрила.

— Да что вы, девчата, к кому идем? К раненым людям. Они ждут нас веселыми, а не унылыми. Ну-ка, выше носики!

Пришел капитан Винцицкий, интендант из соседнего полка, невысокий, горбоносый, с тонкими черными усиками над вздернутой губой. Он подошел к одной из оружейниц, улыбаясь, взял ее под руку, отвел в сторону и, наклонив черноволосую голову с хищным ястребиным профилем, что-то зашептал. Девушка покраснела.

— Товарищ капитан, — сказала Валя Маленькая, — мы готовимся к общественно полезному мероприятию.

Винцицкий холодно, недоуменно взглянул на нее, но Валя отрезала:

— Вы мешаете нам...

Красивая, рослая, с большими глазами, Надежда Туманова поддержала Валю.

— Товарищ капитан! Дамы заняты своим туалетом...

Винцицкий недовольно посмотрел на Надю, козырнул и ушел.

В госпиталь отправились к вечеру. На импровизированную сцену вышел Алексей Рогожин. Несколько мгновений он смотрел на устремленные к нему лица раненых. «У каждого что-то болит, а пришли. Все ждут, что мы тут покажем... Эх, как они соскучились по всему мирному, веселому», — думал Алексей, проникаясь состраданием к этим натерпевшимся людям.

Сидели среди раненых врачи и медсестры, молоденькие, симпатичные девчата в белых халатах, сосредоточенные, усталые, серьезные и от этого очень милые.

Вдруг он увидел пробирающуюся между рядами женщину-врача с погонами старшего лейтенанта. Высокая, стройная, она шла, чуть наклонив красивую черноволосую голову в пилотке, смущенно извинялась. Шла, надвигалась на Алексея как неумолимая судьба. Ей предлагали место, но она пробиралась ближе к сцене. Глядя на овал ее лица, прямой нос, яркие губы, Алексей вспомнил ту лесную красавицу из северной деревушки и широко раскрытыми глазами смотрел на женщину-врача. «Как они похожи, — удивлялся он. — Но та была много старше».

Сердце его застучало гулко, торопливо, словно спешило навстречу чему-то неведомому.

Она все-таки села далековато от сцены, выпрямилась, что-то шепнула соседу, усатому хирургу, и, скрестив на груди руки, гордо откинула голову, отягощенную тугим узлом волос, собранных на затылке. Алексею показалось, что незнакомка разглядывает его, и, сжав кулак, неслышно кашлянул в него и подошел к краю сцены.

— Дорогие друзья! — произнес он и увидел, как по рядам прошло оживление. — Разрешите передать вам горячий, сердечный привет от летчиков, всего обслуживающего персонала шестьсот семьдесят третьего штурмового авиационного полка, пожелать скорейшего выздоровления и возвращения в строй.

Дружные аплодисменты были ответом на эти слова приветствия.

Алексей стоял, видя перед собой только одни большие, выразительные глаза незнакомки, переживал, пока утихнут рукоплескания зрителей.

А они, словно он сказал что-то значительное, все хлопали. Те, кто был ранен в руку, бил в подставленную ладонь своего соседа, другой, боясь потревожить перебинтованную грудь, касался кончиками пальцев ладоней, третий, с перевязанной по самые глаза головой, постукивал в такт ногами.

Когда аплодисменты стихли, Алексей, чуть повысив голос, произнес:

— Наш концерт мы открываем выступлением знаменитого баяниста авиаполка механика Анатолия Станиславского. В его исполнении прозвучит вальс «На сопках Маньчжурии».

Станиславский был веселый, добрый парень. В полку он славился не только виртуозной игрой на баяне, но и своим знаменитым изречением; обычно, заканчивая исполнение, он склонял к мехам голову и, будто навек прощаясь с музыкой, вздыхая, тихо произносил: «Осталось еще тридцать два такта...» И это необыкновенно смешило всех, особенно девчат. Любили в полку Станиславского за простоту и незлобивый характер.

Выйдя на сцену, Анатолий поклонился. Алексей подвинул ему стул. Сам ушел за ширму и оттуда наблюдал за незнакомкой.

«Кто такая? Из соседнего госпиталя? — с волнением думал он. — Эх, не будь я на сцене — подошел бы к ней, потеснил этого старого усатого хирурга...»

Когда зазвучала грустная величавая мелодия, как бы передающая печаль пустынных маньчжурских степей, в зале стало тихо.

Казалось, всех присутствующих охватили далекие воспоминания о мирных днях.

И Алексею вспомнилось, как пацаном бегал на мясновский аэродром с друзьями — заядлыми голубятниками. Соберутся, бывало, и ну нахваливать своих красавцев, а потом, будто сговорившись, одним криком выдохнут: «Три-четыре — ура!» — и выпархивают из рук сороки, чистые, турманы, трепеща крыльями, взвиваются высоко в небо. Были среди голубей и заводилы, сманивали к себе других. Придет Алешка домой, а на крыше рядышком со своими чужой сидит. Утром тащит его на аэродром, показывает: «Чей? Твой? Бери да воспитывай хорошенько, чтоб самостоятельным был».

Посмеивались друг над другом голубятники, распевали такую нескладуху:

Черно-пегая взвилася
Высоко под облака,
А во дворе стоят смеются
Два веселых туляка.

Но ребячьи увлечения постепенно вытеснило главное. Охваченный грустью, он вспомнил, как в тридцать девятом году, осенью, после окончания аэроклуба, был направлен в Таганрогскую школу военных летчиков, затем, в сороковом, переведен в Краснодарское высшее объединенное училище. Дело свое любил крепко, хотя и случались промахи, но все же верх брала напористая рогожинская натура.

А баян все мучает, будоражит память, и зрители, раненые бойцы, слушают молча. Вот сидит далекая, недоступная женщина, и тонет в музыке ее лицо, и сама, как музыка, как жизнь. Алексей чувствовал, что не уйти теперь ему от этих глаз, от

нежных, чуть продолговатых щек, от губ, будто прошептавших когда-то: «Долго будешь жить...»

Взволнованный и воспоминаниями, и тем, что концерт удачно начался, Алексей вышел из-за кулис, объявил следующий номер.

На сцену лихо вылетел Михаил Марыгин, хлопнул по голенищам начищенных сапог, подбоченясь, пошел по кругу, прицеливая пальцами. Все ахнули: «Летчик-цыган, быть не может. Да нет, этот — настоящий цыган». В красных шароварах и синей рубахе, перехваченной витым с бахромой поясом, Михаил принялся выделывать коленца за коленцами. И вот уже будто нет войны, не надо тревожиться за близких, за этих людей, сидящих в зале.

Марыгин — вот он: глаза блестят, бьется черным крылом чуб над глазами, сыплется под ноги Алексею плясовая дробь, и уже нельзя сдержаться, надо самому, очертя голову, выходить навстречу Михаилу, и Алексей выходит, широко раскидывая руки. И вдруг, точно мгновенно взрывается, кидает ответную дробь, вот они оба откаблучивают цыганскую зажигательную пляску. Зал рукоплещет. Слышны возгласы: «Браво!»

Когда закончили, хватило сил раскланяться. Алексей на правах конференсье держался поодаль, отдавая весь успех основному исполнителю — Михаилу. А публика неистовствовала, вызывала на бис. Давая Марыгину перевести дух, Алексей с шуткой-прибауткой походил по сцене, чувствуя на себе те далекие и близкие смеющиеся глаза очаровавшей его незнакомки.

Затем выступали девчата. Песню «Огонек» исполнила Валя Медведева. Неслышно вышла она на сцену, машинально тронула спадавшую на лоб челочку, оглянулась на баяниста. Он увидел широко раскрытые девчоночьи глаза, подмигнул и, изменив своей привычке, прошептал:

— Ну, Валечка, всего тридцать два такта. — И еще тише: — Раз, два, начали...

Пела Валя задушевно. Наблюдавший за зрителями Алексей видел, как то теплели, то снова становились суровыми их лица, точно отсвет неведомого огня шел к ним отсюда, со сцены, где стояла невысокая девушка в военной форме, в пилоточке набекрень, в хромовых аккуратных сапожках, и, кажется, сама чем-то напоминала ту девушку, которая провожала на позицию бойца.

Валю долго не отпускали. Она спела еще «Черные глаза» и «Синий платочек». Видно было, что девушка устала, и Алексей, жалея ее, тем же приемом, шуткой-прибауткой, притушил бдительность зрителей, объявил следующих «актрис»: Валю Редышеву и Лену Рогожникову. Девушки задорно исполнили украинский гопак.

Майор Зак был доволен выступлением полковой художественной самодеятельности. Он похвалил всех артистов, пожелал им дальнейших успехов.

— Вы делаете большое дело, — сказал он собравшимся участникам самодеятельности. — Вы сами не подозреваете, как раненые настроены сейчас. Ваши выступления помогут им скорее справиться со своими недугами.

Когда уезжали, машину окружили выздоравливающие. Один боец с рукой на перевязи, с черными насмешливыми глазами сказал майору Заку:

— Ну, вот этот рыжий-то, конференсье, вот артист, товарищ майор. Ну, артист. Наверняка из Москвы с фронтовой бригадой приехал.

— Что вы, — улыбаясь, возразил майор Зак. — Он вовсе не профессиональный артист. Он летчик. Штурмовик.

— Не может такого быть, — засмеялся другой раненый, с костылем под мышкой. — Пусть они не прикидываются летчиками. Артисты это. Особенно рыжий и цыган. Ну, спасибо вам огромное. Давно я не смотрел ничего подобного и, знаете, товарищ майор, как-то веселей стало жить.

Где-то здесь, среди этой возбужденной толпы раненых, среди говора и шума, оставалась та женщина-врач. Алексей все хотел ее увидеть, отыскать, но надо было

уезжать. И он, мысленно расставаясь с незнакомкой, твердо решил, что рано или поздно, а найдет ее.

Летчик в старом реглане

На следующий день в полк прибыло пополнение. Среди новых летчиков особенно выделялся независимостью и сдержанностью старший лейтенант Павел Алексеев. Высокий, худощавый, он поразительно напоминал известного киноактера Алейникова.

Реглан летчика был потерт. Майор Матиков при первой встрече с Алексеевым надолго задержал на нем свой взгляд. Ничуть не смущаясь, старший лейтенант, чуть наклонив голову и глядя улыбающимися глазами, спросил:

— Разрешите, товарищ майор, узнать причину столь пристального изучения моей фигуры?

— Вижу, вы опытный летчик, — ответил майор Матиков. — Остается увидеть вас в деле.

— Простите, товарищ майор, откуда вам известно о моих достоинствах?

Майора Матикова удивила некоторая вольность старшего лейтенанта в разговоре со старшим по званию, но он удовлетворил любопытство летчика:

— По реглану вижу, старший лейтенант. Внимательному глазу он многое может рассказать о своем хозяине: и какой он человек, я имею в виду аккуратный или нет, любит ли наше летное дело, бывал ли в боях. Верно я говорю?

— Так точно, товарищ майор. Однако разрешите узнать, на какую должность определите меня?

Матикову понравилось, что старший лейтенант не стал хвастаться количеством боевых вылетов, штурмовок и сбитых самолетов противника. Понравилась и эта «вольность», — значит, человек живой, открытый, смелый.

Алексеева назначили заместителем командира 1-й, александровской, эскадрильи. В полдень он пришел в деревню. Отыскал хату, где квартировали Рогожин, Джинчарадзе и Марыгин. Дверь отворила хозяйка, которую все летчики ласково звали Олей. Слегка отступила перед ним, закинув длинную русую косу за спину, поздоровалась.

— Вам кого? — спросила она участливо.

— Меня определили сюда на постой, — ответил Алексеев. — Здравствуйте. Будем знакомы.

Ольга пристально смотрела на него и улыбалась.

— Где же я вас видела?

Алексеев рассмеялся:

— Не иначе, как в кино.

— Правда, правда. Как вы похожи на одного артиста. Ну, проходите. Буду рада.

— Я только вещички свои оставляю и на аэродром, — ответил Алексеев. — Простите, тороплюсь.

Ольга посторонилась, пропуская его, и он вошел в чистенькую, ярко побеленную горницу, где стояли три койки, заправленные байковыми одеялами, на окнах висели ситцевые занавески. За деревянной перегородкой угадывалась хозяйская половина.

На полу, у печки, стояло корыто с густой мыльной пеной. В тазу лежало отстиранное белье.

— Хлопочу о своих соколиках, — смущенно сказала Ольга.

— Не затрудняет это вас? — спросил Алексеев, обходя корыто.

— Да кто же за вами будет смотреть? Вы заняты военными делами. Когда уж вам заниматься собой?

Алексеев промолчал, оглядывая светелку: на окошках стояли горшки с пышной яркой геранью, пестрый половичок был аккуратно расстелен на чистом некрашеном полу.

— Ставьте чемоданчик вот сюда. Садитесь, пожалуйста, — она подвинула ему широкую табуретку. — Не желаете ли чайку?

Алексеев поблагодарил Ольгу, присел. Она захлопотала у стола.

— Спать будете на одной из коек. Каждую ночь кого-то не бывает, обязательно дежурят на аэродроме. Вечером придут, познакомитесь. Славные ребята.

* * *

В столовой за ужином старший лейтенант задержался. Уже все разошлись, а он, задумчивый, все сидел за столом, не мог оторвать глаз от статной официантки. Румяная, чуть запыхавшаяся, она сновала от стола к столу, собирая посуду, и все не обращала внимание на незнакомого чернявого старшего лейтенанта.

Наконец подойдя к его столу, она удивленно посмотрела в улыбающиеся глаза Алексева.

— Вам еще чего-нибудь подать?

— Да нет, что вы... — Он неожиданно подмигнул ей, чуть ссутулил плечи, развел руками и не то пропел, не то сказал: — Ты пришла, меня нашла, а я растерялся...

Тоня широко раскрыла свои большие ласковые глаза и засмеялась. Алексеев смотрел на ее нежную шею, на полные руки, державшие поднос с тарелками, и улыбался.

— Ой, мамочка... — со смехом вздохнула Тоня. — Да вы ведь...

— Да, да, — подхватил Павел. — Только не Алейников. — Он поднялся из-за стола, наклонил перед Тоней черноволосую голову и представился: — Павел Алексеев.

— Очень приятно. — Тоня кокетливо повела плечом, искоса взглянула на него и назвала себя.

— У вас божественное имя — То-оня-я... — сказал Павел и вышел из столовой.

Торопливо убрав посуду, она сняла фартучек, расшитый по краям розовыми цветочками, мельком взглянула в зеркальце, быстро оправила волосы и пошла к выходу. Шла, как будто не замечая Алексева, а когда поравнялась с ним, скрывать, что она его не видит, было уже неудобно, Тоня подняла глаза и остановилась.

— Извините, — сказал он тихо. — Можно я провожу вас?

У хаты, где квартировала Тоня, они остановились. Стайка воробьев с пронзительным чириканьем кружилась над ними. Низко стояло апрельское солнце. Лучи освещали лицо Тони, придавали ему бронзовый оттенок, золотили выцветшие густые, высоко поднятые брови. Свет солнца стоял и в ее синих глазах. Алексеев молча наклонил голову. Тоня протянула руку.

— До завтра, Павел. Сегодня я очень устала.

Домой Алексеев вернулся под вечер. Хата была на замке. Павел присел на крыльцо. Но тут во двор быстро вошел рыжеватый сержант. Увидев старшего лейтенанта, приложил руку к пилотке, улыбнулся:

— На постой, товарищ старший лейтенант? — Он смотрел изучающе, и Алексеев ощутил цепкость его взгляда. Павел уважал людей бойких, решительных, поэтому с удовольствием познакомился с сержантом.

— Откуда к нам? — спросил Рогожин.

— Из-под Сталинграда. Назначен замкомэска в первую эскадрилью.

— Ого! — воскликнул Рогожин. — Значит, вы наше начальство? Вместе воевать будем.

Пока они беседовали, во двор вошел еще один летчик, тоже сержант. Он дружелюбно улыбнулся, вытянул руки по швам, представился:

— Исрафил Джинчарадзе. Рогожин подмигнул и уточнил:

— Мы зовем его просто Жан.

Пожимая горячую руку сержанта, Алексеев отметил про себя: «А кавказец, должно быть, застенчив».

Пришел Марьгин, сдержанно назвал себя и отошел в сторонку, искоса поглядывая на Алексеева.

Возвратилась Ольга, тряхнула косой, извинилась, что заставила ждать.

— Ключи захватила с собой, растяпа, — проходя к дверям, сказала она добродушно. — Была на окопах. Скоро заканчиваем.

Последнее время Ольга, многие деревенские женщины и девочки ходили на рытье окопов, траншей, на строительство оборонительных сооружений. Целыми днями копали они вручную жесткий грунт, вывозили его на тачках, расчищали ходы сообщений. Порой, завывая, налетали «юнкеры», осыпали безоружных людей градом пуль и бомбами. В ответ стучали, бухали зенитки.

* * *

Сегодня, вернувшись домой, Ольга открыла дверь и украдкой подула на ладони. Пряча кровавые засохшие мозоли, пригласила летчиков в хату и тотчас начала собирать на стол. Рогожин и Джинчарадзе помогли ей. Алексеев смутился, догадался, что эти сборы затеяны ради него.

— Не беспокойтесь, — обратился к хозяйке. — Вы устали, отдохните.

Пока кипел чай, Рогожин, объяснив товарищам, что старший лейтенант их замкомэска, задорно предложил:

— Ребята, перепляшем командира!

Алексей быстро прошел на середину комнаты и, набрав открытым ртом воздух, по-молодецки громко с протяжным выдохом пропел: «Э-эх, яблочко...», топнул ногой и пошел, пошел, звуками голоса подражая плясовому ритму, выбивать каблуками чечетку, мягко подобрался к Ольге, наклонившись, взял её под локоток. Смущаясь, она повела плечами и, притоптывая в такт Рогожину, кинула за спину косу, стала наступать на него, тесня и улыбаясь синими усмехающимися глазами. Была она молода в свои тридцать лет, стройна, миловидна.

Павел не удержался. Вот уже он, закинув руки за спину, невозмутимо сыпал дробь каблуками перед Ольгой. А она, вплотную придвинувшись к нему, раскраснелась от усталости и смущения. Заметив, что она уже сдает, Павел пошел вокруг нее вприсядку, раскинув руки, точно крылья.

Усевшись за стол, Ольга помахала ладонями перед лицом, поднялась, пошла к печке.

— Сейчас будем пить чай, — мягко сказала она. — Он уже давно закипел, пока мы плясали.

За разговорами и чаепитием не заметили, как стемнело.

Ночевать решили на сеновале.

Алексеев лежал с открытыми глазами, улыбался во тьме. Ему хотелось обнять этих ребят, радостно было сознавать, что в один день он обрел столько боевых друзей, и чувства переполняли его.

Он заворочался, натягивая на себя лоскутное одеяло, и вскоре лежавшие рядом с ним Рогожин и Джинчарадзе услышали его размеренное, спокойное дыхание.

* * *

В полночь Алексей поднялся. Накинул на плечи телогрейку, вышел во двор. Было темно, тихо. Лишь далекодалеко на западе небо то светлело, то наливалось краснотой, тогда доносило глухой тяжелый гул. Смутная тревога охватила его. «Может, началось?»

— подумал он. Но далекие отблески погасли, гул стал утихать. Алексей вздохнул: «Что там происходит? И ночью фашисты прощупывают нас, ищут слабинку».

Он стоял среди аккуратного, обнесенного невысоким плетнем двора, вслушиваясь в ночные звуки, и в его памяти все жило, улыбалось желанное, милое женское лицо.

Дерзкая атака

Утром Рогожин получил задание на разведку. Лететь он должен был в паре с Николаем Елисеевым, командиром 2-й эскадрильи. На КП полка майор Матиков поставил летчикам боевую задачу:

— Пойдете за Северский Донец, углубитесь за линию фронта до пятидесяти километров, не более. Внимательно фиксируйте расположение войск противника. В бой вступать только в крайнем случае.

Получив задание, сразу же отправились к своим штурмовикам. Дмитрий Иванович отрапортовал как всегда:

— Самолет готов к боевому вылету. Мотор, командир, как зверь.

— Ну какой же зверь, — упрекнул механика Алексей. — Вчера по кругу летал, опять обороты падали.

— Слушай, командир, звери-то они...

— Знаем, «разные бывают», — улыбнулся Алексей.

— В самую точку, товарищ командир, — подхватил Беседин и сдвинул пилотку на лоб, почесал затылок. — Только есть неувязочка. Докладываю: по моей части — порядок, а вот насчет вооружения — этого не скажу.

Только тут Алексей обратил внимание, что рядом нет оружейницы, заменившей приболевшую Валу Маленькую. Заглянул в бомбовые люки — пусто. Полез в кабину — пулеметы и пушки не заряжены.

— В чем дело? — негодуя спросил Алексей. Беседин многозначительно покрутил пальцами, отвернулся.

— Надо полагать, не зря к нам зачастил этот интендант из соседнего полка, капитан Виницкий. Беру на душу грех сказать об этом: вчера увел он нашу оружейницу и до сих пор ее нет.

Делать было нечего. С помощью механиков и мотористов пришлось самому заправлять штурмовик боеприпасами. Пока закончили, Алексей вспотел, а тут ведущий стал покрикивать:

— Ты чего копаешься? Сколько можно ждать?

Пришел Александров, возмущенный нерасторопностью сержанта, хотел было накричать, но, увидев, что Рогожин уже залезает в кабину, смолчал.

Запустив двигатель, Рогожин проверил связь с Елисеевым:

— «Заря-девять» я — «Заря-тринадцать». Как слышишь? Прием.

— «Заря-тринадцать», слышу вас хорошо. Выруливаем, — приказал Елисеев.

Мерно подрагивает на неровностях почвы машина. Отсюда, из кабины, все выглядит иначе: и люди кажутся меньше, и самолеты, что стоят по сторонам от взлетной полосы и в капонирах, как будто завидуют, что не их выводят в полет. Впереди, выставив ребристый горб кабины, бежит «ил» ведущего. Быстро уходит от ведомого его высокое хвостовое оперение. Еще мгновение, и самолет, низко распластавшись над землей, уже набирает высоту. Следом за ним, увеличивая скорость и как бы повторяя его действия, взлетает ведомый.

Под крылом плывут в сиреневой дымке густой травяной покров, темно-зеленые пятна реденьких перелесков. Ярко блещет утреннее солнце. Небо чистое и высокое. Кое-где недвижно висят сахарно-белые облака.

Уже остался далеко позади аэродром. Среди зеленеющих степей с прожилками грунтовых дорог временами сверкнет извилистая нить речушки, блеснет на солнце синий, как осколок зеркала, омуток или озерцо, и снова степное раздолье, квадраты

полей без конца и края. Но вот среди зелени появилась рыжеватая полоса, затем бурые, как провалы, пятна — внизу что-то двигалось, копошилось, вгрызалось в землю.

Следом за ведущим Алексей снизил машину до бредущего, и теперь стало отчетливо видно, как далеко по степи растянулась цепочка людей с лопатами. Темный, свежий, как бесконечный рубец на теле земли, обозначился широкий противотанковый ров.

Алексей внимательно всматривался в человеческие фигурки. «Да это женщины, — ахнул он про себя, — милые мои. Роят противотанковый ров», но в следующую секунду на сердце стало еще тяжелей. «Эти люди, должно быть, девушки, молодые женщины, оторванные от детей, не разгибая спин, сооружают преграду для врага. И, видно, не один день они здесь...»

Неподалеку по кустам раскинулись палатки, над костром вьется бледный дымок — варится обед. Вереницей движутся повозки, тачки, редкие машины. Чуть поодаль в молодом березнячке мелькнули нацеленные в небо стерегущие стволы зениток. Впереди снова простирается степь.

Придерживая ручку управления левой рукой, Алексей поправил сдвинувшийся на лоб шлемофон, вытер рукавом гимнастерки выступивший на лице пот. Жара от нагретой солнцем и мотором кабины высушивала воздух.

В бесконечных степных просторах играло марево. «Где она, эта линия фронта?» Потянулся реденький лесок, но неожиданно оборвался, и на пологом, ярко зеленеющем склоне мелькнули нарядные белые хатки. На краю деревеньки сияла такая же белая, аккуратная, совсем как игрушечная, церковь.

На деревенской улице было пустынно, сиротливо, только купались в слепящем солнечном свете хаты, темнели плетни да торчал над колодцем, изящно изогнув свою длинную шею, «журавль». Алексей заметил, как у крайнего двора, возле желтой кучки песка, играла девочка. Прошла к колодцу женщина.

Все это промелькнуло в считанные секунды. Елисеев заложил вираж над церковью, Рогожин шел за ним. Спустились ниже. Среди старых разросшихся лип увидели кладбищенские кресты, надгробные памятники, вдоль ограды какие-то коробки.

Елисеев раскрыл на коленях планшет, всмотрелся в карту, определил: деревня называлась Муром.

— Что видишь? — спросил ведомого.

— Ничего определенного, — ответил Алексей. — Благодать божья.

— Благодать... А что вдоль ограды, танки или машины? Не хватить ли нам по ним?

— Давай! — И подумал: «В школе учили, что надо охранять памятники архитектуры, беречь, но сейчас здесь скрывается враг».

Они сделали горку и с разворота ударили по коробкам, стоявшим вдоль церковной ограды. И каково было удивление летчиков, когда они увидели, что из них стали выбегать люди, врассыпную бросились под защиту старых лип.

Из-за деревьев ударила зенитка, другая, третья.

— Бей зенитку, — услышал Рогожин в наушниках. Пикируя сверху, они один за другим выпустили по кладбищу все эрэсы, и там, внизу, вспухли клубящиеся желтые пузыри огня. И вот уже огромный костер охватил все, что было внизу. Горели, вероятно, бочки с горючим. Курс держали на север. Еще долго позади были видны вздымавшиеся к небу черные клубы дыма. Под крылом по-прежнему тянулась степь, прятались в балках деревушки и хутора. Потом опять пошли рвы, траншеи. Из ближнего лесочка ударила невидимая зенитная батарея. Невдалеке по широкой грунтовой дороге двигалась техника — автомашины с орудиями на прицепе, танки. Позади, скрытая завесой пыли, шагала вражеская пехота.

«Эх, все как на ладони. Сейчас бы полоснуть из пушек и пулеметов, — с азартом подумал Алексей. — Нельзя. И без того нарушили приказ командира полка. Что-то теперь будет?»

Вся техника круто сворачивала с дороги и двигалась по ровной, широко раскинутой степи. «На заправку, видно, потянули к той церкви. Давай, давай, там вам подарочек уготовили. Да и далековато двигать придется, километров двадцать», — думал Алексей, внимательно следя за воздухом, — не появятся ли самолеты противника, чтобы успеть вовремя уйти. В небе было спокойно, только плыли вдалеке высокие кучевые облака.

Но вот в западной стороне, откуда тянулась широкая лента дороги, поднялась пепельно-серая пыль. Казалось, потускнели и солнце и небо.

— Следуй за мной, — приказал Елисеев. — Ждать не будем. Надо взглянуть, что это.

Штурмовики в считанные секунды промчались над степью, закружили над очагом клубящейся пыли. Но ни Елисеев, ни Рогожин ничего не успели в ней рассмотреть. Однако не было сомнения, что по дороге, маскируясь поднятой пылью, движется колонна танков.

— Рискнем, — прозвучал в наушниках голос Елисеева. — Снижаемся до бреющего.

Чтобы понапрасну не удлинять путь, пошли на снижение пикированием. Неподалеку от земли вышли в горизонтальный полет с креном на правое крыло и пронеслись над колонной.

— Видишь? — спросил Елисеев. — Займись арифметикой.

— Понял, — коротко ответил Рогожин.

— Двадцать семь, двадцать восемь, — шептал Алексей, — тридцать четыре... сорок... сорок шесть. Прорва!

Бензомер показывал половину израсходованного горючего. Надо было думать о возвращении.

— Командир, — запросил Алексей, — взгляни на горючку. Не пора?

— Надо узнать, откуда они выползают.

Через минуту штурмовики уже виражили над железнодорожной станцией. Все пути были забиты эшелонами. С платформ сползали танки, выстраивались в колонну, выходили на дорогу.

Рассмотреть как следует их выгрузку, а тем более сосчитать, не дали зенитки. Они ударили залпом, и вокруг штурмовиков стали взрываться белые облачка.

— «Заря-тринадцать», уходим, — приказал Елисеев. После доклада командиру полка о результатах разведки Рогожин вернулся к своему самолету.

Перед глазами снова возникла эта армада бронированных машин, и все они были нацелены на тот участок, где работали женщины. Алексей содрогнулся при мысли, что может произойти. «Да нет, этих людей не оставят, — утешал себя Рогожин. — Наверняка где-то поблизости спрятана и артиллерия, и танки, и пехота. А как же иначе? — Но тревога все же не проходила: — Попробуй сдержать такую силу. Двести штук! Не игрушки, а бронированные машины со смертоносным оружием. Сколько сил и крови, да просто человеческой выносливости надо, чтобы выдержать такой таран?»

Не знал еще Алексей, что пройдет каких-нибудь два месяца с небольшим и на этой земле лоб в лоб сойдутся не сотни, а тысячи бронированных машин и содрогнется от грохота земля, опалится небо факельно-взмывающими огненными столбами.

Беседин слез со стремянки, подошел к Рогожину и тихо сказал:

— Командир, наша новая оружейница уже целый час ревет, слезы в три ручья. Просит простить за опоздание. А виноват в том — Винцицкий. Прогулял с ней где-то, вот деваха и проспала.

«Ну, подожди, я тебе покажу, я тебе пропеллер на шею повешу», — твердил про себя возмущенный Рогожин.

Подошел Александров, глядя на темное лицо сержанта, насторожился.

— Леша, что случилось? Что-нибудь при посадке?

— Да нет, товарищ старший лейтенант. Все нормально. У меня тут с экипажем дело...

Когда Александров ушел, Рогожин сказал Беседину с горечью:

— Ее же за такие дела наказывать надо. Беседин молчал. И в памяти Алексея опять возникло лицо незнакомки.

Вечером после ужина Рогожин заметил в березнячке прогуливающегося Винцицкого и пошел к нему напрямик через мелкий кустарник. Остановился. Капитан мечтательно глядел на истомленное дневной жарой небо.

Алексей оглянулся — вокруг никого, лишь со стороны столовой доносились голоса летчиков. Он шагнул к Винцицкому и сказал:

— Товарищ капитан!

От неожиданности у Винцицкого высоко поднялись черные изломанные брови.

— В чем дело, сержант?

— Вы задержали мою оружейницу, и она сорвала подготовку штурмовика к боевому вылету. Подвели девушку. Прошу этого больше не делать.

Тот выпрямился и, глядя сверху вниз на Рогожина, медленно произнес:

— Хорошо, сержант, учту.

Алексей козырнул и, сгорбившись, быстро пошел через заросшее высоким осотом поле к деревне. До слуха Винцицкого доносился только сухой хруст валежника.

Ах, Женя, Женя!..

Утром над аэродромом штурмовиков неожиданно появился санитарный По-2. Шел он низко, почти на бреющем, и за его хвостом тянулась темная, жиденькая полоска дыма. Все, кто был на аэродроме, удивленно наблюдали за машиной, по-вороньи приземлившейся невдалеке от посадочной полосы. Из самолета поспешно выбрались женщина-военврач и летчик. Низенький, щуплый, он торопливо подбежал к хвостовому оперению и, оглянувшись, замахал руками, призывая на помощь.

Механики, схватив огнетушители, бросились к горящему По-2, принялись тушить.

Тем временем военврач, раскрыв чемоданчик, озабоченно рассматривала его содержимое и покачивала головой.

Алексей, прибежав к санитарному самолету, остановился рядом. Когда она подняла голову, сердце его учащенно забилось. Это была та самая брюнетка, которую он заметил в госпитале на концерте.

Не обращая на Алексея внимания, она продолжала перебирать инструмент, какие-то стеклянные осколки, разорванные индивидуальные пакеты. Едкий дым, шедший от По-2, застилал ее лицо. Темные глаза слезились, и она с досадой вытирала их рукой. Из-под надвинутой на лоб пилотки выбивались пышные черные волосы.

Алексей решительно шагнул к женщине, потянул за руку.

— Что вы здесь стоите? Отойдите чуть в сторону, вот сюда, а то не дай бог взорвется ваша этажерка.

Какое-то мгновение военврач изучала лицо Алексея, что-то припоминала. В глазах ее стояли слезы. Наконец улыбнулась, обнажив ровные белые зубы, спросила:

— Это вы? — и засмеялась, светлой яркой улыбкой. Стройная, затянутая широким офицерским ремнем, в габардиновом обмундировании, она выглядела просто элегантно. — Ну, здравствуйте, артист, здравствуйте, — проговорила она грудным голосом и посмотрела на Алексея чуть-чуть насмешливо. — Я не ошибаюсь? Это ведь

вы были ведущим на концерте в госпитале? Вы, да? Молодец! — похвалила она. — Где же сегодня выступаете? Здесь у летчиков?

— Да что вы в самом деле... Я сам летчик, — сдержанно ответил Алексей. — Сейчас улетаю на задание, а то бы с удовольствием проводил вас до госпиталя.

— А на край света? — пошутила военврач.

Алексей растерянно посмотрел на нее, немного обескураженный ее шуткой. «Что правда, то правда, за такой действительно пойдешь на край света», — подумал он.

— Видите, какая беда, — сказала женщина, указывая на отверстие в крышке чемодана. — Все мои инструменты изуродованы, испорчены медикаменты.

— Что произошло? — спросил Алексей.

— Утром нам позвонили из соседней части. В деревне женщина рожать собралась, мучается. Просили помочь. А я — врач-гинеколог. Вот и полетела. И как назло встретил нас какой-то шальной «мессер» и гонял до тех пор, пока не подбил. И откуда он взялся? Бедный летчик чего только ни делал: и на бреющем летал, и на поле садился. Пуля попала в чемодан, все побито.

Алексей подумал: «Могло быть и хуже», — но ничего не сказал.

Самолет уже потушили. От него остро пахло горелым перкалем.

— Как, теперь лететь можно? — спросила она Алексея, глядя с надеждой на летчика, возившегося у обуглившегося хвостового оперения По-2.

— Сейчас узнаем, — глухо ответил он и про себя с горечью подумал: «Улетит и когда я еще увижу ее?»

Оказалось, лететь на подбитом самолете было невозможно, и летчик с досадой стучал кулаком по фюзеляжу. О случае доложили командиру полка. Он распорядился отправить военврача на связном По-2. За недостающими инструментами и медикаментами срочно послали человека в санчасть БАО. Пока ожидали, Алексей разговорился с военврачом. Слегка смущаясь и стараясь не показать этого, он сказал:

— А я ведь запомнил вас. Вы немного опоздали на наш концерт и пробирались к сцене поближе?.. Увидел вас и чуть концерт не сорвал. Как вас зовут и откуда вы? — неожиданно для самого себя спросил он.

— Я из двести пятого БАО, — охотно ответила она, — работаю там в лазарете. Сейчас мы находимся в деревне Нелидово. Это в общем-то далековато отсюда. А зовут меня Женя. Иначе — старший лейтенант медицинской службы Евгения Ильинична Быстрова.

И нахмурившись, почему-то испытующе поглядела на Алексея. Будто осторожно спросила его взглядом: «А кто ты? Чем живешь-дышишь?»

Алексей, не опуская глаз, назвал себя. В ответ она деловито кивнула, как старому знакомому при встрече.

Они сидели на краю аэродрома на уже пригретой весенним солнцем траве. Алексей, глядя себе под ноги, говорил:

— Я искал вас, Женя... Ходил в госпиталь. Мне сказали, что вы там не работаете.

— Да, мы иногда туда приезжаем за медикаментами или сопровождаем раненых.

— Я не мог забыть вас... Если мы больше не встретимся, я натворю черт знает что... И обязательно попаду в ваш лазарет, только в ваш.

— Что вы говорите, Леша? — вздохнула она. — Хотите, мы будем переписываться? Я оставлю вам свой адрес. Он обрадованно взял ее за руку.

— Правда, Женя? Вы на самом деле согласны переписываться со мной?

От штабной землянки глухо, как будто плаваясь в знойном воздухе, донеслась команда:

— Звено Рогожина — в воздух! Алексей вскочил и сухо сказал:

— Все, простите, Женя, у меня боевое задание.

Она посмотрела на Рогожина далекими, излучающими теплый блеск глазами, как та женщина из лесной деревушки. И он как будто услышал ее голос! «Долго будешь жить, летчик».

Рогожин одернул гимнастерку, козырнул Жене и, круто повернувшись, побежал к своему «илу». На ходу вспомнил: «Адрес!» Оглянулся, крикнул:

— Женя, адрес!

Она догадалась, выкрикнула в ответ номер своей части, но за грохотом запущенных двигателей Алексей ничего не расслышал. Несколько секунд стоял, приложив ладонь к уху, но шум от работающих двигателей нарастал. Комэс Александров, стоявший у самолета, решительно махнул ему рукой.

— Давай, давай, Рогожин. Быстрее!

Так и осталась в памяти Женья: среди зеленого поля, золотом блестят на покатых плечиках погоны, хмурится лицо. Все время не покидала его горячая волна радости, и только одно мучило: «Встретимся ли?»

Первая награда

Ночью на степь обрушилась весенняя гроза. Молнии полосовали тьму, освещая округу, слепили глаза часовым, стоящим в накинутах плащ-палатках под крыльями штурмовиков. Дождь заливал взлетную полосу, капониры, размывал тропинку, ведущую в деревню. На склонах оврагов бурные мутные ручьи разъедали глубокие глинистые промоины.

К утру ливень утих. Солнце поднялось будто умытое, залило обильным теплым светом степь. Паром исходила земля. Дул легкий высушивающий южный ветер. На стоянках мотористы, механики и оружейники стаскивали с самолетов чехлы, маскировочные сетки, опробовали двигатели.

Дружно шагали из деревни на аэродром Алексей, Павел, Жан и Михаил. Немного поотстав, задумчиво шел Владимир Евсеев.

Кое-где в низинах еще отswerкивали стеклянно-прозрачные лужицы. Из ближайшего лесочка доносилось залиvistое птичье пение. Но вот где-то далеко за горизонтом, затянутым текучим маревом, глухо тукнуло в землю — один раз, второй. И постепенно все степное пространство заполнил тяжелый сплошной гул. Сверкая плоскостями на солнце, стремительно промчалась эскадрилья истребителей. И снова над степью пала тишина.

— Эй, Володя! — кричали Евсееву летчики, — не отставай и не колдуй там со своими думами-передумами. Глянь, красотища-то какая!

Владимир молча улыбался, широко разводил руками, будто обнимая бодрящий утренний воздух.

Вот уже виднеются за кустами капониры, слышны веселые голоса технического персонала. Сегодня 1 мая, и все ждут чего-то необыкновенного и от начальства, и друг от друга, поздравляют с праздником. Только критически настроенный Дмитрий Иванович нет-нет да и поглядывает на далекий горизонт.

— В такой денек и «гости» могут появиться, — бормочет он, протирая и без того глянцеvито блестящую плоскость штурмовика.

Оружейницы Валя Маленькая и заменявшая ее на время болезни другая девушка подтрунивают над Бесединым:

— Ну что ты за человек, Дмитрий Иванович? — выговаривает Валя механику. — Все тебе что-то мерещится.

Беседин многозначительно посмотрел на нее, вздохнул:

— Голубушка, ты очень и даже очень ошибаешься: я гляжу на жизнь реально.

Увидев направлявшегося к самолету Рогожина, он вытер руки ветошью, сунул ее в бездонный карман комбинезона и строевым шагом двинулся навстречу командиру.

Рогожин усмехнулся. «Никак не поймешь его, где он серьезен, где дурачится». А Беседин уже вскинул руку к пилотке, остановился в трех шагах, доложил:

— Товарищ сержант, машина к боевому вылету готова.

Алексей поздоровался с ним за руку, подошел к оружейницам.

— Здравствуйте, труженицы. Как настроение?

Валина подружка, помня о своей недавней оплошности, опустила голову.

— Ай-яй-яй, — с шуточной бесшабашностью сокрушался Алексей. — Ну разве можно так?

— Простите, товарищ командир. Больше этого не повторится. И спасибо вам...

— Да что уж там... Но впредь подобного не потерплю. Буду докладывать начальству.

Обе девушки залились румянцем, радуясь, что все обошлось благополучно. Беседин, склонив голову, смотрел на них мудрым снисходительным взглядом.

От КП через рупор дежурный по полку объявил построение, и каждый внутренне отметил про себя: «Вот оно, началось...»

Все быстро построились, выровняли шеренги, и на поле вышел майор Матиков. Его сопровождали замполит, начальник штаба, знаменосец и двое ассистентов. Малиновый бархат знамени ниспадал тяжелыми складками вдоль древка, и знаменосец, сознавая всю значимость происходящего, был строг, четко печатал шаг.

Матиков, подождав, пока знаменосец выйдет перед строем полка, мельком взглянул на небо. Солнце било ему в открытое, смуглое лицо, но он не поморщился, только опустил глаза, услышав команду дежурного.

— По-олк! — затянул тот высоким срывающимся голосом и, выждав секунду-другую, снова, но уже окрепшим голосом, скомандовал: — Рра-ав-няйсь! — Шеренги чуть дрогнули, колыхнулись, выровнялись. Дежурный, не переводя дыхания, рубанул: — Смиррна-а! — и бегом бросился к командиру полка. Метров за десять он сбил ногу на шаг и, держа руку у напряженно вскинутой головы, отрапортовал:

— Товарищ майор! Летно-технический состав шестьсот семьдесят третьего штурмового авиационного полка для проведения первомайского митинга по вашему приказанию построен.

Матиков поздоровался с полком. В ответ грянуло мощное, крепкое:

— Здр... жела... товарищ майор!

— Поздравляю вас с международным праздником трудящихся — Первомаем!

— Урра-а-а, — прокатилось по рядам.

Дунул над аэродромом вольный ветерок, всколыхнул полковое знамя. Майор Зак, как всегда серьезный, выступил вперед и открыл митинг. Был зачитан приказ Верховного Главнокомандующего. В тишине, нарушаемой только птичьим пением, звучали строгие простынь слова, но они глубоко западали в душу.

— Дорогие товарищи, — говорил майор Зак. — Наступает лето, а с ним полоса новых тяжелых боев. Противник стягивает в район Курска крупные силы, боевую технику. Гитлеровцы готовятся к реваншу. Так поклянемся же не посрамить наших дедов и отцов, отстаивших свободу и честь нашей Родины. Не посралим земли русской! Будем громить гитлеровцев до полного их изгнания с нашей священной земли! Клянемся!

И строй на едином дыхании повторил:

— Клянемся!

Затем командир полка объявил приказ по армии о присвоении многим летчикам звания младших лейтенантов и о награждении отличившихся в последних боях, еще там, на Северо-Западном фронте, орденами Красного Знамени, Красной Звезды, медалями «За отвагу».

Алексею и его друзьям тоже были присвоены офицерские звания. Но того, что его награждают орденом, он никак не ожидал. Рогожин от изумления растерянно

улыбнулся, покосил взглядом на стоящих рядом Евсеева и Джинчарадзе. Его подмывало толкнуть их, схватить на радостях в обнимку и пуститься в пляс. Все молодые офицеры, получившие награды, испытывали одинаковые чувства гордости, которые приходят только вот в такие незабываемые торжественные минуты.

Награды вручал командир полка. Когда Алексей вышел из строя и, чеканя шаг, направился к майору Матикову, он еще раз испытал до слез волнующее радостно-приподнятое чувство, принимая темно-малиновую коробочку, из которой командир полка достал сиявший на солнце орден Красной Звезды. И пока майор Матиков прикреплял его к гимнастерке Алексея, тот стоял не шелохнувшись.

Он, бывший слесарь Тульского оружейного завода, Алексей Рогожин, принимает первую награду земли своей, Родины. Отвечая на поздравления командира полка, он по-юношески звонким, срывающимся голосом произнес:

— Служу Советскому Союзу!

После обеда на зеленом лугу вблизи деревни состоялось партийное собрание. Алексею было известно, что на повестке дня стоит вопрос о приеме в партию.

Минуло больше полугода с того дня, когда его приняли кандидатом в члены партии. И теперь, сидя в окружении своих боевых товарищей, Алексей был задумчив, сосредоточен. Ребята тоже волновались и за себя, и друг за друга.

Майор Зак первым вышел к наспех сколоченному из ящиков столу. За ним цепочкой, подталкивая друг друга, стали рассаживаться на скамейках члены полкового партийного бюро.

Алексей и Жан сидели неподалеку от президиума на траве, уже просохшей после ночного ливня. Командир эскадрильи Александров, член партбюро, с ободряющей улыбкой смотрел на них, будто говорил: «Не дрейфь, ребята, все будет хорошо».

И этот солнечный день с благодатной прохладой ветерка, и неумолчный птичий пересвист, и то, что этот день случился на фронте, на войне, — все было для Алексея и его товарищей необычным и значительным.

Запомнились, жаром осыпали сердце заключительные слова замполита майора Зака:

— Помните, вам оказано большое доверие. Свято берегите звание и честь коммуниста.

* * *

Шумным, веселым и праздничным был тот вечер. Ребята поздравляли друг друга, пели, танцевали. Необыкновенно хороши были девушки. Они преподнесли молодым младшим лейтенантам и награжденным первые полевые цветы.

Алексей загрустил. Сегодняшний день, радостный, солнечный и тревожный, наполнял его душу непонятым всепоглощающим ожиданием. И он решил, что завтра после запланированных контрольных полетов предпримет попытку найти Женю. Он рассказал об этом своим товарищам: Марыгину, Жану и Михаилу Смирнову, от которых у него не было тайн.

Во второй половине дня неожиданно контрольные полеты были прекращены ввиду того, что старший лейтенант Багров, идя на посадку, открыл кран выпуска щитков вместо крана выпуска шасси. В результате — снесен маслорадиатор, погнут винт и обтекатели шасси.

После разбора полетов майор Матиков хмуро выслушал просьбу Рогожина и, вынув из нагрудного кармана остро отточенный синий карандаш, подписал увольнительную до двадцати двух часов.

«Береги себя»

Не теряя времени, Алексей отправился в деревню Нелидово. Он не сомневался, что Женя обрадуется его неожиданному появлению.

Все это время стояла жаркая погода. Таяли в сиреневой дымке далекие горизонты. Временами высоко в небе проходили группы самолетов, разматывая над степью гложущий гул, и он долго не исчезал, тревожил слух.

Шагая по обочине пыльной степной дороги, Алексей вслушивался в переливчатое пение жаворонков, и хотя мысли его омрачались тем, что идет война и не сегодня-завтра может начаться такое, отчего вздрогнет земля и заполыхает небо, он чувствовал в себе неистребимый дух молодого здорового оптимизма.

Он думал: «Пусть война. Но пока дышу, значит, живу, а раз живу, значит, надеюсь. И ничто так не помогает жить, как надежда». Он шел, слушая разудалую счастливую трель жаворонков, льющуюся звенящими непрерывными ручейками откуда-то из глубины небесной сини, и неожиданно запел, шагая в такт песне:

Страна моя, Москва моя,
Ты самая любимая...

Шел он долго, наконец дорога свернула влево и на пригорке в окружении садов забелели хаты деревни Нелидово. Алексей сорвал былинку жесткой полыни, растер веточку пальцами. «Горька, как полынь, — подумал он, вдыхая терпкий запах. — О чем так говорят? О жизни и любви?..» Он поднес веточку к лицу, улыбнулся своим мыслям. «Вот скоро встречу ее, как она там?»

Возле хат стояли автомашины, фургоны, толпились на улице санитары, жители деревни. Поодаль, среди верб, пряталась зенитная установка. Проходя мимо толпы, Алексей поздоровался, спросил у курносой веснушчатой девушки, где находится лазарет.

— А вон наискосок бревенчатый дом, — ответила она, играя жаркими синими глазами.

Алексей направился к указанному дому. Из-за изгороди, попыхивая цигаркой, вышел дневальный, поинтересовался:

— Тебе чего, милоч?

— Мне, папаша, кого, — улыбнулся Рогожин. — Необходимо повидать военврача, старшего лейтенанта Евгению Ильиничну Быстрову.

Красноармеец оценивающе смерил его взглядом.

— Иди напрямиком вон в энти двери. Там и найдешь старшего лейтенанта, начальника лазарета то есть.

«Вот как, оказывается, Женя — начальник лазарета...» — Поблагодарив солдата, Алексей прошел за изгородь, не помня себя от радости и волнения.

В тесном коридорчике было сумрачно и прохладно. Из одной двери вышла женщина в белом халате и шапочке, пошла ему навстречу.

— Простите, — сказал Алексей, замирая от волнения, потому что узнал Быстрову. — Здравствуйте, Женя!

— Леша, милый, нашел, — тихо произнесла она. — Здравствуй, здравствуй, Рогожин. Какой ты... — И, покачивая головой, улыбалась, легонько трогала его за плечо. — Ну что же мы стоим? Я так переживала за тебя в тот раз, что ты остался без моего адреса. Боялась, как бы чего не случилось. Я не суеверная, но случается, что если человек чего-нибудь очень желает, жизнь обязательно подстраивает ему все наоборот. Хорошо, что ты жив и здоров. Пойдем.

Она, как маленького, повела его за руку к выходу. Мимо сновали санитары, громко о чем-то разговаривали. Старый солдат с винтовкой, опечаленно глядя на Алексея и Женю, сутулился у изгороди, вспоминал о своей молодости.

Женя провела Алексея в чахлый садик. Они присели на скамейку. Поодаль в тени отдыхали выздоравливающие. Женя посматривала на него сбоку, а он по молодости лет не догадывался, что она верит и не верит, что пришел, не забыл ее скромный, по-

мальчишески застенчивый парень. «Сколько в нем непосредственности! Какой смешной и милый...» — думала она.

Алексей чувствовал, что его распирает от радости, и казаться суровым и серьезным не мог.

— Женя, мне хочется смеяться и петь от радости. — Он сжал ее тонкие пальцы в своих ладонях, заглянул в лицо. — Ну, как добрались в тот раз?

— Все обошлось. И успели вовремя. Роженице помогла. Такой бутуз родился, — засмеялась она, — прямо загляденье! А как ты? Как у тебя дела?

— Нормально, как положено.

Она порывисто придвинулась к нему.

— Будь осторожен, Леша. Прошу тебя. Слышишь?

— Слышу. Только ведь война. Все может быть. Но раз решил стать соколом, вороной не буду. Или не так?

— Ну, так. Только...

Она помолчала. Алексей посмотрел на нее, осмелившись, спросил:

— Женя, ты думала... Думала обо мне? Она вздохнула.

— Откуда ты такой? Почему я должна видеть тебя во сне, бояться за тебя, за твою жизнь?

— Не знаю. Я не задаю себе таких вопросов. Вот встретил тебя — и рад судьбе. Спасибо ей.

— Я не о том, Леша, — медленно, в раздумье произнесла Женя. — В жизни вообще все сложнее устроено: за самое дорогое, за нежность к другому приходится бороться. На это нужны силы.

Алексей нахмурился. В словах Быстровой он уловил какую-то недоговоренность.

— Да, Женя... Я хорошо понимаю тебя. Только не будем об этом говорить. Большое спасибо за внимание ко мне.

Он не удержался, обнял ее за плечи, сразу ощутил, как вздрогнула, отстранилась она, но ничего не сказала, только глаза ее стали темными, настороженными. Тихо посмеиваясь, Женя взяла его за руку.

— Пойдем погуляем, — сказала она. — Ты не торопишься?

— У меня до двадцати двух увольнение, — ответил Алексей, — еще есть немного времени.

Они бродили по саду, вслушиваясь в шелест листвы, в легкое дуновение ветерка, начинавшего понемногу усиливаться. С дальнего западного горизонта наплывали кучевые облака. Погромыхивало.

— Хоть дождик бы пошел... — сказала она. — Такая духота по ночам. Очень трудно больным и раненым. Стонут, мечутся.

В голосе ее послышались нотки жалости.

— Трудно тебе, Женя... — сказал Алексей. — Зачем ты пошла на войну?

— Меня призвали. А если бы не призвали, я не смогла бы отсиживаться дома, когда такое творится. Кругом столько страданий — мороз по коже.

Время летело неумолимо. Алексею пора было уходить. «Дела, дела... — подумал он с досадой. — И никуда от них не уйдешь, как не уйти от любви, от нежности к человеку — так сказала Женя».

Она проводила его далеко за деревню.

— Спасибо, Леша, что пришел, — прошептала она, опуская ресницы. — Я могла бы проводить тебя еще дальше, но у нас вечерний обход, а затем старший врач батальона капитан Старовойтов собирает совещание. Видимо, предстоит перебазирование. Сейчас фельдшер Миша Жуков такую энергию разовьет, всем станет жарко. — Она пояснила: — Он у нас отвечает за своевременное обеспечение всей медслужбы новым помещением..

Алексей в растерянности посмотрел на нее. А затем привлек к себе. Женя припала к его плечу.

— Береги себя, Леша... Береги. — Отстранилась, откинула со лба густую прядь волос: — Ну, до свидания. В час добрый.

Расставаясь, Женя протянула Алексею свернутый листок со своим адресом.

Всю дорогу Алексей мысленно сочинял ей письмо, полное нежности и любви, но отправить его так и не пришлось. Вскоре произошли серьезные события, и они оба надолго потеряли друг друга.

Вынужденная посадка

С утра 3 июня выдалась теплая, ясная погода. В небе проплывали редкие облака.

В 14.30 командиров эскадрилий и звеньев вызвали на КП. Майор Матиков находился в первой половине землянки, на столе были разложены карты, стояли телефонные аппараты, старая с многочисленными царапинами на краске и выбитыми до белизны клавишами пишущая машинка. Во второй половине, за дощатой перегородкой, обычно проводились совещания, занятия, разборы полетов.

Кроме командира полка на КП находились замполит майор Зак, начальник штаба подполковник Пусторнаков и дежурный по аэродрому.

Матиков, тщательно выбритый, в коверкотовой гимнастерке, оживленный, поднялся навстречу, задел карту и аккуратным, точным движением поправил ее. Он вышел из-за стола, со всеми поздоровался за руку. С любопытством поглядывая на своих подчиненных, спросил о самочувствии, настроении. Ответы были положительными. Тогда командир полка пригласил всех к карте.

— Вчера поздно вечером мне позвонил командир дивизии. По разведанным, на аэродромах Основа и Рогань противник сосредоточил большое количество самолетов. Командование нашего корпуса получило задание уничтожить их. Эту задачу предстоит выполнять и нам. — Он обвел взглядом всех присутствующих. — Ведущим группы назначаю командира первой эскадрильи старшего лейтенанта Александрова. За ним идут Джинчарадзе, Бутузов, Рогожин, Алексеев, Курочкин, Багров, Першин, Синенков, Балабин, Деркачев. Замыкает группу Марыгин.

Ведущим второй группы будет командир второй эскадрильи капитан Елисеев. — Майор Матиков перечислил участников и продолжал: — Порядок выполнения задания такой: Александрову со своей группой нанести удар в четыре пятнадцать по аэродрому Основа с целью уничтожения самолетов на стоянках.

Елисееву со своей группой в то же время нанести бомбово-штурмовой удар по аэродрому Рогань.

Маршрут полета, — он наклонился над картой и, поставив карандаш в исходный пункт Уразово, спросил: — Все нашли? — И получив подтверждающий ответ, продолжал: — Молодовое, Сороковка, цель. Профиль полета — высота тысяча сто — тысяча четыреста метров. Перелет линии фронта сделаете в районе Молодовое на высоте тысяча пятьсот метров. После перелета линии фронта пойдете до Сороковки. Обратный маршрут: Мохнач, Купянск — Уразово. Атаку следует производить одним заходом и в зависимости от обстановки.

Первая группа с пункта развертывания идет через Большую Даниловку, заходит на цель с северо-востока на юго-запад. Вторая группа производит заход с северо-востока со стороны черепичного завода. Выход осуществлять на Васичево с левым разворотом. Уход от цели на бреющем до пункта сбора.

Боевой порядок групп — правый пеленг. Интервал между шестерками — сто пятьдесят — двести метров. Дистанция между группами — одна — две минуты.

Первая группа вылетит в три двадцать пять, вторая — в три двадцать восемь.

— Итак, уточним линию фронта. Прошу внимания. — Он наклонился над картой и, водя карандашом по ней, перечислил пункты и ориентиры, через которые проходила линия фронта. — Все ясно? Вопросы есть?

Вопросов не было.

— Тогда готовьтесь, — приказал майор Матиков и окинул летчиков внимательным взглядом.

Майор Зак вышел проводить группу.

— Помните, ребята, на какое задание идете. Говорить лишнего не буду. Скажу только: ждем вашего возвращения. Успеха вам.

Козырнув замполиту, летчики направились к своим самолетам. Алексей был горд, что вместе с другими ответственное задание будет выполнять и он, — значит, командир надеется на него, верит ему, но одновременно чувствовал смутную тревогу. Это был, конечно, не страх, а то душевное состояние человека, который понимает, что впереди предстоит смертельная схватка с врагом.

Он оглянулся на своих товарищей. «О чем они думают? Что их тревожит? Может быть, то же, что и меня. Все мы опасаемся самого худшего, что может быть с нами, — не выполнить боевого задания. Что тогда подумают о нас командир, товарищи?»

Алексей тряхнул головой: «Довольно. Сейчас надо думать только о главном, о том, как лучше выполнить задание».

Не успел Алексей подойти к своему «илу», как механик подбежал к нему с докладом:

— Товарищ командир, машина к боевому вылету готова. Двигатель в исправном состоянии. Баки заправлены полностью, бомбовая нагрузка — шесть пятидесятикилограммовых бомб. Боекомплект пушек, эрэсов и пулеметов полный. Докладывает механик самолета старший сержант Беседин.

Алексей смотрел на красивое озорное лицо механика и невольно улыбался.

— Жалко, командир, стрелка у нас нет. Хвост незащищен, — сокрушался Беседин.

— Ничего, — ответил Алексей, — не впервой... А Беседин снова за свое:

— Давайте я вам парашют помогу надеть.

Он взял парашют, натянул лямки на плечи Алексея и ловко стал застегивать тугие карабины, приговаривая:

— Вот это дело, командир, потому он и называется спасательный. В случае чего летчику на землю спуститься поможет. А самолет, что ж, самолет жалко, но жизнь дороже.

— Хорошо, спасибо, Дмитрий Иванович. Только зачем об этом? Нож мой наточил?

— А, нож... — заулыбался Беседин. — Вот он.

Нож был самодельный, сделал его сам Алексей во время нелетной погоды. Беседин приладил к нему ножны из толстого куска кожи, пришил ремешки для крепления к поясу. Однажды Джинчарадзе залюбовался ножом, попросил поносить, и теперь Алексей решил подарить его Жану.

— Эй, дорогой кацо! Возьмешь? — окликнул он товарища, помахивая взблескивающим на солнце лезвием.

Жан спрыгнул с плоскости и подбежал к Алексею. Рогожин протянул нож.

— Держи. Дарю на память.

— Ай, кацо! Ай, спасибо, дарагой!..

Алексей прикрепил ножны Жану на пояс.

Жан, любуясь ножом, ушел к своему штурмовику.

Алексей взглянул на часы. До вылета оставалось шестнадцать минут. Поодаль стояли летчики из другой группы. Среди них Алексей увидел Николая Елисеева, Николая Носкова, Михаила Мурачева, приветственно помахал им руками и полез в кабину. Осмотрел приборы, поудобнее уселся, опробовал рули — все было в порядке.

Беседин взобрался на плоскость, протянул руку оружейнице. Она тоже хотела что-то сказать Алексею. Раскрасневшись, заглянула к нему в кабину.

— Счастливого полета, товарищ командир. Мы с Дмитрием Ивановичем будем очень ждать вашего возвращения, — сказала она громким шепотом и оглянулась на Беседина, который делал вид, что ничего не слышит.

Штурмовик Александра взревел и, набирая обороты, растворил все звуки в своем мощном победном реве. Через минуту он порулил на старт. Алексей, в порядке очередности, встал за Жаном и Бутузовым. Комэксп спросил по радио:

— Все готовы?

Летчики поочередно ответили на запрос командира.

— Взлетаем попарно, — скомандовал он.

Аэродром остался внизу. Штурмовик Михаила уже делал первый разворот. Алексей, чтобы не отстать, срезал угол и пристроился к своему ведущему.

Выстроившись, вся группа взяла курс к линии фронта. Справа и слева шли истребители прикрытия. Минут десять летели в полной тишине. Ровно гудел двигатель. Алексей взглянул на карту. По времени скоро должно показаться Молодовое. «Значит, фронт близко», — подумал он.

Неожиданно зеленоватые прерывающиеся ленты появились в небе рядом с самолетом Бутузова. «Уже заметили, бьют», — отметил Рогожин, закрыл бронешторки радиаторов. Видя, что ведущий набирает высоту и уходит вправо, слегка потянул ручку на себя и, не давая левого крена, двинул ногой правую педаль. Тотчас же штурмовик боком пошел вправо. А разрывы остались на прежнем курсе. Они кучно распускались, похожие на пышные кусты белых цветов.

Затем в небе возникли огромные черные клубки — начала бить крупнокалиберная зенитная артиллерия. Машины оказались среди плотного огня, летчики энергично маневрировали. Алексей бросал свой штурмовик из стороны в сторону, то убирая газ, то давая его до отказа. Краем глаза он заметил, как трассы скрещиваются вверху, когда он отдает ручку от себя, и с остервенением разлетаются, когда машина идет вверх. Все говорило о том, что гитлеровцы работают умело, кипящее переплетение острых, стремительно пульсирующих пушечных очередей режет, кромсает воздух. Кажется, нет свободного места на небе, но самолеты еще остаются незримыми, упорно идут к цели.

Впереди — вражеский аэродром. Там тоже будет жарко. Но пока есть время открыть бронешторки, привести мысли в порядок, вытереть с лица пот. Он стекает из-под шлемофона прямо на гимнастерку. Кажется, и пистолет висит на боку тяжелым камнем. Сейчас бы поскидать с себя прилипшее обмундирование и с разбегу броситься в прохладную воду, стряхнуть навалившуюся тяжесть, но от этого желания только усиливается жажда, сохнет во рту, язык становится непослушным и шершавым.

Алексей слышит близкий бодрый голос командира эскадрильи Александра:

— Внимание! Приготовиться. По курсу — аэродром.

Снова закрываются бронешторки, снимаются с предохранителей все огневые средства штурмовика. И опять бьют зенитки.

В этой яростной сплошной неразберихе переплетающихся трасс Алексей успевает схватить глазом большое полукруглое поле аэродрома, крошечные силуэты подкрашенных под цвет травы самолетов и видит, как от лесочка тянутся вверх разноцветные трассы эрликонов. Одна из них красной молнией взблескивает рядом справа. Чтобы обмануть зенитчиков, Алексей бросает самолет ближе к ней, теперь молния сверкает слева. В наушниках слышен голос Бутузова:

— Следуй за мной. Делаем два захода с левым разворотом. На выходе бьем по батарее.

Уходя от сверкающих трасс, штурмовик Алексея перешел вслед за Михаилом в крутое пикирование.

Стремительно приближается земля, растет, расширяется аэродромное поле, ярче зеленеет лесочек, яростнее летят из него трассы. Все это фиксирует глаз летчика, а тело, сжавшись в комок, ждет удара. Еще одна секунда, другая, и пальцы ложатся на гашетки пушек и пулеметов. Алексей ловит в прицел «юнкеры», плотными рядами стоящие на дорожках, окаймленных кустарником.

Он нажимает на гашетки и чувствует, как от отдачи выстрелов штурмовик бьет дрожь, вздрагивают на приборах стрелки. Высотомер показывает шестьсот пятьдесят... Алексей трижды вдавливая кнопку бомбосбрасывателя. Самолет облегченно вздрагивает, становится легче, послушнее в управлении.

А лесочек внизу все расширяется, оцетинивается вершинами деревьев. И кажется из их стволов вылетают эти разноцветные трассы и прошивают огненными клинками воздух перед машиной. Наконец стала отчетливо просматриваться огневая позиция зенитчиков.

Чуть повернув вправо, Алексей ловит в прицел земляную насыпь среди деревьев и нажимает соседнюю кнопку на верхнем овале обода ручки управления. Стремительные эрэсы, будто сгорбившись, огненными хвостатыми кометами послушно бросаются вниз. Где-то неподалеку они также срываются со штурмовика Михаила и тоже несутся к земляной насыпи. Что-то сверкает впереди, штурмовик подбрасывает, и Алексей чувствует смрадный запах разорвавшейся взрывчатки.

До земли осталось двести метров: пора выводить. Рогожин с усилием потянул ручку на себя и ощутил, как чугунная тяжесть перегрузки вжимает его в сиденье. Штурмовик пронесся над объятый огнем батареей и на бредущем уходит в сторону Васичево.

Обстрел прекратился. Теперь появилась возможность осмотреться, нет ли видимых пробоин в крыльях, оглянуться на летящих позади товарищей.

Ведущий группы уже стал на обратный курс. В наушниках звучал его голос:

— Все целы? Подтягивайтесь, идем домой.

Линия фронта снова встретила их неистовым огнем. Приходилось усиленно маневрировать, менять высоту, скорость.

Неожиданно под машиной младшего лейтенанта Джинчарадзе вспыхнуло пламя, за хвостом черным толстым жгутом потянулся дым. Самолет беспомощно лег на крыло и пошел вниз. Сквозь шум и треск в наушниках Жан услышал настойчивый голос Александра:

— Прыгай! Прыгай немедленно! Прыгайте оба! Я приказываю!

А Джинчарадзе, выключив зажигание, глубоким скольжением пытался сбить пламя. В наушниках все звучал требовательный голос командира эскадрильи Александра, приказывающий немедленно покинуть горящую машину. Но у Жана была какая-то надежда на выносливость и верность ни разу еще не подводившего «ила» с бортовым номером восемнадцать.

И когда он услышал радостный крик стрелка сержанта Василия Ильенко, что им удалось сбить пламя, он понял, что и на этот раз штурмовик выручил их.

— Спасибо, дарагой Вася, за такую вэсть! — крикнул он по СПУ стрелку. — Теперь будем садица.

Линия фронта осталась позади. Внизу расстилалась бесконечная степь, разделенная на квадраты полей с небольшими балочками и зеленеющими сочной травой лощинами.

Чтобы не поломать винт и радиатор, Жан решил вопреки требованиям техники безопасности садиться на выпущенные колеса. Но вышло только правое колесо, левое было повреждено и оставалось на замке. Тогда Жан накренил самолет, стараясь как можно точнее сместить центр тяжести на правое колесо. И когда оно с мягким толчком коснулось поверхности, он все еще продолжал удерживать самолет в таком положении.

Потеряв скорость, «ил» громыхнул консолью о землю, крутнулся вокруг опущенного крыла и замер.

Джинчарадзе счастливо улыбнулся, быстро отстегнув привязные ремни, вылез на крыло и сбежал по нему на землю.

— С приездом, дарагой Вася, — крикнул он стрелку удовлетворенным голосом. — Поздравляю с мягкой посадкой. Паломак, кажись, нету. Харашо, что мы не бросили нашего баевого друга. Теперь нада скаррей ехать за ремонтниками. — Он посмотрел на стрелку и продолжал: — Жалка, канечна, что тебе не павезло са мной в этом вылете. Но мой стрелок Алеша Лебедев забалел и тут ничего не паделаешь.

— Да я за последнее время с кем только не летал, — смущенно ответил Ильенко. — С Алексеевым, Елисеевым, Бутузовым, Рогожиным, почти со всеми.

— Ты прости, дарагой, что не даставил тебя да дома, — пошутил Жан, — но я чесна пастараюсь эта сделать, как можна быстрее.

— Не стоит, командир, об этом... Вы тут ни в чем не виноваты. Главное, мастерски посадили подбитый «ил» на одно колесо и не поломали машину.

Не зная еще, что предпринять, они сели в тени крыла. Пахло разогретой солнцем землей, травами. Крупные ягоды земляники выглядывали из высокой травы, и Жан, дотянувшись до них, сорвал и бросил в рот, удовлетворенно чмокнув языком. Легкий ветерок таинственно прошуршал по метелкам еще не созревшего ковыля.

Все сильнее пригревало солнце. Широкий откос пестрел цветами, сбегал к чуть заметной низине, где синело еще не пересохшее озерцо. Над противоположным крутым и глинистым берегом его струилось марево. Стрекотали невидимые кузнечики, блаженно квакали лягушки. Божья коровка взбиралась на тонкий, качающийся стебелек, замирала, как будто прислушивалась к дневным звукам и снова лениво продолжала свое путешествие.

— Ладно, пака сходим к озеру, папьем вадицы, а может, искупаемся. — Жан поднялся, взял парашюты и, взобравшись на крыло, положил их в свою кабину. — Тебе придется астаться у самолета. Бортпаек есть. Жди.

— Есть, оставаться у самолета и ждать, — бодро ответил Ильенко.

Они спустились к озерку. Берег его был покрыт толстым слоем ряски, из которой торчали многочисленные головы нежившихся на солнце лягушек. Жан присел на корточки, раздвинул ладонью ряску, сказал:

— Вада теплая, пачти горячая. Пряма, как в бане.

— Нет, в это болото я не полезу, — сказал стрелок.

Тут со стороны населенного пункта показалась группа женщин, одетых в пестрые платья. Они медленно приближались по чуть приметной тропинке, точно раздумывали — подходить или нет.

Вскоре Жан и Василий разглядели, что в руках у женщин корзинки и узелки. Приблизившись к воде, они увидели сидевших в траве военных. Неуверенно остановились, переглядывались. Высокая черноволосая молодайка, окинув взглядом летчиков, засмеялась:

— Да это наши. Вон их самолет со звездой стоит. Ишь, голуби, притихли, а в небе сколько шуму от них, уши глохнут.

Она направилась к ним, посмеиваясь, а летчики изумленно смотрели на нее и на других женщин, шедших следом, и не знали, как им быть.

— Надо бы и нам навстречу выйти, — предложил Василий, оправляя под ремнем гимнастерку.

— Зачем? — прервал его Жан.

— Небось домашних пирожков несут. Ты их много едал на фронте?

Жан поднялся, пошел женщинам навстречу. Те остановились, смущенно посматривая друг на друга.

— А мы видим дым и самолет падает, вроде бы наш, — заговорила молодая, выступая вперед. — Вот собрались искать вас, гостинцев вам прихватили. Нюра только, — она показала рукой на невысокую худенькую пожилую женщину, — все отговаривал а нас, боялась, вдруг немцы. — Она повернулась к стоявшим сзади женщинам. — А ну-ка, бабоньки, выкладывай у кого что есть.

Женщины полукругом расселись на траве, достали из узелков хлеб, сало. Кто-то поставил баночку с медом.

— Ешьте, соколики. Ешьте. Хоть живые остались. А то намедни прибежали вот так же, а там яма да железо кругом. А от летчика ничего...

Ильенко вздохнул, улыбнулся и показал рукой на «ил».

— А наш штурмовичок стоит как ни в чем не бывало...

— Да мы уж глядим, — разом отозвались женщины. — Он крыло опустил, думали, вы в яму какую попали.

— Нет, — сказал Жан. — У нас одна наш шасси не вышла. Приедут ремонтники, враз наладят.

Женщины снова принялись наперебой угощать, потчевать летчиков. И казалось, что полчаса назад не было разрывов снарядов и грохота пушек, а все было каким-то тяжелым сном — так умиротворенно светило солнце, так задорно отстукивали свое кузнечики и пахли травы. И такими красивыми с загорелыми радостными лицами казались эти крестьянки, что Жан развеселился, и уже не они, а он угощал их, что-то говорил на своем родном языке, цокал языком, и женщины ласково смотрели на него, украдкой смахивали с ресниц набежавшую слезинку — так остро вспоминались свои мужья или братья, так хватко брала женскую душу тоска по ушедшим на фронт, что не удержать было слез. Заметив это, Жан нахмурился, поднялся, opravил ремень.

— Спасибо, дорогие женщины, — он низко поклонился. — А теперь скажите, где тут у вас паблизаста воинская часть? Мне нужна машина.

Женщины наперебой заговорили:

— Стоят наши. Как же, танкисты... Жан улыбнулся, сказал:

— Ну, ладно, Вася, ты тут ахраний самалет, а я пайду. К вечеру успею дабраться к сваим.

Женщины тоже засобирались, стали рассказывать, как быстрее выйти на большую дорогу, где можно поймать попутную машину.

Жан еще раз поблагодарил всех и быстро пошел в указанном направлении. В сумерках того же дня он был уже дома.

С корреспондентом на разведку

Наступила середина лета 1943 года. Полк Матикова периодически ходил на штурмовки, вел почти ежедневную разведку войск противника. И в жизни младшего лейтенанта Алексея Рогожина, казалось, тоже не было каких-то заметных перемен. Он регулярно получал письма от матери из Тулы, писал ему брат Николай, товарищи и только не дождался весточки от той, которая стала так дорога, и он не знал, где она и что с ней.

На фронте по-прежнему стояло относительное затишье. Мучила жара, зной не проходил даже ночью. На взгорках солнце выжигало рыжие плешины, изнемогали травы, деревья, трескалась земля. Иногда налетал суховей, и тогда до самого неба поднимались тучи горячей седой пыли. Она затягивала горизонты, покрывала стволы пушек и пулеметов.

Самолеты поднимались в воздух с большими интервалами, дожидаясь, пока осядет после взлетевшего штурмовика пыль. На сборы групп в воздухе тратилось драгоценное время. Это срывало график, задерживало нанесение ударов по врагу.

В один из таких дней Алексей раньше обычного пришел на аэродром. Он был мрачен и хмур. Вчера штурман полка летал на его самолете, и после неудачного приземления в деревянных балках, скрепляющих фюзеляж, появились трещины.

После тщательного осмотра механик Беседин доложил, что самолет под номером «13» окончательно вышел из строя. Из дивизии должны были пригнать звено новых «илов» с двумя кабинами, и Алексей, ставший «безлошадным», с нетерпением ждал этого часа.

Штурмовики вскоре появились над аэродромом и в четком строю попарно произвели посадку. В это время Рогожин находился около своей стоянки. Он видел, как из задней кабины одного, поблескивающего свежей краской, «ила» спрыгнул на землю рослый, широкий в плечах офицер с полевой сумкой на боку, внимательно осмотрелся и медленной, с развалыцей, походкой пошел следом за летчиками к штабной землянке.

Алексей, поглядывая на самолеты, с надеждой думал: «Один из них будет мой. Какой окажется его судьба?.. Все одинаковые, как братья-близнецы, но один, вот этот с самой яркой звездой, — мой».

Подойдя к «илу», он погладил нагретый солнцем фюзеляж, легонько похлопал ладонью по плоскости, отошел в сторону, присмотрелся к грозным волнующим очертаниям боевых машин, ожидавших своих новых хозяев и готовых вот-вот взречь мощными моторами и взмыть в небо.

Не успел Рогожин налюбоваться штурмовиками, как из штабной землянки его окликнул дежурный:

— Рогожин, к командиру!

Войдя в штаб, Алексей доложил о своем прибытии, стоя по стойке «смирно», с любопытством присматривался к офицеру с полевой сумкой и к летчикам, стоявшим вокруг стола.

— Вольно, Рогожин, — значительно сказал майор Матиков. — Присаживайтесь, знакомьтесь, — жестом указал он в сторону офицера.

Это был лейтенант в ладно сидевшей на нем почти новой форме. Откинувшись на спинку стула, он внимательно смотрел на Алексея светлыми глазами. Из-под лихо надвинутой на большой лоб пилотки виднелись темно-русые волосы. Во всей его плотной фигуре чувствовалась спокойная сила, уверенность в себе, в глазах светилось добродушие. Он слегка наклонил голову — это получилось у него совсем по-граждански, непосредственно.

— Владимир Иванович Степаненко, военный корреспондент газеты «Крылья победы».

Алексей козырнул лейтенанту и назвал себя.

— Вот, младший лейтенант, сегодня получите новую машину, двухместный «ил». И стрелок у вас теперь, — Матиков немного замялся, — особый стрелок. У лейтенанта имеется разрешение командира корпуса на полеты в должности стрелка, в том числе и на боевые вылеты, — уточнил Александр Пантелеевич. Он немного помолчал и, взглянув на недоумевающего Рогожина, пояснил: — Корреспонденту это необходимо, крайне необходимо, — подчеркнул командир полка, — для сбора материалов о наших летчиках.

— Вы, младший лейтенант, не беспокойтесь, — сказал Степаненко мягким голосом. — Я уже имею несколько боевых вылетов и встреч с истребителями противника.

— Да что мне беспокоиться, — ответил Алексей, — до сегодняшнего дня я летал на одноместном самолете под номером «тринадцать».

— В самом деле? — заинтересовался Степаненко. — И как?

— Что как?

— Сколько раз были сбиты?

— А нисколько, — спокойно ответил Алексей и, улыбнувшись, добавил: — Хотя, надо признаться, вынужденная одна была. Но сел я на снег, и самолет почти не пострадал. Можно сказать, посадка оказалась счастливой...

— А в чем же было счастье? — с еще большим интересом глядя на Рогожина, спросил Степаненко.

— Об этом, товарищ лейтенант, говорить пока не будем. Давайте условимся так: после войны вы заедете ко мне в Тулу, в Гостеевку, и я расскажу вам все. Согласны?

— Конечно, согласен, какой разговор.

И Алексей опять вспомнил красивое лицо женщины, так похожей на Женю. Увидел и услышал врачующий голос: «Долго будешь жить, летчик». Он улыбнулся и добавил:

— Вы знаете, у меня тогда получилось, как в той поговорке: «Не было бы счастья, да несчастье помогло».

Тем временем майор Матиков, внимательно читавший какую-то важную бумагу, задумчиво подал ее сидевшему рядом подполковнику Пусторнакову, сказал:

— Итак, решено: летит Рогожин. Только надо организовать работу всех, кто будет ходить на разведку по одному и тому же маршруту, так, чтобы все их наблюдения сводились в единое представление о действиях противника, чтоб в конце создалась полная общая картина. — Командир полка встал и, обращаясь к Рогожину и Степаненко, произнес: — Слушайте мой устный боевой приказ. Сейчас вместе облетаете новую машину. Но чтобы впустую не гонять ее, сходите на разведку погоды в районы учебных зон и полигона, доложите. В 12 часов 30 минут пойдете на разведку переднего края и переправ через Северский Донец в районы Безлюдовки и Соломине. Надо посмотреть, какие есть подходы к этим местам, подобрать вероятные маршруты. Повторяю, летать вам придется, меняя время, утром и вечером, несколько дней по одному и тому же маршруту. Все замеченное прошу запоминать и заносить на карту. Сегодня вас будет прикрывать звено истребителей. Вопросы есть?

— Товарищ майор, вы говорили о каких-то новых указаниях по связи, — спросил Рогожин.

— Да, чуть не забыл. Вот они, познакомьтесь. Значит, сигналом «я свой самолет» в дневное время теперь будут два-три правых крена и одна зеленая ракета. У наземных войск сигналом «я свой» в светлое время служат белая ракета, треугольник, обращенный углом в сторону противника, на башне танка или автомобиля должна быть звезда, нарисованная мелом или известью. Позывной штаба нашей двести шестьдесят шестой авиадивизии: «Волна-166». Остальное вы уже знаете. — Матиков протянул руку Степаненко и добавил: — Желаю успеха.

Рогожин отдал честь, и они с корреспондентом вышли из землянки и направились к новым самолетам. Возле одного из них уже хозяйничал Беседин. Это был, как и предполагал Алексей, тот самый, крайний в ряду, «ил», который он заметил еще до вызова к командиру полка.

Беседин вышел навстречу и, приложив руку к головному убору, доложил:

— Товарищ командир, самолет и мотор облетаны. Предполетный осмотр и проверка систем закончены. Стрелок еще не назначен.

— Да как же, Дмитрий Иванович, вот он. Знакомьтесь, лейтенант Степаненко.

Владимир Иванович крепко пожал руку удивленному механику и спросил:

— Давно на фронте?

— С первого дня войны, товарищ лейтенант.

— Значит, ветеран экипажа.

— Выходит, так.

Оружейница Валя Маленькая, как всегда, застенчиво опустив глаза, стояла у фюзеляжа самолета. Алексей представил ее корреспонденту. Подошедшие техник звена

управления Илья Гаврилин и Марк Коган поздоровались и доложили, что их послали сюда для проведения предполетного инструктажа.

— А что, разве в этих пулеметных установках есть что-то новое? — спросил Степаненко.

— Да нет, — ответил Коган, — самая малость.

И они, засучив рукава, принялись за дело. Коган разговаривал с офицером на равных и радовался его осведомленности.

Через десять минут Степаненко уже опробовал оружие, а Марк, стоя на крыле, вслушивался в оглушающий грохот пулемета.

— Теперь вы все знаете, товарищ лейтенант, — крикнул Коган. — Можете лететь, благословляю. — И спрыгнул с плоскости, вытирая ветошью руки. Стоявшему возле крыла Алексею, с интересом слушавшему инструктаж Гаврилина по обращению с радиооборудованием, сказал: — Тебе с ним будет спокойно. Стрелок он, по всему виду, способный и надежный...

Рогожин надел парашют, полез в кабину своего нового, теперь уже двухместного «ила». Все здесь было почти таким же, как на его одноместном «тринадцатом». И все-таки это другая кабина и к ней надо было привыкать.

Механик, стоя на крыле, помог настроить приборы, застегнуть привязные ремни. Алексей присоединил шнур шлемофона к разъёмной колодке и, нажав на кнопку СПУ, спросил у Степаненко, все ли у него готово. Получил утвердительный ответ.

Они взлетели и по небольшому кругу на высоте четырехсот метров прошли по всем учебным зонам, сделали пару виражей над полигоном и возвратились домой. Погода была сносная, видимость удовлетворительная.

После доклада Алексей сразу же взлетел и направился в условное место для встречи с истребителями прикрытия. Полет на разведку в этот час был назначен еще и потому, что приходился на время обеденного перерыва летчиков вражеской авиации, и командир полка надеялся, что Рогожин с корреспондентом не повстречают истребителей противника.

И когда через час он увидел возвращающийся с задания штурмовик Алексея, сердце его радостно сжалось, будто он после долгой разлуки встретил близкого, дорогого ему человека.

Выслушав доклад Рогожина о результатах разведывательного полета, майор Матиков крепко задумался, потер указательным пальцем правой руки лоб и, обращаясь к начальнику штаба, сказал:

— Да, не густо. Но я так и предполагал. Немцы народ аккуратный, маскируются умело и надеются застать нас врасплох. Но мы тоже не лыком шиты и кое-чему научились. — Он наклонился над картой, промерил циркулем маршрут и, поколдовав с линейкой, добавил: — Весь полет рассчитан на час: двадцать минут туда, двадцать обратно и двадцать — над районом цели. Надо еще раз на глубину до пяти километров осмотреть берег, не ведутся ли какие подготовительные работы по наведению мостов и переправ.

— Да, — согласился начальник штаба, — для этого требуется строительный материал.

— Именно поэтому надо тщательно проработать участок вблизи Безлюдовки — Соломино. Ясно, что они делают вид, будто эти места им безразличны, прячут свои зенитки, стараются усыпить нашу бдительность. Но именно здесь они что-то затевают. Поэтому сначала надо пройти по сегодняшнему маршруту, посмотреть, нет ли каких изменений. На обратном пути сфотографируешь берег. Если наши догадки правильны, то они и завтра не тронут вас. Самим ни в какие конфликты с воздушным и наземным противником не ввязываться. Первый полет сделаете в четыре и второй перед сумерками в двадцать один час. Ясно?

— Так точно. — Вопросы?

— Вопросов нет.

— Тогда можете быть свободными. Рогожина попрошу на минутку остаться.

Александр Пантелеевич прошелся по землянке, о чем-то думая, и когда дверь за Степаненко закрылась, спросил:

— Как корреспондент вел себя в полете?

— Нормально. Как опытный воздушный боец. В разведке он хороший помощник, наблюдательный.

Майор Матиков помолчал, помял в ладони подбородок.

— Полетишь опять с ним. И помни, никаких фокусов. Старайся поменьше светиться над передовой.

— Есть!

Командир полка протянул Алексею руку и участливо сказал:

— Иди отдыхай, да прихвати с собой корреспондента.

— Есть!

Алексей нашел Степаненко недалеко от стоянки своего самолета. Тот сидел на лавочке под корявым дубом с кустистой кроной и, положив на колени полевую сумку, что-то писал в блокноте.

— Впечатления записываете? — поинтересовался Алексей.

Степаненко с задумчиво-сосредоточенным выражением лица взглянул на него.

— Надо, Леша. Необходимо.

Рогожин, улыбаясь, с одобрением сказал:

— Ну что ж, товарищ лейтенант, пора готовиться к новым полетам. Так что сегодня ляжем пораньше. В четыре утра — вылет. В течение дня еще кто-то пойдет, а к вечеру опять мы. Чувствуете, как растет напряжение?

Степаненко засмеялся:

— Еще бы!

— Пошли на сеновал.

* * *

Утро выдалось солнечным, но прохладным. Ярко зеленел на краю аэродрома знакомый дуб. Каким ветром, в какой год было занесено сюда семя, сколько перенес он, вытерпел за многие годы. Ни ветры, ни бури не сломили его. Все выдюжил, крепко держится корнями за родную землю. Сегодня, взглянув на него, Степаненко со свойственной ему пронизательностью подумал о том, что, видно, трудновато ему было в одиночестве: никто не помог в этой раздольной степи, не заслонил от суховеев и холодных ветров, поэтому и вырос таким корявым, суровым, с растрескавшейся корой. Но стоит, полный сил, и никому его не сокрушить. Уже подрастают и поддерживают выросшие вблизи и поодаль молодые собратья, шумят сочной яркой листвой.

Но настраиваться сейчас на созерцательно-философский лад было некстати — надо готовиться к полету. Это прежде всего.

Еще ночью, лежа рядом с Алексеем на свежем воздухе, подбивая к бокам пахучую, недавно скошенную траву, пытаюсь поскорей заснуть, Владимир задумался над нерасторжимостью слова и дела, которые практически должны слиться в один большой, необходимый результат.

Он поднялся раньше Алексея, примостил зеркальце меж сухих прутьев плетня, окружавшего хату. Будить хозяйку, чтобы согрела воды, было неудобно, поэтому обошелся холодной, набранной прямо из раковины, прибитого к углу сарайчика, тщательно развел в мыльнице пену, побрился и через несколько минут, чувствуя приятно помягчевшую кожу, с удовольствием умылся.

Мысли его были спокойными, во всяком случае, он старался не думать о плохом. «Вот так вот, дорогой Володя, — в лес ходить да волков бояться, где это видано?»

Да и как иначе? Чтобы правильно и хорошо рассказать о деле, надо самому уметь кое-что. Хорошо бы написать очерк о стрелке и назвать его «Щит экипажа». — Он вспомнил слова песенки, которую не раз слышал от авиаторов: «Будешь ты стрелком-радистом, а в душе пилот. Будешь ты летать на «иле» задом наперед». — И он грустно улыбнулся.

Алексей тоже поднялся, быстро умылся, развязывая приготовленный с вечера вещмешок, сказал:

— Присаживайтесь, перекусим немного сухим пайком и — айда. — Оглянувшись на сарайчик, где спали товарищи, проворчал: — Дрыхнут, дьяволы. — Ножом вскрыл банку консервов, нарезал хлеба, поинтересовался: — Как настроение?

— Боевое. А ты запасливый, младший лейтенант.

— Повоюешь, товарищ лейтенант, будешь...

Молча поели, собрались и пошли на аэродром. Дмитрий Иванович уже заканчивал хлопоты у штурмовика и, как обычно, доложил:

— Самолет к полету готов. Мотор, как зверь.

— Во дает, — оглядываясь на Степаненко и как будто извиняясь за такую вольность своего подчиненного, произнес Алексей.

Они оба, улыбаясь шутке механика, за руку поздоровались с ним; быстро осмотрев машину, надели парашюты, забрались в кабины. Владимир проверил пулемет. Рогожин тем временем запустил двигатель, прокалил свечи и вырулил на взлетную полосу. А через минуту штурмовик был уже в воздухе и, пройдя над аэродромом истребителей прикрытия, стал в вираж, поджидая их взлет.

Сопровождать их должны были опытные летчики-истребители во главе с командиром эскадрильи 247-го истребительного авиаполка капитаном Степаном Карначем. Вместе с ним на это ответственное задание летели старшие лейтенанты Анатолий Шиманский, Николай Буряк и лейтенант Николай Попов. Радиообмен в этом полете был запрещен, и капитан Карнач, подойдя вплотную к самолету Рогожина, поприветствовал его покачиванием крыльев и вместе с ведомым круто ушел вверх. Вторая пара осталась внизу.

«Опять идем на вражескую территорию», — думал Владимир, всматриваясь в расстилавшуюся в туманной дымке степь, в тонкие нити дорог и речек, в отсверкивающие пятна озер.

Через несколько минут миновали передовую. Перелетели Северский Донец. Откуда-то с его заросшего густым кустарником берега их обстреляли зенитки, и Владимир, увидев красноватые брызги трассы, вспомнил, как Алексей говорил ему: «До чего же не люблю летать под обстрелом зениток. Когда «мессер» или «фоккер» хочет атаковать тебя, ты знаешь, где он, чувствуешь его, ждешь. А зенитные снаряды видишь только после разрыва и не знаешь, где же разорвется очередной?»

«Пожалуй, Алексей прав», — подумал сейчас Владимир, косясь на разорвавшийся в стороне зенитный снаряд, потом рывком повернулся в противоположную сторону — там тоже среди синевы неба черно-оранжевыми гирляндами осыпался разрыв, оставив после себя шевелящуюся шапку дыма. «Пристрелялись», — подумал он, и неприятное состояние помимо воли охватило его. Он шевельнул плечами, точно сбрасывая с себя это оцепенение не страха, а напряженного ожидания того, что произойдет. Но в следующую секунду ощутил, как его прижало к борту кабины. Сначала он не понял, что случилось, но затем догадался: летчик делал противозенитный маневр. По СПУ он услышал голос:

— Как дышится?

— Нормально, — ответил Владимир. Рогожин продолжал:

— Сейчас будет Безлюдовка, пройдем вверх по реке до Соломино, там развернемся и над правым берегом спустимся вниз. Посмотрим за зеркалом воды, нет ли перекатов над подводными переправами.

«А командир полка оказался прав, ни «мессеров», ни «фоккеров» не видно, — подумал Алексей. — Может, рано, и летчики спят?»

Как ни всматривался Рогожин в берег, но ничего нового рассмотреть не удавалось. По СПУ он с досадой пожаловался Владимиру:

— Все, как и было, хотя нет, видите, у самого берега длинный сарай?

— Вижу.

— Откуда он взялся?

— За ночь построили. А вот что под этой крышей, боеприпасы или стройматериалы, трудно понять.

— Ну что ж тут трудного?

В следующее мгновение самолет с креном провалился вниз, и Степаненко почувствовал, как его потянуло из кабины. Так он висел на привязных ремнях, пока сила инерции снова не приковала к сиденью.

— Не волнуйтесь, — услышал он в наушниках бодрый голос Рогожина. — Проверим их нервишки и, кстати, заглянем под крышу.

Самолет на большой скорости несся над гладью воды, как раз на уровне берега, где стоял сарай.

— Смотрите! — закричал Алексей. — Видите бревна и понтоны? Это готовые части переправы. Дайте по ним пару очередей, пусть латают.

Степаненко взял упреждение, и дымная трасса скрылась под крышей сарая. Оттуда в панике стали выползать и выбегать перепуганные фашисты. С зенитных установок, расположенных вокруг, спешно сдергивались маскировочные сетки. Но было уже поздно: «ил» Рогожина, сделав небольшую горку, ушел далеко.

Северский Донец петлял, и Алексей едва успевал переключать машину из виража в вираж, чтобы удержаться над руслом извилистой реки. Истребители прикрытия шли выше и несколько правее. Так было обговорено заранее, чтобы не привлекать к себе внимание. И все же на всем протяжении остального маршрута их обстреливали зенитки. Видимо, гитлеровцы уже знали, что произошло с сараем у Безлюдовки.

После разворота над Соломине Алексей углубился в тыл противника и при пересечении дороги Белгород — Муром встретил большую колонну танков. Он круто развернул машину и пошел над дорогой, пытаясь сосчитать их. Теперь по ним стреляли. Вокруг «ила» замелькали трассы.

Алексей спросил у Степаненко:

— Сколько?

— Около тридцати коробочек, — ответил Владимир.

Истребители прикрытия несколько приотстали, и когда Степаненко заметил нагонявшие их четыре посверкивающие на солнце точки, он подумал, что это «яки». Но в следующую секунду его точно обожгло: «мессеры» шли чуть выше «ила» и с большей скоростью. По СПУ он передал Рогожину:

— Командир, сзади сверху на удалении четырехсот метров — две пары «худых».

— Действуйте, — ответил Алексей. — Я попытаюсь маневрировать, не дать им прицельно стрелять по нам.

«Видно, зенитчики вызвали их, — подумал тем временем Алексей, — и те поднялись по тревоге с какого-нибудь ближайшего аэродрома». Владимир же готовился открыть огонь по самолетам врага.

«Мессеры» разошлись: одна пара — вниз, другая стала заходить для атаки. Рогожин, решив, что лучшая защита сейчас — нападение, вошел в мелкий левый вираж, что давало выгодные условия для стрельбы из задней кабины и возможность почему-то отставшим «якам» быстрее настичь и отогнать «мессеров».

Этот маневр привел фашистских летчиков в недоумение, и они растерянно проскочили мимо. Но лейтенант Степаненко успел дать по ним несколько прицельных очередей.

Оказывается, подоспевшие истребители сопровождения на высоте проскочили вперед и теперь на лобовых шли в атаку на «мессеров», правая пара из которых все же успела, хоть и с большого расстояния, обстрелять штурмовик. Несколько пуль продырявили фюзеляж и плоскости, не задев жизненно важных его узлов.

Между тем первая пара «мессеров», проскочившая на большой скорости вперед, успела развернуться и пыталась атаковать «ил». Но истребители прикрытия, спикировав с высоты, отсекали их от штурмовика и заставили принять бой в невыгодных условиях. Один «мессер» был подбит и, распустив над Северским Донцом темный шлейф дыма, врезался в живописный берег, оставив памятником торчащий из земли крестообразный хвост.

Лейтенант Степаненко в этом бою израсходовал почти весь боекомплект. Но он был доволен: «мессеры», страшась его огня, так и не смогли подойти с задней полусферы и атаковать их самолет.

А вокруг солнце, высокое небо, тишина, только устало, натруженно работает сердце штурмовика. Рогожин осипшим от волнения голосом спросил Владимира:

— Живой?

— А куда я денусь? — ответил Степаненко. Помолчав, Алексей напомнил:

— Смотрите внимательней, а то «худые» могут опомниться.

Его распирала радость, сознание того, что они вышли победителями в этом трудном бою, и, не смущаясь, что, может быть, в этой победе помог случай, он поднял руку и закричал, но за рокотом мотора почти не услышал своего голоса:

— Я — Лешка Рогожин, ту-уляк!.. Фашистов луплю только так!

— Командир, а песенка у вас получается что надо. Припев уже, можно сказать, готов, а слова придумаем вместе.

Вернувшись на аэродром, Алексей доложил командиру полка о результатах разведки и сбитем совместно с «яками» Me-109. Матиков сурово посмотрел на него, на взмокший воротник гимнастерки, на спутанные, прилипшие ко лбу волосы, сказал:

— За разведку объявляю благодарность. А за расход боеприпасов... — Он помолчал, как будто решая про себя: наказывать или не наказывать Алексея.

А тот, воспользовавшись заминкой Александра Пантелеевича, нарушая все уставные нормы, по-мальчишески, по-петушиному сорвавшемся голосом прокричал виновато:

— Да я не затевал драку, товарищ майор! Они, бандюги, понимая, что мы разведка, хотели с нами расправиться. Ну а мы со Степаненко дали им прикурить. — И, сделав небольшую паузу, добавил: — Со страшной силой...

Все, кто был на КП, покатались от смеха. Майор Зак, когда все отсмеялись, с улыбкой произнес:

— По-моему, Александр Пантелеевич, тут вопрос решается просто: за эти решительные действия летчик и стрелок заслуживают поощрения.

Выждав время, Алексей попросил у командира полка разрешения обратиться к нему.

— Обращайтесь.

— Товарищ майор, — сказал Алексей со значительным, хитроватым выражением лица. — Чтобы в дальнейшем мне не было никаких упреков, прошу выслушать истребителей сопровождения. Тогда картина станет еще более полной.

— Огорчу тебя, младший лейтенант, — ответил Матиков. — Летчики прикрытия доложат где надо о твоём поведении. Но хочу еще раз напомнить, что разведка — это не полеты на штурмовку. Даже, если бывает стыдно, надо уходить от схватки. А пока не забудь — в двадцать один повторный вылет. Задание то же самое. Только маршрут

теперь пройдет севернее. Соломино не трожь. Там тебя еще помнят и постараются не упустить. — Помолчал, затем добавил: — Как корреспондент воюет?

— Отлично.

— Возьмешь опять?

— Так точно, товарищ майор. Мы хорошо слетались.

Изнурительными, опасными были эти разведывательные полеты над территорией противника. Но Рогожин и Степаненко справились с ними. Их донесения суммировались с другими, обобщались поначалу в штабе полка, затем передавались в дивизию, оттуда в корпус и в штаб фронта.

Это была, в сущности, обыкновенная ежедневная работа летчика и воздушного стрелка, работа, сопряженная с опасностью для жизни, но такая же, как, например, работа людей, поднимающихся рано утром, чтобы идти на завод, на шахту, на комбинат, где ничто не угрожало им, но иногда создавались условия, при которых крайне необходимо работать с полным напряжением сил, делать дело, не требуя наград.

Но как бы ни было в этой жизни тяжело, порой жестоко, она оказывалась щедрой и на доброту.

В эти напряженные предгрозовые дни, когда, казалось, им не будет конца, Алексей почти одно за другим получил от Жени три письма. Она писала, что лазарет переведен в другое место и поэтому увидеться им, вероятно, не придется — предстоит большая работа. Письма, написанные на листах, вырванных из школьной, в клеточку, тетради, дышали девичьей непосредственностью, трогательными просьбами беречь себя, но бить фашиста как полагается.

Ободренный и радостный, он ответил ей не менее горячо и нежно. Чувство его к Жене крепло с каждым днем, и самому себе Алексей представлялся теперь самым счастливым человеком на свете.

* * *

Пришла пора расставаться с Владимиром. В то утро они поднялись рано, посидели на завалинке вросшего в землю дома, глядя, как среди разорванных, с темной подпалиной облаков, поднимается ясное, спокойное солнце. Несмотря ни на что, природа бесстрастно вершила свои дела.

Степаненко вынул из полевой сумки блокнот, молча черкнул несколько строк, вырвал лист и протянул Алексею. Это были адреса Владимира — домашний и редакции газеты.

— Пиши, тулячок, как-нибудь на досуге, а я постараюсь написать что-нибудь о тебе, о наших полетах.

Алексей задумчиво кивнул, взял у Владимира карандаш и блокнот, пристроил его на коленях и тоже написал два адреса.

— Будет тоскливо — черкните, — сказал, возвращая блокнот. — Туляк будет рад прочитать и вашу корреспонденцию в газете и письма.

После завтрака они расстались, тепло, по-дружески обнялись. Алексей проводил Владимира до полуторки, поджидавшей его на краю аэродрома. Степаненко (ныне член Союза писателей. — В. Ш.) срочно отзывали в редакцию. Рогожин долго стоял, махая рукой и глядя вслед удаляющейся машине. Поднимался ветер. С запада наплывали темные тучи, сверкали далекие молнии. Приближалась долгожданная гроза.

Ночной налет

В начале июля 1943 года германское командование готовилось провести крупнейшую наступательную операцию. Основные удары по советским войскам оно предполагало нанести в двух направлениях: из района севернее Харькова группой

армий «Юг» и из района южнее Орла группой армий «Центр». Смыкая эти гигантские клещи в общем направлении на Курск, оно намеревалось окружить советские войска и уничтожить их. Эта операция получила кодовое название «Цитадель». С советской стороны удерживать оборону намечалось в основном войсками Воронежского и Центрального фронтов, занимавших Курский выступ. Одновременно Ставка Верховного Главнокомандования сосредоточивала в районах Курской дуги крупные резервы.

Как-то майор Зак собрал на аэродроме летчиков, ознакомил их с содержанием газет. Все сводилось к одному: на фронтах ничего существенного не произошло.

— Да, засиделись мы, — высказал общее настроение Павел Алексеев. — Пора и полетать, порасправить крыльшки.

Юрий Балабин искоса взглянул на него, усмехнулся:

— Успеешь еще опалить их...

Никто из летчиков не знал, что 2 июля Ставка предупредила командующих фронтами — генералов армии Ватутина и Рокоссовского о возможном наступлении противника между 3 и 6 июля и потребовала усилить наблюдение.

Ночь на 5 июля была туманной, тихой. Взлетали над передним краем осветительные ракеты.

На рассвете на вражеские войска, изготовившиеся к наступлению, на их батареи, танки, штурмовые орудия, стоявшие на исходных позициях, налетел огненный смерч.

Так, в преддверии летнего тихого рассвета, когда клубились в низинах туманы, еще спали птицы и ничто не тревожило предрассветную тишину, началась самая жестокая битва в истории Великой Отечественной войны.

* * *

А накануне вечером, 4 июля, летчики полка Матикова отдыхали. В совхозном клубе в честь выходного дня были устроены танцы. Со стороны фронта изредка доносило непонятный гул, а здесь, в клубе, при свете керосиновых ламп играл старый патефон. Летчики, старшим из которых было не больше двадцати четырех, задорные, веселые, лихо танцевали с принаряженными девушками стремительный фокстрот, кружились в вальсе, мечтали под медленное танго. На лицах светились радостные улыбки, девушки манили блеском чистых доверчивых глаз.

Молодость оставалась молодостью. Как командир звена Алексей старался держаться солидно, но это не могло удержать его на месте. Дважды он выходил в круг и, поправив пилотку, отплясывал так серьезно, как будто совершал какое-то важное дело. Ему долго хлопали, вызывали на бис, но он, выйдя из круга, встал рядом со стрелком, тезкой Лешей Голубевым.

— Душно как, — сказал Леша. — Гроза, наверное, к утру соберется.

Алексей промолчал. Присматриваясь к танцующим летчикам, недавно прибывшим в полк, он подумал о том, что в боях они еще не бывали и, должно быть, не совсем представляют, что это такое. Конечно, можно было с полной уверенностью сказать, что их еще мальчишеские натуры переполнены желанием встретиться с ненавистным врагом, обрушить на него всю мощь оружия своих штурмовиков, применить все свои знания, полученные в летных школах. Но для боя этого недостаточно. Побеждает самый умелый, сильный смелый.

Рогожин с той суровой опытностью, что дала ему война, внимательно вглядываясь в лица летчиков, думал о том, то не сегодня-завтра кто-то из них может не вернуться с задания. Омраченный этими думами, он взглянул на Лешу Голубева и сказал:

— Духота — это одно. А вот затишье по всему фронту — как оно тебе? — Недоброе затишье, — согласился Голубев, — предгрозовое.

Точно в ответ на их слова в дверях показался посыльный. Вид его был озабоченный. Он поднял руку, кто-то тотчас же выключил патефон, и посыльный во внезапно наступившей тишине громко произнес:

— Всем комэскам срочно к командиру полка!

На секунду-другую Алексей увидел лица командиров эскадрилий: Александрова, Елисеева, Багрова, обращенные к дверям, где стоял посыльный. На них не было растерянности, только недоумение, тревожное, смешанное с готовностью сейчас же выполнить любой приказ. А комэски уже протискивались к дверям.

Алексей взглянул на часы. Смутная тревога охватила его, и он тоже вышел из клуба. Ночь дышала горячеей, не успевшей охладиться землей, густым ароматом трав и натекавшим со стороны аэродрома запахом бензина. Во тьме слышались знакомые голоса.

— В чем дело? — пробасил Багров.

— Почему так поздно? — недоумевал Александров.

— Приказано, — отвечал посыльный.

Командир полка майор Матиков хмурился, видимо, был озабочен серьезностью предстоящего дела.

— Вот что, комэски, — сказал он, подходя к карте. — Из штаба дивизии получен приказ: сегодня перед рассветом уничтожить вражеский аэродром под Роганью. И, главным образом, — сжечь все склады горючего, которых там, по данным разведки, несколько. Маршрут и цель многим летчикам знакомы. Поэтому для подготовки к вылету даю сорок минут.

Александров тотчас же вернулся в свою эскадрилью, сообщил командирам звеньев о предстоящем задании.

Алексей почувствовал на лбу холодный пот. Он испугался за своих молодых летчиков — никто из них еще не летал ночью. «Это же очень сложно, — подумал он, — если не соьбют, то при посадке могут поломать шасси, дать «козла», да мало ли что?»

Но приказ есть приказ. Тем более комэск жестко добавил:

— На задания уходят все.

— Разрешите выполнять?

— Выполняйте!

При вырубивании на «иле» Рогожина лопнула трубка в системе охлаждения двигателя. Алексей выскочил из кабины. За ним прыгнул на землю стрелок Леша Голубев.

— В чем дело, командир?

А «илы» уже взлетали. Разноцветные сигналы аэронавигационных огней (АНО), прочертив стремительную линию над взлетной полосой, быстро исчезали во тьме. Над аэродромом гудели моторы. Рогожин подбежал к майору Матинову, кинул к виску ладонь, доложил о случившейся неисправности штурмовика.

— Ясно. Бери мой.

Алексей со стрелком побежали на стоянку к командирскому самолету. Бежать было далековато. Парашют за спиной становился все тяжелее. Но вот проступили в темноте очертания самолета.

— Разрешение есть? — спросил механик.

— Так точно! Залезай, Леша!

Невдалеке взлетали последние «илы». Взлетел и Алексей, присмотрелся к темноте: одна россыпь АНО помигивала слева, другая — чуть ниже справа.

Подлетели к аэродрому прикрытия, стали в вираж. Снизу, из темноты, взвилась зеленая ракета. Через минуту к эскадрилье пристроились истребители. Алексей улыбнулся: приятно, когда тебя охраняют.

Полет шел нормально. Но вот по сторонам фейерверком начали вспыхивать разрывы. Алексей, как при этом положено, закрыл бронешторку радиатора. «Уже зенитки, — подумал он. — Скорее бы к цели, ударить, сжечь все и — домой». Он снял с предохранителей все огневые системы штурмовика, еще раз проверил, надежно ли закрыт радиатор, и осмотрелся.

Очень сильный огонь справа. «Кто там — Марыгин, Горячев? И молодежь?» Но разрывы окружили его самолет, Алексею пришлось маневрировать. А вспышки разрывов неотступно следовали за ним, точно их притягивала неведомая сила. И казалась безуспешной затея уйти от них, спрятаться в густой темноте.

«Где же цель? — думал Алексей. — Скорее бы выйти на нее».

— Леша, как ты там? Держись, друг, сейчас выйдем на цель.

— Порядок, командир!

Мысль как можно быстрее и точнее выйти на цель овладела Рогожиным целиком. Впереди, на земле, мелькнули вспышки. Кто-то из впереди идущих уже начал сбрасывать бомбы. Алексей устремился туда, вспышки разрывов, окружавшие его, исчезли, только на земле пронзали темноту острокинжальные отсветы огня.

Рогожин понял, что находится над аэродромом, который он хорошо изучил, пролетая над ним не один раз, сориентировался и вышел на северную его окраину, где размещались бензохранилища. Снизился метров до пятидесяти и в смутном свете горящих от бомбовых ударов самолетов увидел емкости, вкопанные в землю. Горкой поднялся выше и, пикируя, ударил по ним. Широким полотнищем, жадно припавшим к земле, вспыхнул, расплескался огонь, потом все закрылось дымом, но пламя вздыбилось, и сверху заплясали коптящие оранжевые языки. Стало светло как днем. Багровые грибовидные клубы взметнулись к небу — «ил» мягко подбросило вверх, Алексей едва удержал его в равновесии, зашел еще раз и сбросил бомбы в эту клубящуюся массу огня и дыма.

Развернувшись и став на обратный курс, он был уже во власти забот о своих ведомых, скомандовал по радио:

— Если не развиднеет, садиться будете по мне. Прежде чем приземлиться, прошли над аэродромом, присмотрелись. Вскоре внизу в предрассветной дымке вспыхнула цепочка огней, и Алексей повторил ведомым:

— Садитесь по мне.

И первым пошел на посадку. Приземлились удачно. Только один из новичков, садившийся последним, слегка «споткнулся», самолет его поставило под углом к посадочной полосе, но он успел исправить свою ошибку. Алексей зарулил на стоянку, устало прислонился к спинке. И тут услышал голос стрелка:

— Командир, выключи АНО.

— Вот это я дал, — откликнулся Алексей. — Как это мы так опростоволосились?

Но нет худа без добра: аэронавигационные огни на штурмовике Рогожина привлекли внимание противника, и кто знает, возможно, он заслонил собой кого-то от смертельной опасности.

В этом ночном боевом вылете отличился Николай Елисеев. Он хорошо знал местность и забрался дальше аэродрома, пролетел над Роганью и, заметив у подъезда одного из домов скопление легковых машин, решил, что там происходит какое-то совещание. Николай набрал высоту и с пикирования ударил по зданию эрэсами. Вверх в клубах дыма и огня взлетали каменные обломки, взрывом опрокинуло, отбросило от рухнувшего подъезда легковые автомашины, а Елисеев, никем не преследуемый, вместе со всеми спокойно вернулся к себе на аэродром.

Уже гораздо позже узнали от партизан, что в ту ночь прилетевший из Германии штурмбанфюрер СС вручал в том доме своим летчикам награды, а затем отбыл на аэродром. Усаживаясь в свой комфортабельный Ю-52, он услышал в ночном небе гул

моторов, но не придал этому значения. А в следующий момент на аэродром посыпались бомбы, и одна из них разнесла «юнкерс» вместе со штурмбанфюрером и экипажем.

А вражеские летчики, собравшиеся на банкет, были погребены под обломками здания, рухнувшего от прямого попадания эрэсов.

Приказ был выполнен, на аэродром вернулись без потерь. Все были довольны так успешно закончившимся трудным боевым вылетом. Долго рассказывали друг другу об увиденном и пережитом. Особенно радовались новички: «Оказывается, и мы что-то умеем».

Выступивший на разборе командир полка, хоть и объявил всем участникам боевого вылета благодарность, однако отметил, что впредь всем необходимо серьезнее готовиться к выполнению задания, особенно развивать наблюдательность, запоминать происходящее на земле и в воздухе. Надо постоянно изучать противника, знать его новые тактические приемы и совершенствовать свое мастерство.

Матиков отыскал глазами сидевшего рядом с Александровым Алексея и продолжил:

— В сегодняшнем ночном боевом вылете младший лейтенант Рогожин при подлете к цели забыл выключить АНО. Это говорит о том, что мы плохо смотрим друг за другом в полете. Но такая ошибка, можно сказать, случайно породила новый тактический прием. Рогожин в нужный момент отвлек на себя большую часть зениток и тем самым дал возможность другим экипажам прицельнее отбомбиться и атаковать. Враг понес ощутимые потери. В дальнейшем при похожей ситуации мы попробуем повторить этот прием. — Помолчав, решительно добавил: — Вот что. День сегодня будет напряженный, поэтому приказываю до десяти часов отдыхать.

Все встали и быстро разошлись по домам. Утром 5 июля стало известно, что противник перешел в наступление в районе Курской дуги. На участке фронта Соломино — Безлюдовка были наведены мосты через Северский Донец.

Полк Матикова получил приказ под прикрытием истребителей уничтожать в первую очередь переправы, технические средства и живую силу. Летавшие с утра на разведку летчики доложили, что фашисты продолжают переправляться через реку, в районе Соломино обнаружено большое скопление живой силы и танков, на всем участке фронта идут тяжелые бои.

В назначенный час собрав всех на совещание, майор Матиков познакомил летчиков с обстановкой.

— Сегодня, — сказал он, сдерживая волнение, — нам предстоит тремя группами в разное время нанести штурмовой удар по переправам и живой силе и технике противника. Первую группу из восьми самолетов в четырнадцать часов поведу я. Вторую — из двенадцати в шестнадцать часов поведет капитан Елисеев. Третью в девятнадцать часов — капитан Козленко. Маршрут полета будет такой: аэродром истребителей прикрытия — Шебекино — Разумное.

Боевой порядок правый пеленг пар в четверках и шестерках. Атаку производить с высоты восемьсот — четыреста метров тремя заходами с левым разворотом на свою территорию. За подбитыми и отстающими ведут наблюдение задние самолеты.

Пока мы будем на задании, всем остающимся здесь надо успеть подготовиться и перелететь на новый аэродром Волоконовка. Оттуда будет быстрее и удобнее добираться до цели. Вопросы есть?

Вопросов не было. Все расходились по своим самолетам в суровом молчании. Алексей шагал рядом с друзьями и не знал, что увидит их лишь через несколько дней: там, недалеко от переправы через Северский Донец останется лежать его новая машина под номером «14», а сам он вместе со стрелком, с парашютами и приборами за плечами, пешком да на попутном транспорте вернется в полк.

По ком плачет чибис?

В тот же час младший лейтенант Мурачев со своим нештатным стрелком и механиком по вооружению сержантом Коганом по приказу Матикова вылетел на запасной аэродром. Собственно, «главным» в этом полете был оружейник. Ему поручили срочно организовать на новом месте заправку боеприпасами прибывающих туда прямо с боевого задания штурмовиков.

На аэродроме их встретили техники стоявшего здесь штурмового авиаполка. К ним подошел коренастый сержант, козырнул.

— Старший группы оставшегося техсостава, — доложил он Мурачеву и назвал свою фамилию.

Коган, выступив вперед, поинтересовался:

— Фашист тревожит?

Сержант пожал плечами и как бы нехотя ответил:

— Летает.

— «Мессера»?

— Да, пролетали и «юнкерсы».

— Ну и что?

— Вроде бы принимают. Еще не поняли, что это и есть тот аэродром, с которого их долбают.

— И вас пока не обнаружили?

— Конечно. Сам видишь, маскировочка что надо. Сержант покосился на Мурачева: «Что же это такое? Этот обо всем допытывается, а офицеру вроде бы и дела нет». Но рассудил правильно: на войне всякое бывает. Узнав, где находятся боеприпасы и горючее, Коган попросил сержанта и его товарищей доставить все ближе к стоянкам самолетов. Пояснил:

— Через час прилетит эскадрилья «илов». У нас всего полчаса на подготовку к боевому вылету. Понятно?

— Чего ж тут непонятного. Только у нас тоже технарей не густо осталось. Основной состав уже там, на новом аэродроме.

Бойцы принялись подносить из капониров ящики со снарядами и патронами, подвозить на тележках бомбы. Коган и Мурачев помогали оружейникам. Те между делом интересовались, как идут дела в полку, нашлись и общие знакомые. Сержант, молча таскавший ящики, неожиданно спросил:

— Как там Коля Сретенский?

— Сретенский? Шашист наш?

— Мастер спорта Союза, — значительно поправил сержант и укоризненно покачал головой.

Коган усмехнулся.

— Да вроде бы все нормально у него. В свободную минуту играет. Конечно, всех бьет, да еще как.

— Во-во, — оживился сержант. — Только меня почему-то не мог одолеть. Все ничья у нас с ним получалась. — Сержант оглянулся — слышит кто или нет. Но все были поглощены работой. — Ладно. При случае привет ему передавай. Давненько я его не видел. Сержант Дорочевский, мол, кланяется. Он знает меня.

— Да что там, — ответил Марк, — он сегодня-завтра будет здесь, сам и передашь. А вон и наши летят. Сейчас мы их обслужим и вперед!

* * *

На штурмовике Мурачева были заряжены пушки и пулеметы, подвешены эрэсы и бомбы. Михаил доложил ведущему о готовности к полету и начал взлет. Шли под прикрытием «Яковлевых».

Минут через десять полета Коган увидел, как в стороне мельтешат крохотные силуэты самолетов. Присмотрелся. «Эх, мать честная! — воскликнул про себя. — Подожди. Да что это такое?» Мурачев ведет штурмовик по прямой, ровно гудит двигатель. «Не видит он, что ли?» Нажал на кнопку СПУ: «Командир, посмотри вправо». Когда подошли поближе, поняли: штурмовики и истребители прикрытия ушедшей вперед группы сцепились с «мессерами».

Воздушный бой разгорался. «Иль», отштурмовав переправу у Соломино, были атакованы большой группой фашистских истребителей. Часть из них была задержана «яками», а часть все же смогла прорваться к «илам». Штурмовики встали в оборонительный круг и, постепенно оттягиваясь на нашу территорию, увлекали за собой «мессеров», которые не теряли надежды расправиться с «горбатыми». Но воздушные стрелки короткими очередями отгоняли их, не давали подойти и атаковать. «Надо бы выручить ребят», — думал Коган, внимательно следя за хвостом своей машины. «Ил», сбросив бомбы и отстрелявшись, выходил из атаки с набором высоты. Марк тотчас же увидел, как два «мессера» отвалили от группы и на большой скорости рванулись к потерявшему скорость штурмовику. Высота была небольшой, всего метров пятьсот. «Худые» быстро догоняли. Не отрываясь от прицела, Коган сказал Мурачеву:

— Командир, сзади на удалении четырехста метров два «месса».

«Ил» тотчас же начал противоистребительный маневр. А «мессеры» не отстают, пристраиваются: один ушел чуть вправо, а второй нырнул под фюзеляж, и Марк не мог его видеть. «Вот сволочь», — выругался он и, помогая себе руками, поднялся в кабине во весь рост, пытаясь осмотреть нижнюю полусферу. «Тьфу, где же он? — А самого уже охватило знакомое напряжение. — Сейчас будет стрелять». Марк сел на место, прижал к плечу приклад пулемета, внимательно присмотрелся. «Мессера» не было видно. И вдруг он вынырнул метрах в ста и встал в хвост.

«Серьезный фашист попался», — отметил Марк. Ему бы нажать на гашетку, но у него как у механика по вооружению была такая привычка: при пристрелке пулемета бить по цели двумя-тремя патронами — это всегда оказывалось результативней.

«Мессер» продолжал уверенно и нахально идти в хвосте «ила», готовый в любую секунду открыть огонь. Но Коган не терялся, прицелился, дал короткую очередь. В ответ «мессер» замигал красноватыми огоньками своих пушек, и тут же Марк услышал грохот осколков по фюзеляжу — и снова за пулемет. «Мессер» не отстает. Коган нажал гашетку в третий раз. Ствол пулемета дернулся, навстречу «худому» понеслась трасса. Но «мессер» шел как ни в чем не бывало. И снова Марк увидел огоньки, а вслед за ними, где-то у самого лица, раздался сильный взрыв и — темнота.

Он никак не мог сообразить, что произошло, оцупал себя и тут понял: лицо закрыл шлемофон. Резким движением сорвал его — в глаза ударил яркий солнечный свет. Из бронещитка разорвавшимся снарядом выбило кусок металла. «Вот это да, — изумился он. — Вот так садануло, аж шлемофон соскочил на нос. Та-ак».

Марк поднял глаза от бронещитка — «мессер» продолжал висеть в хвосте. Медленно и даже слегка склонив голову, Коган поднял пулемет, прицелился. Нажал на гашетку — тишина. Тогда он правой рукой принялся нащупывать ручку перезарядки, не сводя с «мессера» глаз, делал это машинально, но ручки не было, перевел взгляд вниз, под ноги: там, на полу, лежали ящик с патронами и рукав для ленты. В отчаянии он выпрямился, поднял голову.

«Мессер» вдруг убавил скорость, накренился и с дымком, шедшим из-под капота мотора, скрылся в западном направлении. «Чего это он? — подумал Марк, задыхаясь от дыма, наполнявшего кабину, и догадался: — Наверное, патроны кончились или горячее. А может, я сбил его? Да и он нас, кажется, серьезно покалечил».

За самолетом, завиваясь, волочился длинный шлейф черного дыма.

Коган открыл люк бронекорпуса, посмотрел туда — огня не было видно. «Значит, масло горит», — подумал Марк. Он повернулся к Мурачеву, привстал. Тот спокойно держал ручку управления и смотрел вниз, готовился сажать покалеченную машину.

И вдруг мотор заглох. Наступила тишина. Коган посмотрел вниз и увидел, что кончилось плоскогорье и под самолетом разверзлась глубокая впадина. Мурачев, наклонив машину, начал планировать.

«А что, если врежемся в противоположный край этой низины?» — подумал Марк. Прыгать было уже поздно. Он спокойно сел на место, уперся руками и ногами в стенку кабины и приготовился к встрече с землей. Тут же ощутил, как летчик начал выравнивать машину. Он осторожно поднял голову: под ними снова была равнина, ручеек извивается, кустики топорщатся на берегу.

Штурмовик, теряя скорость, садился на фюзеляж. «Ох, Миша, Миша, ну ты даешь», — успел подумать Марк. Машина, громыхая гондолами шасси, уже тащилась по земле, оставляя глубокие борозды. Раздался сильный скрежет: радиатор, видимо, зацепился за что-то твердое. Самолет развернуло, хвостовое оперение его приподняло и грохнуло о землю. Тут же задняя часть фюзеляжа отвалилась от бронекорпуса, отъехала в сторону.

Ошарашенный Марк с каким-то безразличным видом нагнулся под турельное кольцо пулемета и вышел из своей разодранной надвое кабины.

Самолет с загнутыми концами мощного трехлопастного винта, прижав к земле свои широкие, чуть откиннутые назад крылья, продолжал чадить. Дымные беловатые жгуты выползали откуда-то из-под капота и, подхваченные легким ветерком, нехотя поднимались ввысь.

Взглянув на кабину летчика, Коган увидел разгневанное лицо командира, пытавшегося сдвинуть назад подвижную часть фонаря.

— Сейчас помогу, командир, — крикнул Марк и поспешно вскочил на крыло.

Но все их совместные усилия были тщетны. Кабина пилота не открывалась. Осколок снаряда заклинил фонарь и, чтобы отодвинуть его, надо было чем-то отогнуть рваный металл. Однако ничего подходящего под руками не было. Тогда Марк, выхватив из своей кабины ракетницу, несколькими ударами рукоятки отогнул заусенец. Мурачев поспешно выбрался на крыло, отстегнул карабины, сбросил парашют, медленно обошел самолет, присел на траву и тихо со вздохом произнес:

— Все. Отлетелся наш «Илюша».

И столько было жалости и недоумения в голосе Михаила, что Коган присел рядышком, обнял его за плечи. Мурачев молча достал платок, вытер пот с лица и, сглатывая подступающий к горлу комок, уставился на распластавший крылья самолет.

Посидев, они поднялись, осмотрелись. Тишина. Насколько хватало глаз, стлалась перед ними в знойном мареве степь. Сверху лилась трель жаворонков да изредка раздавался тревожный плач чибиса. Он беспокойно летал над поверженным самолетом и спрашивал: «Чьи вы? Чьи вы?»

— Не волнуйся, родная птаха, — поднимаясь, сказал Мурачев. — Мы не хотели тебя обидеть. Вот отгоним проклятого фашиста, и будешь ты мирно жить здесь со своим хохлатым потомством.

— А правда, командир, печальный крик у него, — задумчиво сказал Марк, — прямо за душу берет. Как там наши? Все ли вернулись?..

— Подожди немного. Вот придем домой и узнаем. Снизу по балке во весь опор к ним скакали четыре всадника. Подъехав и не слезая с лошадей, старший спросил: — Медицинская помощь нужна?

— Нет, — ответил Мурачев.

— Хорошо, но вы тут долго не рассиживайтесь. Линия фронта в полутора километрах. Все может случиться.

Они пришпорили коней и той же балкой поскакали назад.

Ручеек оказался небольшой речкой с камышовыми зарослями. Хотелось пить. Прихрамывая, Коган двинулся к реке.

— Стой, командир, что-то нога болит, нет мочи. Должно, мякоть задело...

Они с трудом стянули сапог. Нога уже начала распухать. Из раны сочилась кровь. Доковыляв до берега, Марк обмыл и перевязал рану. Потом переобулся, почувствовал себя лучше.

— Надо же, — горевал он, вспоминая конников и сумку с красным крестом, — можно было обработать рану как следует.

— Да не расстраивайся ты, дойдем потихоньку.

Мурачев снял с самолета радиостанцию, часы, компас, все это положил в кустах и сказал:

— Ты посиди здесь, а я пойду сдам машину местному начальству или найду какую-нибудь воинскую часть. — И он зашагал к селению, разбросавшему свои белые хатки по берегу реки. Минут через сорок он вернулся со справкой. Вместе с ним пришли три женщины. Они принесли хлеб, молоко, яйца, уселись возле Марка, со слезами на глазах разглядывали раненого.

Из-за кустов ивняка, подталкивая друг друга и шмыгая носами, появились деревенские мальчишки. Вперед выступил узкоплечий, лет тринадцати, паренек с засученными до колен штанами, с потресканными, в цыпках ногами.

— Товарищи летчики, — спросил он, — можно посмотреть ваш самолет?

— А почему нельзя? Можно, — ответил Мурачев. — Только у меня для вас будет ответственное, военное поручение. До приезда механиков надо покараулить самолет. И еще вот что: ничего не смейте трогать. Сегодня нарубите веток и замаскируйте штурмовик. Сделайте так, чтобы он издали был меньше заметен. Понятно?

— Понятно, — ответил мальчик с цыпками. — Все сделаем, как вы сказали. Обещаем. Сейчас сбегает за топорами и примемся за работу.

Летчики встали, поблагодарили женщин и пошли в указанном ими направлении. Ребята молча сопровождали их, помогали нести парашюты. Вскоре они вышли к грунтовой дороге.

Летчики попрощались с ребятами, сели в попутную полуторку. Им встретилась колонна танков. Сверху ее прикрывали истребители.

Шофер поворачивал вправо, и летчики, поблагодарив его, вылезли из кузова. Отойдя на обочину, они присели и с замиранием сердца смотрели на эту великую силу, движущуюся в сторону фронта. И так весело и надежно стало у них на душе, что хотелось петь.

— Ну и лавина, — улыбался Мурачев, — слышишь, Марк, аж земля трясется.

— Тут и глухой услышит. Ух, и намнут они бока фашистам.

— Вот настал и наш черед. Такую силу им не удержать на своем хребте, сломается он здесь.

«Пусть ярость благородная вскипает, как волна...», — запел Марк, вставая с земли. Михаил подхватил слова известной песни, и они под грохот и рев моторов тяжелых танков двинулись вдоль дороги.

До аэродрома оставалось пять километров, но идти становилось все труднее. Нога у Марка болела, и они все чаще отдыхали. На одном привале около них остановилась черная «эмка», из нее вылез полковник. Узнав, что они летчики с подбитого «ила», предложил подвезти до аэродрома.

Через несколько минут однополчане уже обнимали Мурачева и Когана. Марка отвезли в санчасть. А спустя четыре дня он, прихрамывая, вернулся на аэродром. Работать оружейником было еще трудно, и командир полка разрешил ему летать с Мурачевым на боевые задания в качестве воздушного стрелка.

Удар по «тиграм»

Накануне вечером из штаба дивизии был получен очередной приказ. По разведанным в указанный район прибывали один за другим эшелоны с танками, которые противник намеревался сразу же бросить в бой. Приказ был краток: во что бы то ни стало помешать разгрузке и уничтожить вражескую технику.

Задание не из легких. Станция была в буквальном смысле нашпигована зенитной артиллерией. Александр Пантелеевич решил вести полк сам. Утром он еще раз связался с командиром 247-го истребительного авиаполка подполковником Кутихиным:

— Приветствую, Яков Николаевич, как настроение?

Услышав оптимистический ответ, Матиков напомнил:

— Итак, сегодня в семь ноль-ноль вылетаем с твоими орлами. Задачу мы уточнили с тобой вчера вечером. Будь добр, не запаздывай.

— Не беспокойся, Александр Пантелеевич, — ответил Кутихин. — Мои орлы всегда наготове. Было бы дело.

Штурмовиков и истребителей связывала крепкая дружба. Полк Кутихина, прибывший в район базирования штурмовиков, уже не один раз успешно прикрывал «илы», участвовал в боях. Были в полку смелые, отважные летчики: Василий Шевчук, Степан Карнач, Иван Базаров, Николай Буряк, Анатолий Шаманский, Николай Шутт и другие. Под их надежным прикрытием штурмовики чувствовали себя уверенно.

В назначенный час три шестерки «илов» в сопровождении двенадцати «яков» взяли курс на Борки. Бомбовая нагрузка штурмовиков была увеличена. Помимо средних бомб, они имели на борту противотанковые авиабомбы, которые при малом весе и габаритах прожигали мощную броню «тигров» и «пантер», к тому же каждый штурмовик нес под плоскостями по восемь эрэсов и боекомплект к пушкам и пулеметам.

Далеко внизу в сизой дымке медленно проплывала земля: темно-зеленые острова лесов, извилины серебристых речек, взблескивающие пятна озер, игрушечные деревеньки и села.

— Приготовиться! — прозвучало в наушниках. — Приближаемся к позициям противника.

Рогожин повернул ручку бронешторок. Плотно, неслышно сомкнулись их створки. И сразу за колпаком кабины сверкнули огненно-белые клубки разрывов.

Ведущий Павел Алексеев начал маневрировать. Рогожин потянул ручку управления на себя и, не давая крена, нажал на правую педаль. Штурмовик пошел вправо и вверх.

В наушниках слышалось легкое потрескивание да надрывно гудел двигатель. Кажется, кругом не было никого. «Где там Синенков, Балабин?» Краем глаза Алексей увидел их. «Летят, летят мои товарищи!» Зенитный огонь стал ослабевать. Напоследок фашисты дали залп из крупнокалиберных — огромные черные шапки зловеще повисли сзади. Тут Рогожин вспомнил о Леше Голубеве, включил СПУ:

— Как жизнь?

— Вся в цветах салюта, — хриловато ответил Леша. — А как у вас?

— Точно из воды вылез, — пошутил Алексей.

— Держись, командир!

— Держусь...

В наушниках снова раздался голос Матикова:

— Приближаемся к цели.

Уже видны станционные постройки, узенькие расходящиеся и сходящиеся пути. Тупичок. Неприметная, затерянная среди степей, тихая и на удивление зеленая станция не ждала удара.

Алексей пристально присматривался к земле, не было заметно никакого движения — все как будто вымерло. За окраинами поселка тянулось бесконечное жнивье с разбросанными тут и там копнами соломы. На всякий случай по команде Матикова штурмовики стали в боевой круг. Прошли над станцией и полем. Тишина. «Что за черт, — подумал Алексей. — Уж не сюрприз ли какой фашисты устроили?»

Снизились до бреющего. Под крылом стремительно бежало перекрещенное следами машин серое жнивье. Молчали лесозащитные посадки, окаймляющие поле. Алексей всматривался в узкие полоски леса: уж если есть зенитки, то наверняка прячутся здесь, на станции им укрыться негде.

Сделали круг, потом еще один. По-прежнему было тихо. И вдруг штурмовик младшего лейтенанта Юрия Балабина сделал горку и, с левым разворотом войдя в пикирование, ударил из пушек по одной из многочисленных копен, в беспорядке раскиданных на широком поле.

— «Заря-четырнадцать», — раздался в наушниках голос Матикова. — Немедленно прекратить.

«В самом деле, зачем он бьет?» — подумал Алексей. Но каково же было удивление, когда он увидел, как копна вспыхнула и от нее повалил густой черно-масляный дым. «Так солома не горит», — успел подумать Алексей, а в наушниках — снова голос Матикова, неожиданно удивленный, радостный:

— В атаку по копнам! Под ними танки! Вперед!

Алексей потянул ручку на себя и с левым разворотом вслед за Павлом вошел в пикирование. Другие самолеты, следуя друг за другом, тоже ныряли вниз, били эрэсами и короткими очередями из пушек по копнам. Дым и огонь застлали поле. Не выдержав дерзкой атаки «илов», задирая стволы и волоча за собой клоки соломы, расползались по полю «тигры» и «пантеры» с черно-белыми крестами на башнях. Медленно и тяжело двигались они по жнивью, а сверху на них сыпались ПТАБы, и те, что ударялись о металл танков, взрывались и тотчас же над свастикой густо взвивался черный, с коптящими лохмотьями дым.

— Так их! Бей! — сквозь стиснутые зубы шептал Рогожин и, выбрав очередную цель, нажимал кнопку электробомбосбрасывателя.

Все поле заволочло сплошным дымом, а штурмовики в разрывах зенитных снарядов наносили удар за ударом, пока в наушниках не раздалась команда Матикова:

— Я «Заря-сорок», конец работы, идем домой.

Минуты риска

Враг, не считаясь с большими потерями в живой силе и технике, продолжал рваться к Обояни. Отсюда он намеревался нанести удар на Курск. С высоты полета можно было видеть, как по затянутым пылью дорогам ползли и ползли вражеские танки. Они шли большими группами, тяжело колыхаясь на рытвинах. Над ними постоянно висели самолеты. На смену одним прилетали другие.

В небе под палящими лучами солнца завязывались ожесточенные схватки. На земле бронированную мощь врага встречали артиллерия, врытые в землю самоходные установки, «катюши», минированные участки, заградительные противотанковые сооружения.

Прорываясь сквозь зенитный огонь, отбиваясь от «мессеров», штурмовики наносили по танкам и живой силе удары и под прикрытием истребителей уходили на свои аэродромы, чтобы пополниться боеприпасами и горючим, а затем снова появиться над полем боя.

В начале этого дня полк майора Матикова уже дважды поднимался в воздух, нес потери, и по останкам сбитых самолетов, как печально отмечали летчики, можно было без труда найти дорогу из района Обояни на свой аэродром.

Эскадрильи взлетели в третий раз, вернулись с многочисленными пробоинами в крыльях. Летчики были утомлены. Только глаза да зубы белели на запыленных лицах.

Пока механики и вооруженцы готовили машины к очередному вылету, летчики уходили под тент, стаскивали с себя мокрые от пота гимнастерки, бросались на траву, но и это не спасало. Земля дышала сухим жаром.

Официантки с виноватыми лицами приносили еду, но летчики почти не притрагивались к пище: просили воды и только воды.

Павел Алексеев успел накоротке поговорить с Тоней. Девушка не скрывала своих чувств. Улучив момент, она отвела его в сторону, в глазах ее таилась тревога. Тоня, волнуясь, легонько дергала Павла за портупею и шептала:

— Будь осторожнее, Павлик... Слышишь? Молю а прошу тебя во имя нашего будущего...

— Ну что ты, Тоня. Кто мечтает о победе, тот о смерти не думает.

Павел улыбался. Лицо его, пропеченное солнцем, будто вытянулось. Откинув голову, Тоня как будто издали присматривалась к нему и жалость переполняла ее.

— Ничего, Тонечка, со мной не случится, — говорил он. — Дай мне еще водички.

— Ты умойся, Павлик, — просила Тоня. — Будет легче. Павел не слушал ее, размашисто ладонью провел по лицу, стирая соленый пот.

— Да разве так делают? — вздыхала девушка. — Ты ведь пыль втираешь в кожу.

И принималась батистовым платочком вытирать пот вокруг его глаз.

Борис Синенков прошел мимо, улыбнулся, стеснительно отвел глаза. Рогожин издали махнул рукой: «Пора!». Павел отстранился от Тони, и она горестно кивнула ему головой, сжимая в руках платочек. Павел не любил прощаться перед вылетом и делал так, будто отлучается всего на минуту. Тоня обижалась, хотя понимала его.

Когда штурмовики, сделав над аэродромом круг, ложились на курс, девушка смотрела им вслед до тех пор, пока они не исчезали в небе и не смолкал гул их мощных двигателей. Повздыхав, она уходила в столовую, ловя на себе взгляды подруг, и ждала, ждала. И все эти семьдесят — девяносто минут казались обжигающей душу вечностью.

* * *

...Под крылом раскаленная степь. Из конца в конец на далеких горизонтах поднимаются к небу черные клубы дыма. Воздух пронизан испепеляющим светом солнца. По сторонам и впереди плывут, чуть опустив хвосты, тяжело груженные штурмовики. Где-то над ними бдительно следят за воздухом стремительные «яки».

Зеленоватое степное раздолье расстилается вниз. Черными вытянутыми пятнами выделяются пепелища сел и деревень. Тут и там догорают пожары. Вокруг все изрыто, взорвано, перемешано с землей. Прерывистой нитью тянутся ломаные, бесконечные линии траншей. Поодаль застыли с опущенными и сорванными башнями, с распластанными гусеницами танки. Широким, веерообразным полукругом шли они, спускаясь в низину, и теперь стоят, изуродованные, обгорелые, а рядом, почти лоб в лоб, прикрывая позиции артиллеристов, виднеются знакомые очертания тридцатьчетверок. И ничего живого, только обжигающий свет стоит над этим черным остовом степи.

Штурмовики низко проносятся над позициями. Мелькает в стороне шоссе. Скрываясь в низинах и вновь появляясь, оно натянутой тетивой уходит на север, на Обоянь. Летчики видят, как с юга по этой серой изрытой оспинками воронок дорожной артерии сплошной лавиной движутся танки.

— Приготовиться к атаке по колонне! — звучит в наушниках команда.

«Сколько их там? Сотня, полторы?» — думал Алексей, видя, как машины фашистов начали расползаться в разные стороны от шоссе. Они медленно рассредоточивались, осторожно обходили неровности почвы, выбирались на простор и, развивая скорость, устремлялись вниз. Шоссе будто накренилось под тяжестью

сползающих одна за другой в несколько косых рядов стальных громад. Пыль, осевшая на обочинах, поднималась в воздух, ухудшалась видимость.

Штурмовики, еще не успев развернуться для атаки над рассредоточенной колонной, были атакованы «мессерами». Солнце светило в левый бок кабины Алексея.

Он вначале не заметил, как из этого блистающего яркого диска вывалились на него два «мессера», успел только крикнуть по СПУ Леше:

— Смотри за хвостом! — Затем, рванув ручку на себя, ушел вверх, ближе к своим истребителям.

Но и там было не лучше. Четверка «яков» уже металась над атакующими «илами», отгоняя многочисленную стаю «худых». Почти незаметные в солнечных лучах блеклые трассы связывали ревущие машины в единый вращающийся клубок. На какое-то время оторвавшись от «мессеров», Алексей бросил свой штурмовик в крутое пике. Стремительно приближалась серая степь с разбросанными, медленно ползущими, почти невидимыми в пыли, приплюснутыми коробками танков. «Успею разок-другой атаковать, — подумал он и, взяв небольшое упреждение, нажал кнопку эрэсов. — Получайте подарочек!»

Перед танком взметнулись черные султаны, сверкнуло острое пламя. А сзади были «мессеры». Алексею почудилось, как над кабиной пронеслась очередь.

— Леша, как?

— Смотрю. Стараюсь не подпускать.

— Держись. Уходим на высоту.

Только вывел машину из пикирования и начал поднимать нос, как опять увидел «мессеров». Они поджидали внизу. Снова пронеслись режущие трассы и, оставив дымный след, ушли в пустоту. Леша вдруг закричал:

— Есть один, командир!

— Молодец! Так держать!

Набрав косой горкой высоту, Алексей кинул машину в повторное пике. Внизу уже волоклись над степью черные дымы. Траурно-красными свечами горело несколько танков. Рядом взорвалась чья-то машина, и куски фюзеляжа, беспорядочно кувыркаясь, остались позади. Мелькнула мысль: «Чей?» Подбадривая Алексея, Леша прокричал:

— Жми, командир! «Худые» подходить боятся.

Алексей вдавил кнопку эрэсов и в следующий миг потянул ручку управления на себя. Внизу полыхало пламя. «Кажется, удачно я сейчас врезал», — подумал он. И тут же снизу раздался удар, штурмовик вздрогнул.

— Леша, как у тебя?

— Порядок. Но, кажись, в шасси попал снаряд.

— Как там наши?

— Вроде бы нормально. Только Боря пошел на снижение. С дымом и огнем.

— Какой Боря?

Но ответа не последовало. Алексей оглянулся. Два «мессера», посверкивая вспышками на плоскостях, били по штурмовику сзади, и Алексей почувствовал, как обильный пот струями потек за воротник, — сейчас его самолет был отличной мишенью.

Выручили Алексея истребители прикрытия. Два «яка» вывернулись со стороны солнца и атаковали «мессеров». Очередью подбили одного, и тот отвернул в сторону, второй, видимо, не желая оставлять своего ведущего в одиночестве, пристроился к нему, и они со снижением ушли на свою территорию.

Один из «яков», поравнявшись с «илом», убрал газ, качнул крыльями. За прозрачным колпаком кабины Алексей увидел знакомое, сосредоточенное лицо капитана Василия Шевчука. Алексей в знак благодарности помахал ему рукой. Еще раз качнув крылом, истребитель ушел вверх.

Теперь надо было осмотреться. Внизу на затянутой дымом земле все еще двигались оставшиеся невредимыми танки. Они беспорядочно расползались по степи, ища спасения, но вокруг было голо.

Делая разворот, Алексей пронесся над траншеей. Среди пыли, развороченной земли, среди обломков металла и дерева сражались наши артиллеристы.

— Держись, братцы! — закричал Алексей и, набрав высоту, ударил по танкам.

На аэродром возвращались, преследуемые «мессерами». Видно, обозлила эта удачная штурмовка фашистских летчиков, и они назойливо лезли в драку. «Яки» совсем замотались, защищая штурмовиков.

Свободно вздохнул Алексей, когда «мессеры» вдруг поотстали, видимо, горячее было у них на исходе. Машины выстроились в растянутый пеленг и не спеша потянулись домой. Недалеко от аэродрома истребители отделились, покачали на прощание крыльями и пошли к себе. Штурмовики один за другим начали заходить на посадку. Поджидая своей очереди, Алексей стал выпускать шасси. Но машину вдруг качнуло, и внизу кабины как будто что-то хрустнуло. На щитке приборов загорелась только одна зеленая лампочка. Тотчас же в наушниках прозвучал голос Матикова.

— Рогожин, будешь садиться последним. У твоей машины отвалилось правое шасси. Смотри в оба. — Матиков помолчал. Потрескивал эфир. Потом, вздохнув, Александр Пантелеевич спросил: — Сядешь?

— Сяду.

— Давай, мы поможем. Только спокойно, не волнуйся.

Как полагается, Алексей дал левый крен и выключи двигатель, чтобы при ударе машина не загорелась. Вот уже до земли осталось двадцать, десять сантиметров, наконец, толчок, и Алексей, точно выдерживая крен, с облегчением ощутил, что самолет устойчиво бежит на одном колесе, чуть подрагивая, готовый в любую секунду опустить правое крыло и тогда не миновать самого страшного.

Все, кто был в эти минуты на аэродроме, затаив дыхание, следили за посадкой «одноногого» штурмовика. Легонько касаясь тормозной ручки, Алексей, весь на пределе возможного, не двигаясь туловищем, выдерживал крен до конца, до того момента, пока «ил» не коснулся правой консолью земли, крутнулся вправо и замер.

К самолету мчалась, гудя сиреной, санитарная машина, бежали летчики, механики, техники. Раскрасневшись, прыгала от радости взволнованная оружейница Валя.

Алексей медленно выбрался на крыло, снял шлемофон, и все подивились, как почернело его лицо. Только белели, спадали влажными тяжелыми прядями спутанные волосы. Он подал руку и с радостью выкрикнул:

— Привет, братцы!

А у самого, как признавался потом Павлу Алексею, поджилки тряслись: «За Лешку Голубева боялся. Не сумею посадить, как надо, чем могло бы все обойтись для меня и, главное, для Лешки»...

Подбежала Валя, затараторила:

— Ой, товарищ командир, как я рада, что у вас все хорошо получилось. А я так волновалась, думала, сердце выпрыгнет из груди.

Алексей улыбнулся.

— Спасибо, Валя. — Он нежно тронул ее за плечо. — Я и сам боялся. Ну ладно, теперь все позади.

К самолету быстрым шагом подошел майор Матиков, приказал всем построиться. Вручая Алексею медаль «За отвагу», сказал:

— За умение владеть собой и образцовую посадку на одно колесо объявляю вам, младший лейтенант Рогожин, благодарность. — И посмотрел на Алексея по-отцовски добрыми глазами.

Рогожин вытянулся и охрипшим непослушным голосом ответил:

— Служу Советскому Союзу!

В этот день было уничтожено 50 танков, 75 автомашин, подавлено 9 точек зенитной артиллерии, сбито в воздушном бою два самолета противника. Не вернулись с боевого задания лейтенант Синенков и младшие лейтенанты Марыгин и Першин.

По дороге в столовую выяснились подробности: кто приземлился на вынужденную, а кто спустился на парашюте. Сели за столы. Тоня, подававшая обед, вопросительно взглянула на Алексея, с которым всегда рядом сидели Синенков и Марыгин. На молчаливый вопрос Тони он ответил:

— Видели, как самолет Бориса загорелся и пошел к земле, видели и парашют, а кто на нем спустился, стрелок или летчик, — неизвестно. Миша Марыгин сел на вынужденную, а где Першин, пока неизвестно.

Тоня вспомнила стеснительный взгляд Синенкова, когда она прощалась с Павлом Алексеевым, и такая горькая спазма перехватила ей горло, что она, звякнув тарелками о стол, отвернулась, прижав платочек к глазам.

После обеда пришел почтальон. Алексей Рогожин получил долгожданное письмо от Жени. С волнением развернул он синий треугольник, торопливо прочел: «Здравствуй, милый Леша...» Она скупно сообщала о своих фронтовых делах, все беспокоилась о нем, просила чаще писать.

Но и эта неожиданная радость не могла отвлечь Алексея от мысли о не вернувшихся из полета друзьях.

Один на один

Когда Синенков почувствовал сильный удар по мотору и увидел вырывающееся из-под капота пламя, он еще не знал, что в его самолете перебито управление.

Борис тут же по СПУ приказал стрелку прыгать, но ответа не последовало.

Положение стало катастрофическим: самолет все больше задирает нос и вот-вот должен был свалиться в штопор. Ждать не было времени, и Борис, выключив зажигание, выскочил на крыло, пытался заглянуть в заднюю кабину. Но увидеть стрелка ему так и не удалось.

Охваченный косматым исчерна-желтым пламенем, штурмовик вонзился в землю недалеко от шоссе, ведущего на Обоянь. Могучий взрыв всколыхнул воздух, долго катилось, прыгало по ложбине эхо, и Синенков, удачно приземлившись на парашюте, слыша этот грохот, с горьким сожалением долго смотрел в ту сторону горизонта, где в бегущем мареве, разорвав его, поднимался кудлатый столб дыма и пыли. «Прощай, дорогой друг», — мысленно проговорил он, вероятно, погибшему вместе с самолетом стрелку. Он вспомнил задушевные слова песенки о стрелке-радисте. И какое-то непонятное ощущение вины перед ним овладело Борисом.

А в стороне, к югу, в добеда выжженном небе, взмывая и падая вниз, дрались на вертикалях истребители. Ниже, деловито разворачиваясь по кругу, почти отвесно ныряли к земле штурмовики, и с их плоскостей срывались, мгновенно взблеснув острыми всплесками эрэсы. Все это происходило в двух-трех километрах от той травянистой низинки, куда приземлился Борис.

Невдалеке поблескивало почти сплошь высушенное неглубокое озерцо. По его бережкам щетинилась густая пахучая осока, топорщились корявые кусты лозняка.

Собрав парашют, Борис направился к воде. Но подступиться к ней было невозможно: илистый бережок оказался вязким. По нему метался туда-сюда, кланяясь остренькой головкой, серенький шустрый голенастый куличок. Завидев человека, он, прихрамывая, побежал к противоположному, заросшему лозняком берегу. «Эх, мать честная, — пожалел его Борис, — вот люди — и такую кроху напугали. Ну, беги, беги, трогать тебя не буду».

Куличок, попискивая, скрылся в зарослях лозняка. Синенков осмотрелся и подошел к кустам. Тут можно было спуститься к воде. Где-то в отдалении бухали орудия. В ушах по-прежнему звенело, и может быть, потому он не сразу услышал потрескивание кустарника, когда подошел к нему ближе.

Присматриваясь, где поудобней зачерпнуть воды, он снял шлемофон, стянул с головы подшлемник, и тут, где-то совсем рядом грохнул выстрел. Пуля свистнула над головой. От неожиданности Борис плашмя упал на кочковатую сухую осоку, оцарапал лицо. «Кто?» Торопливо непослушной рукой он рванул из кобуры пистолет и несколько раз выстрелил на звук. Невдалеке качались верхушки кустов. «Наверняка немецкий летчик, — подумал Борис. — Тоже на парашюте спустился. Он, должно быть, видел, когда я переходил на этот берег...»

Чтобы выманить врага из лозняка, он решил притвориться мертвым и лежал, не двигаясь, плотно сжимая в вытянутой руке пистолет. Откуда-то из-за холмов доносилось рычание танков, кажется, они отходили назад, взбираясь на шоссе.

Пронзительно звеня моторами, низко промчались «мессеры». Когда их гул удалился, Борис пошел на хитрость: он застонал. Стон получился слабый, болезненный. Враг осмелел и выстрелил в его сторону еще три раза. Борис затих, а фашист, раздвигая кусты, ползком двинулся к озерцу. Слышно было, как он руками зачерпнул воду и стал глотать ее звучными жадными глотками.

«Вскочить сейчас, броситься к нему и всадить пулю, чтоб ногой не дрыгнул. Мордой бы в воду ткнулся», — с ненавистью подумал Синенков.

Стараясь, чтоб не треснула сухая ветка, он осторожно приподнял голову. Фашиста не увидел, поэтому стрелять посчитал бессмысленным. «Нужно внезапно подняться и прыгнуть туда, к воде, — лихорадочно думал он. — Враг не успеет развернуться и поднять оружие».

Эта мысль подбросила Бориса. Он метнулся к фашисту, но завяз по колено в тине и все же успел выстрелить в лежавшего на берегу врага. Еще один выстрел и снова неудача: фашист мгновенно повернулся и, ощерив зубы, тоже выстрелил наугад.

Тщательно прицеливаясь, они наставили пистолеты, но у обоих только мягко клацнули курки. Тяжело дыша, барахтаясь в иле, Борис понял, что рукопашной не избежать. Фашист сидел спиной к воде, опираясь на руки. Волнистые русые волосы спадали ему на лоб. Теперь, когда оба знали, что ничего смертоносного в руках у них нет, они несколько мгновений с настороженным любопытством рассматривали друг друга.

Лицо немецкого летчика было мокрым. С подбородка на грудь медленно спадали капли. Он исподлобья смотрел на Синенкова, тяжело дышал. Ненужный, бесполезный пистолет валялся у его ног.

Борис выбрался из вязкого ила, на четвереньках подполз ближе. Фашист вскочил, оступившись, угодил в воду. Поднялся и Борис. Фашист стоял, неуверенно покачиваясь на илистом дне, ловил воздух рукой, заведенной за спину.

— Ну что, фашист?

Тот, не сводя с него блекло-голубоватых глаз, напряженно следил за каждым движением. Борис носком поддел валявшийся пистолет, и тот, булькнув, исчез в воде.

Теперь, когда они стояли во весь рост, каждый мог более подробно рассмотреть другого. Фашист был росл, широк в плечах, с длинными, сильными руками. Лицо его, худое, с опаленными густыми бровями, после минутной растерянности приобрело самоуверенное выражение.

«Вот он, завоеватель, — подумал Борис, встречая его тяжелый взгляд. — Обыкновенный мужик. Только здоров, как бык».

А немец видел перед собой худощавого русского летчика. Лицо его было усталым, черным от загара и пыли. В мягких очертаниях рта таилось простодушие. И еще он

увидел, лицо этого русского не было ни злым, ни испуганным. Оно было решительным и сосредоточенным. И враг почувствовал, что ему отсюда не уйти.

Он шагнул из воды и, наклонив голову, пошел на Бориса, знал, что силен, и надеялся на свою силу. Борис не попятился, но ощутил себя против рослого немца маленьким.

Перехватив пистолет в левую руку, он быстро нагнулся и, зачерпнув горсть ила, швырнул в лицо немцу. Тот попятился, разлепляя глаза, что-то промычал и, неожиданно выбросив длинную руку, схватил Синенкова за горло вымазанными илом скользкими пальцами. Хрипя, Борис наотмашь ударил фашиста пистолетом по лицу. Бормоча непонятные слова, он разжал руку и, размазывая кровь, с вытаращенными побелевшими глазами зло смотрел на Бориса.

Следя друг за другом, они топтались на одном месте, выжидали момент для нападения. Куличок выбежал к воде, склонил головку, пискнул и печально посмотрел на них.

А там, где проходила линия обороны, опять грохотали орудия. Шедшие со стороны шоссе танки били по ним в упор. Куличок, напуганный этим грохотом, подхватился и скрылся в корнях лозняка.

Два человека, перемешивая ил ногами, все следили, двигались друг за другом. Они были похожи на странных борцов, вышедших на илистый ковер.

— Руссиш швайн, — прошипел фашист, ощерив рот с выдвинутой челюстью бросился под ноги Синенкова, сшиб его и, сильной пятерней накрыв лицо, вдавил пальцы в глазницы.

Нестерпимая боль пронзила виски, и Борис закричал диким, нечеловеческим криком. Он вдруг вспомнил, что в руке у него пистолет и, занеся его снизу вверх по дуге, стукнул врага по затылку. Тот обмяк, глаза его закатились, пальцы царапнули ногтями по груди Бориса и обессиленно сползли.

Боль резала глаза. Плохо видя, он вскочил и прыгнул на гитлеровца, увидел разинутый в крике рот и наотмашь ударил рукояткой пистолета по голове. Сердце Бориса выскакивало из груди. Задышавшись, хватая ртом обжигающий воздух, он ударами ног, так, как это делают с бревнами, подкатил тело врага к берегу, перевел дыхание и свалил его в воду. Потом сел, бессильно опустил между ног руки, поднял на воду глаза. Мелкие волны расходились от берега, тревожили на середине озерца ряску, рябили от солнца. Борис провел по лицу ладонью.

— Ну, все гад... Наелся и напился. Вот так.

Куличок выбежал из-под корней, подергал головкой, что-то клюнул, пискнул и, горбясь, быстро перебирая длинными лапками, побежал вдоль бережка. Солнечный свет будто прилип к нему, играл и поблескивал на его крохотном тельце.

Небо, казалось, накалилось добела. Призрачно-серой мглой покрывался горизонт. Над позициями артиллеристов, за высохшими бурьянами, в слепящем солнце курились дымы.

Нестерпимо мучила жажда, но пить из озерца Борис теперь не хотел. Спотыкаясь, он побрел прочь, туда, где над вывороченной землей стлался сизый дым. Шоссе осталось позади. Оно уходило на север и на юг, где висела застойная мгла. По мере того, как Борис удалялся в северо-восточном направлении, южная сторона все темнела и темнела и наконец земля отозвалась далеким тяжелым гулом. Оиненков остановился и оглянулся назад.

Там, где проходило шоссе, медленно ползли черные косые полотнища пыли. Слышался внятный, все заполняющий вокруг гул. «Фашисты опять пошли...» — подумал Борис с холодком тревоги. Он посмотрел в сторону артиллерийских позиций. До них было километра два. Танкам, шедшим, должно быть, по проселочной дороге, наискось к шоссе, надо было пройти до позиций каких-нибудь три-четыре километра. «Кто быстрее, я или танки?» — подумал Борис. Но раздумывать было некогда. Низко

пригибаясь к земле, он побежал, а гул, все усиливаясь, шел следом, настигая, давя его своей мощью.

Черный пот струился по лицу Бориса, и он ежеминутно вытирал его рукавом комбинезона. Из-под ног в пыльной траве порскали в стороны кузнечики. Гул разрастался, доходил до самого неба, и казалось, что он идет со всех сторон. Споткнувшись, Борис упал. Падая, успел оглянуться.

Позади него, за шоссе, в низине стояли, опадая, высвеченные солнцем клубы пыли, а над ними, быстро снижаясь и выставив вперед неубирающиеся шасси, к артиллерийским позициям мчались Ю-87, прозванные «лаптежниками». Борис понял: танки не спешат, ждут, когда бомбардировщики обработают позиции.

С низким сотрясающим гулом «юнкерсы» промчались к нашим позициям и стали в круг. Дрогнула земля, казалось, чудовищная сила раскалывала, раздирала ее на куски. Один удар следовал за другим. Померкло от пыли солнце.

Синенков не успел заметить, как среди бомбардировщиков и прикрывающих «мессеров» появились стремительные «яки». «Юнкерсы» поспешно стали расползаться в стороны, но «мессершмитты» не собирались уходить. Завязался тяжелый воздушный бой. Вот один из краснозвездных истребителей вывалился из дерущегося клубка, за его плоскостями тащилось клочковатое пламя. Клынув носом, он попытался сбить его, но оно разгоралось все сильнее.

Борис вскочил, с нетерпением ожидая, что вот-вот где-то в стороне появится белое пятно парашюта, и когда оно, почти невидимое в солнечном блеске, вдруг расплывчато мелькнуло рядом с пылающим истребителем, он радостно подпрыгнул и в изумлении увидел, как пятно вспыхнуло, и пламя мгновенно сожрало его. Видимо, на пропитанный бензином купол попал огонь.

Синенков закрыл лицо ладонями, но когда открыл его, то увидел, как вдалеке от позиций трусливо уходили к западу «лаптежники». Борис взглянул в сторону шоссе. Оттуда неслышно выползали танки, широким фронтом двигаясь к артиллерийским позициям.

Сомнений не было — «тигры» и «пантеры» шли так, что он попадал в полосу их движения. Вжав голову в плечи, он бросился бежать. Слышал, как позади два раза рвануло землю. Борис не оглянулся. Сухой воздух обжигал горло, но он бежал и косил глазами на шоссе. Танки, колыхаясь, спускались сюда, в низину, и, стреляя, медленно настигали его.

«Я не успею, не успею... — в отчаянии думал он. — Надо было не останавливаться». Сил оставалось все меньше, но надо было бежать к своим.

И вдруг где-то вблизи резко, упруго рвануло воздух. Он поднял голову. Слева, наискось от него, над бруствером торчал ствол пушки. Синенков несколько секунд наблюдал за ним. Ствол дернулся, мелькнула острая вспышка огня. Тогда он, собрав все силы, бросился к огневой позиции, рванулся к этому спасительному стволу.

Подумал: «Танкисты увидят, из пулемета срежут. И все-таки вперед, Боря, только вперед». Правее от орудия, метрах в пятидесяти, стреляло второе. А дальше коротко и остро взблескивали над землей выстрелы еще одного.

Споткнувшись, Борис упал в воронку. А когда отдышался, то увидел в стороне танковую башню, потом вторую, третью, четвертую. Казалось, они выросли из-под земли. Секунду-другую Борис смотрел на эти башни, ничего не понимая, потом догадался: это били по приближающимся немецким машинам наши танки, врытые в землю на подступах к артиллерийским позициям. Тогда он вновь бросился вперед, перевалил через бруствер и увидел двух голых по пояс артиллеристов, торопливо и ловко действовавших у орудия. Близкий разрыв, дым и поднятая земля скрыли позицию. Когда дым рассеялся, Борис разглядел раненого артиллериста. Он стоял на коленях и судорожно хватал себя за живот. Между пальцами сочилась кровь. Второй, с черным лицом, оглянулся на своего напарника, рыдающим голосом закричал:

— Мишка! Дружочек ты мой дорогой!.. Осторожно положил его на спину, потом крикнул Борису:

— Давай, браток, снаряды. Мы теперь с тобой одни остались. — И вдруг изумленно прохрипел: — Стоп, да ты откуда?

— С неба...

— Ну, все равно. Давай! Потом разберемся. Вон он, сволочь, ползет.

Душным вечером, когда закат был сизо-багров и мглист, над степью поникла тишина. Отдавая смрадом, остывали догоравшие танки. Умиротворенно чернела вывороченная земля. Прогорклый серый дым оседал на сыреющей траве.

К полуночи на смену подошли свежие воинские части. Вместе с артиллеристами ушел с переднего края и Борис Синенков.

Только на вторые сутки попал он на свой аэродром. Товарищи издали увидели его, кинулись навстречу!

— Борька, живой! А мы ведь думали...

— Ребята, — растроганно шептал он, — родные, как я рад, что опять с вами.

Он счастливо покачал низко склоненной головой и по-мальчишески угловатым движением вытер лицо рукавом.

«Обнаружить и уничтожить»

В этот же день Рогожин с Алексеевым, Мурачевым и Горячевым вылетели к Северскому Донцу. Задание было сложным — отыскать и разбить переправу, которую никак не могли обнаружить. Район ее расположения примерно знали, но что значит примерно, когда для успешного решения задачи огромную роль играли метры.

На подлете к цели увидели, как на бесконечном, ровном поле с далеко разбросанными деревеньками среди перелесков медленно сближались лавины танков. Сверху были отчетливо заметны на башнях опознавательные знаки: на одних белые звезды — это были наши. На других крестообразные полосы. Алексей испытал искушение — сейчас же войти четверкой в пикирование и ударить из всего бортового оружия по этим крестам.

А лавины сходились все ближе и ближе. Белые дымы выстрелов перемешивались в безветрии, и поле танкового сражения подернулось пеленой. Сверху было хорошо видно, как машины сошлись вплотную, столкнувшись в таране, били друг в друга из пушек. Белесая пелена загрязнялась черным дымом горячего металла и масла. Штурмовики прошли дальше, а у летчиков не выходила из памяти яростная, не слышная в воздухе и оттого более страшная танковая схватка.

Небо затягивало облаками. Солнце то появлялось, то скрывалось, и когда подлетели к реке, Алексей ничего не увидел кроме темной гладкой посверкивающей поверхности воды. Из лесочка, неподалеку от противоположного берега, зенитки вдруг открыли такой сильный огонь, что о штурмовке батареи не могло быть и речи. Вспыхнули плоскости на самолете Павла, Алексей крикнул по радио:

— Паша, горишь, немедленно сбрось бомбы!

Алексеев вошел в крутое пикирование, на большой скорости ему удалось сбить пламя, а зенитки бешено захлебывались, снаряды рвали воздух рядом с самолетами. Осколки врезались в фюзеляжи и плоскости. Истребителям прикрытия тоже никак не удавалось подавить огонь зенитной батареи, и они продолжали кружить выше штурмовиков.

Солнце выглянуло из облаков, и Алексей заметил, как от берега до берега блеснул ровный пережат воды. «Вот она, спрятанная под воду!» — обрадовался он.

— Вижу переправу, — передал по радио. — В атаку, за мной!

Штурмовики понеслись вниз. Истребители прикрытия в который уже раз пробовали ударить по батарее, но два тотчас же были подбиты, и один за другим, волоча дымный след, потянули на свою территорию.

Но первая атака не принесла успеха: бомбы взорвались в стороне от подводного моста. Река как будто взбунтовалась, выплеснула на берега потоки воды. Выходя из пикирования, Алексей уже не увидел самолетов Мурачева и Горячева — их обломки, кувыряясь, падали вниз. Горло Алексея перехватила спазма, и слезы выступили на глазах. Бессильная ярость охватила его.

— Ну, фашисты! — крикнул Алексей. — Получайте! — И резко отдал ручку от себя, направляя штурмовик на переправу.

Когда перекрестие прицела совпало с определенной линией на капоте, нажал кнопку электробомбосбрасывателя. Бомбы фонтанной строчкой легли вдоль переката. Тотчас же взметнулись столбы воды, бревна, обломки железа и досок. Волны хлынули к берегам.

Из лесочка на штурмовик были направлены шесть стволов — это Алексей отчетливо рассмотрел, выходя из пике. Увидел среди батареи и маленький дальномер и фигурку командира с поднятой рукой. «Все, — подумал Алексей. — Сейчас он махнет рукой, скамандует: «Файер!» — и эти шесть стволов ударят по мне в упор».

С тяжелым гудением «ил» выходил из пикирования. Рука командира фашистских зенитчиков резко опустилась вниз, и Алексей бросил машину влево. Снаряды автоматических пушек, похожие на больших шмелей, роем понеслись к самолету. Послышался знакомый грохот. Что-то треснуло и тотчас кабину залило маслом. Алексей прижался к спинке сиденья и стал тянуть в сторону своих позиций. Но штурмовик терял силу, его неумолимо влекло вниз, к земле. СПУ вышло из строя. «Как там Леша?»

Земля надвигалась слишком быстро и выброситься с парашютом было уже поздно. Руль высоты не действовал, но Рогожин сделал все, чтобы смягчить удар круто планирующего штурмовика.

Впереди неожиданно поднялись, как будто выросли из земли, саманные домики. Огромная, заслонившая горизонт, серая стена встала перед кабиной, штурмовик с глухим ударом врезался в нее. Левая рука Алексея отозвалась пронзительной болью. В глазах потемнело, но, может быть, темно было оттого, что весь самолет, пробив стену, оказался погребенным под рухнувшей крышей.

Когда пыль улеглась, он, преодолевая боль, открыл фонарь и с трудом выбрался на крыло, раскидал саманные обломки, пробрался к кабине стрелка. Тот сидел, бессильно свесив голову на грудь. Алексей растолкал его и спросил:

— Ранен?

Стрелок тяжело разомкнул глаза, сказал:

— Голова трещит. И в ушах шум.

— Это пройдет. Вылезти сможешь?

Они выбрались из-под обломков саманных кирпичей, осмотрелись. День был жаркий. Слегка парило. В расположенном по соседству лесу слышались возбужденные голоса.

— Вроде бы наши, — сказал Леша.

— Свои.

Из кустов вышли четверо солдат и побежали к ним. Сошлись на полпути между саманными домиками и леском. Алексей оглядел с любопытством смотревших на него бойцов, спросил, что за место, где он упал, и что за часть стоит в лесу. Вперед вышел загорелый рослый сержант.

— Тебе, браток, интересно, что за местность? А тут городишко такой недалеко, — он повел рукой в сторону, — Шебекино называется. А часть? О части пока помолчим. Сам увидишь.

— Ну, ладно, — устало улыбнулся Алексей. — Ведите меня к начальству. Надо сообщить, что у меня самолет вышел из строя. Сам ранен, — он потрогал кровоточащую руку. — Авань, правда, до свадьбы заживет.

Сержант протянул Алексею свой индивидуальный пакет. Стрелок быстро перевязал кисть руки.

Бойцы продолжали с сочувствием смотреть на Алексея. Он был весь облит маслом, лицо чумазое, а когда снял шлемофон и подставил ветерку взмокшую голову, все увидели его чистые, светлые волосы.

— М-да, парень... — неопределенно произнес сержант. — Шагай за нами. По дороге направо будет землянка, там и есть наше начальство.

Рогожин оставил у разбитого самолета Голубева и отправился с сержантом в штаб. В лесу было прохладно. Посвистывали в ветвях одинокие птицы. За деревьями двигались люди, слышались приглушенные голоса.

Землянка оказалась по правую сторону от лесной просеки.

— Шагай смелей, — напутствовали Алексея пехотинцы и свернули в сторону.

Послышалось урчание моторов, и из-за деревьев навстречу Рогожину выкатился «виллис», а за ним две машины с охраной. «Эге, — успел подумать Алексей. — Да тут высокое начальство». «Виллис» остановился. Генерал, сидевший рядом с водителем, оглядел Алексея с ног до головы, строго спросил:

— Это что за вид? Кто такой?

Алексей вытянулся по стойке «смирно», доложил:

— Командир звена шестьсот семьдесят третьего штурмового авиаполка младший лейтенант Рогожин.

— Та-ак, — протянул генерал. — А что здесь делаешь?

— При выполнении боевого задания по уничтожению подводной переправы на Северском Донце был сбит зенитным огнем.

Взгляд генерала помягчал. — Значит, задание выполнил?

— Так точно, товарищ генерал. При штурмовке погибли два экипажа, в воздушном бою сбит третий — старшего лейтенанта Алексеева.

— А как же удалось разбить переправу? — спросил генерал.

Алексей объяснил.

— Молодец! И как обнаружил ее?

— По взблеску на воде. Солнце помогло, осветило горбинку переката, и я все понял.

— Молодец! — снова произнес генерал. — Можешь быть свободен, младший лейтенант. Хорошо воюешь.

Переговорив с местным начальством, Алексей вернулся к своему самолету. Леша сидел в сторонке на траве, посматривал в небо.

— Сидишь? Посиди еще. Отдохни. Вот сдадим по акту обломочки нашего «ила» и пошагаем к себе домой.

Всю дорогу Рогожин молчал. Леша, глядя на своего командира, пытался разговорить его, но Алексей был хмур. Он шел, нагнув голову, придерживая за локоть нывшую руку. Густые спутанные волосы спадали ему на лоб. На зеленоющем пригорочке Леша присел переобуться — натер ногу, Алексей тяжело опустился рядом, поднял голову.

Свежий ветер несся над степью, над лесочком, притулившимся у балки, поднимал над землей сухую пыль, запорашивал глаза. Ослепительно сверкало солнце. Небо, почти голубое, пронзительно чистое, опрокинулось над землей в бесстрастной величественности. Покой и тишина были в бесконечных небесных просторах, и Алексей впервые за эти часы остро, до сжимающих горло слез, осознал гибель Горячева, Мурачева и их стрелков.

Острая всеобжигающая ненависть к фашистам охватила Рогожина. Он беззвучно плакал, не стыдясь перед стрелком своих слез. Был горек их вкус на запекшихся от жажды губах.

А Леша тряс его за плечо и спрашивал виноватым охрипшим голосом:

— Командир, что с тобой? А, командир? Ну не вернешь их, война.

На аэродроме они встретили только своего механика Беседина. Все остальные уже перелетели на другую точку. Вместе с механиком и Лешей Рогожин за три дня собрали из двух старых, пришедших в негодность «илов» один, облетали его и только хотели направиться к своим, как к аэродрому подъехала полуторка и помчалась к стоянке. Из кузова выпрыгнули двое и побежали к ним. Это был Павел Алексеев и его стрелок. Они крепко обнялись, расцеловались.

— Где ты был? — спросил Рогожин.

— Ты же видел, как меня сбили. Пришлось прыгать, хорошо хоть сел у своих. Ждал попутную. А что, наши улетели?

— Сегодня утром. Но ты не горюй, забирайся к моему стрелку в кабину, — сказал Алексей. — Как-нибудь доволоку вас, а твой стрелок доедет с моим Бесединым.

На аэродроме ребята удивились:

— Ты смотри, Рогожин полетел на задание на своем самолете, а прилетел на каком-то разнопером драндулете.

Алексей хмуро ответил:

— Этот драндулет теперь мне дорог. Мы с товарищами собрали его из кусочков. Пусть фашисты не ждут пощады. Я и на нем отомщу за погибших друзей.

Схватка с «мессерами»

Летчиков в полку опять доставало: каждый бой выводил из строя то одного, то другого, и Алексей не вытерпел, выписался из лазарета и пошел к командиру полка.

— Не могу, товарищ майор, сидеть без дела. Надо летать. Сейчас грех отсиживаться из-за этой царапины.

— Ну, куда ты с такой рукой? — возразил Матиков.

— Да ничего. Буду привязывать ее к рычагу газа, товарищ майор. Большой палец работает, на кнопку СПУ нажимать можно. Разрешите. Не подведу.

Матиков устало покачал головой, подумал и разрешил. Теперь перед каждым вылетом, садясь в кабину, Алексей просил кого-нибудь из своего экипажа прибинтовать руку к рычагу газа и, услышав доклад стрелка о готовности к вылету, запускал двигатель и выруливал на старт.

Под Курском по-прежнему шли кровопролитные ожесточенные бои. Фашисты несли огромные потери в живой силе и технике. Они утратили наступательные возможности и повсеместно перешли к обороне. А наши войска, обескровив в упорных боях хваленые гитлеровские дивизии, готовились к контрнаступлению.

В эти дни штурмовой авиаполк майора Матикова работал по методу конвейера: не успевала приземлиться одна группа, как на старт выходила другая. У посадочного «Т» к небольшим кольшкам был прикреплен плакат: «Бери пример с Александра Горовца».

Фронтовые газеты рассказывали о подвиге летчика-истребителя гвардии старшего лейтенанта Александра Горовца. Он один вступил в бой с двадцатью «юнкерсами» и смелыми, бесстрашными атаками разбросал их строй, уничтожив в воздушном бою девять фашистских самолетов.

В этот знойный июльский день в воздух поднялась почти вся 266-я авиадивизия. На задание пошли более пятидесяти штурмовиков и несколько десятков истребителей. Они должны были нанести удар и нарушить организованный отход войск противника.

Над линией фронта встретились с большой группой бомбардировщиков «Ю-88» под прикрытием двух десятков «мессершмиттов» и «фокке-вульфов». «Яки» метнулись

в вышину и завязали бой с истребителями противника. «Илы» и «юнкерсы» столкнулись ниже, метрах в четырехстах от земли.

На рогожинский штурмовик неожиданно обрушился один из «юнкерсов». Его стрелок открыл огонь с дальней дистанции, но Алексей уклонился, потом энергично повернул машину, и в прицел «ила» основательно улегся тупорылый решетчатый нос бомбардировщика. «Ну вот теперь держись!» Он нажал гашетку пушек, и от кабины вражеского бомбардировщика полетели сверкающие осколки плексигласа и рваные куски дюрала. Несколько секунд «юнкерс» продолжал неуправляемый полет, потом скособочился и охваченный косматым пламенем устремился к земле.

Алексея одолевало любопытство. Он положил штурмовик на крыло, посмотрел через борт кабины, спросил по СПУ стрелка:

— Леша, видишь?

— Вижу, командир.

— Посмотри, где грохнется.

— Пока пытается сбить пламя, тянет к своим.

— Жалко, добить некому, может уйти.

Тем временем из верхней карусели вывалилась пара «мессеров» и нацелилась своими размалеванными под крокодиловы пасти носами на выходящий из пикирования штурмовик.

Уклониться, уйти из-под удара на такой высоте было трудно, но Алексей, уже выровняв машину в горизонтальный полет, сумел развернуть ее навстречу атакующим и пошел на них в лобовую. Когда расстояние сократилось до трехсот метров, он подпернул нос штурмовика вверх и плеснул по «мессерам» огнем из пушек и пулеметов. «Ил» темной тенью скользнул мимо шарахнувшихся в стороны «худых», и Рогожин, воспользовавшийся их замешательством, тут же перевел машину в пикирование.

Внизу, в клубах пыли, извиваясь серой змеей, тащила свое стальное тело танковая колонна. Алексей, глядя через прицел, старался выбрать прямой участок дороги. И когда его взгляд приблизился к намеченному месту, где друг за другом выстроились больше десятка танков, он нажал кнопку бомбосбрасывателя, и все бомбы строчкой уложил в колонну. Фонтаны взрывов, блеклый на солнце огонь, дым и гарь скрыли от него результаты бомбового удара.

Он прибавил газ и, набрав необходимую скорость, по-истребительски левым боевым разворотом пошел в сторону своей территории. Другие летчики из его группы, закончив работу, были уж где-то впереди, и Алексей попытался догнать их.

Обрадованный так удачно закончившимся боем и точным бомбометанием, он не заметил, как сбоку, из-за облачка, выскочила пара «мессеров» и один из них, пристроившись и уравнив скорость, стал так, что ни стрелок, ни сам Рогожин ничего поделать с ним не могли. И когда Алексей быстрым взглядом окинул «мессер», он увидел на его фюзеляже знакомую оскаленную пасть заморского зверя.

«Старый знакомый! — подумал Алексей. — Ну что ж, продолжим наш поединок...»

— Леша, давай! — крикнул по СПУ Голубеву. — Я проваливаюсь влево вниз, а ты угости его как следует!

И в следующее мгновение Алексей отдал ручку от себя. Стрелок из своего крупнокалиберного пулемета от мотора до хвоста огненной строчкой прошел фюзеляж размалеванного «мессера».

— Ну, как?

— Горит! — весело крикнул Голубев.

Алексей не удержался и несколько секунд наблюдал, как, полыхая, «мессер» стремительно уходил к земле, волоча за собой шлейф дыма. Оставшийся его напарник с яростью накинулся на штурмовик, пытаясь отомстить за своего ведущего, но сделать

это было не просто. Стрелок отбивался сзади, Алексей атаковывал, но гитлеровец продолжал кружиться вокруг «ила». Наконец подвернулось спасительное облако, Алексей направил в него машину, перевел дыхание.

Только теперь он почувствовал, всей душой ощутил, что безмерно доволен сегодняшней победой. «Значит, «вольные охотники» тоже перебазировались на юг, — думал Алексей с улыбкой. — Меня, что ли, преследуют? Да нет, просто случай. А он обнаглел... Заглядывает прямо в кабину — царь и бог, шут гороховый... Забыл, что я — Лешка Рогожин, туляк с оружейного.»

Его распирало неумное желание петь, взмахивать руками, торжествуя победу, но успокоился, и только тогда понял, что с сегодняшнего дня он — настоящий воздушный боец, потому что подсознательно его, оказывается, преследовала мысль об этой встрече с фашистским асом и, не победив его, он не мог поверить в себя, в свои силы и умение. Теперь это случилось. Он — победитель, он — ас! И в этом ему помог стрелок Голубев.

— Леша, сейчас выскочим из облака, — сказал по СПУ. — Смотри в оба.

Как всегда в бою, Алексеем овладевал холодный, трезвый расчет. «Семи смертям не бывать, а одной не миновать», — говорил он себе. Но это не означало, что он был безрассуден в своем расчете. Все было проще — он научился воевать и видел, как от боя к бою приходит умение.

Рогожин ненавидел эту бойню на земле и в небе, но никогда не уходил от дела, которое за него могли сделать другие. И сейчас, пользуясь наплывающей облачностью, мог уйти, попросту удрать, но враг был рядом, уходить от него, когда в пушках, пулеметах еще оставались снаряды и патроны, а рука крепко сжимала ручку управления, было стыдно, тем более после такой победы. «Мессер» искал «ил», шнырял в негустых облаках, и Алексей видел, как его щучья тень проплыла ниже.

Рогожин дал полные обороты двигателю и с принижением выскочил из облачности, оказавшись в хвосте своего врага, он с ходу открыл по нему огонь. Неожиданность — всегда союзница. И на этот раз зазевавшийся «худой» шарахнулся в сторону от пронесшейся мимо очереди. Он переворотом ушел вниз, и Алексей, потеряв его из виду, забеспокоился. Нет ничего хуже неопределенности. И хотя Алексей перекладывал штурмовик с крыла на крыло, пытаясь отыскать спрятавшегося врага, сделать это ему так и не удалось.

Вдруг пушечная очередь грохнула по бронекорпусу штурмовика. Машина вздрогнула, в моторе что-то глухо застучало, и его затрясло, как в лихорадке. «Мессер» проскочил под штурмовиком снизу вверх, развернулся, пошел рядом. Алексей увидел усатое лицо, поднятую руку с перевернутым вниз большим пальцем: «Конец тебе! Падай!»

Обида захватила Рогожина. Машина стала непослушной. Ее била упругая, все усиливающаяся дрожь, мотор не тянул, работал с перебоями. А фашист летел рядом, скалил белозубый рот. «Не добивает. Значит, патроны кончились. Или бережет их?»

— Леша, — позвал он Голубева по СПУ.

Но стрелок не отвечал. Алексей посмотрел вниз. Там шли немецкие танки. Одинокими, беспомощными казались видневшиеся в стороне деревенские хаты, лес, тянувшийся к горизонту. «Только не плен. Надо долететь до леса. А там будь что будет». «Ил» круто планировал, пожирая последние метры высоты.

Сплошная темная зелень побежала навстречу, замелькала прогалами нежно зеленеющих полей. Крылья рубанули по верхушкам деревьев, машину подбросило, по инерции швырнуло метров на двести вперед, потом с треском развернуло, нос задрало вверх, и в кабине стало темно. От дыма слезились глаза. Кто-то застучал по фюзеляжу. «Немцы?»

Алексей растегнул кобуру, вытащил пистолет. Но снаружи послышался голос: — Эй, есть кто живой?

— Наши, — обрадовался Рогожин и отодвинул фонарь, но в лицо жарко пыхнуло яркое пламя. Он заслонился локтем, из-под него взглянул на кабину стрелка.

— Леша! Ты жив? Леша?!

Стрелок сидел, свесив на грудь голову. Дым обволакивал его плечи, струился вверх из-под козырька кабины. Возле самолета, заслоняясь от жара, топтались бойцы. Алексей крикнул им:

— А ну, помоги кто-нибудь. Стрелок у меня... Видите? Лешу вытащили из кабины. Голова его падала на грудь. Он дышал, но был без сознания.

— Эх, мать честная, — протянул пожилой рябоватый солдат. — Кажись, отвоевался.

Алексей косо взглянул на него, присел возле стрелка, снял шлемофон.

— Ребята, надо что-то делать, — сказал он глухо. Спазма перехватила его горло.

Голубева положили на плащ-палатку и понесли. Рогожин встал, прошел несколько шагов рядом, глядя на Лешину бескровное, закопченное лицо. Шел, думал: «Вот и все. Отвоевались мы с тобой, дорогой боевой друг». И таким одиноким, осиротевшим почувствовал он себя, что ни солдаты, несшие бесчувственное тело стрелка, ни солнечный день не могли вывести его из этого состояния. Тряхнул головой, увидел свисавшую руку Лешы, нагнулся, положил ее на грудь раненого. Рука была теплой. «Что же я заживо хороню его?» — упрекнул себя Алексей.

Впереди под деревьями завиднелась палатка, послышались голоса. Кто-то крикнул:

— Санинструктора сюда! Где санинструктор?

Прибежала черноглазая девушка, велела нести раненого в палатку.

Там Лешу осмотрел врач, его перевязали, и пока Рогожин оформлял справку о разбитом штурмовике, стрелка отправили на попутной машине в дивизионный медпункт. Рогожин даже не успел с ним попрощаться.

Потери

Рана затягивалась. Алексей получил новый штурмовик и снова стал летать на боевые задания. Бои разгорались с каждым днем. Красная Армия продолжала наступать. Гитлеровцев не спасали ни новые танки, ни мощные оборонительные сооружения — их поражение было предрешено. Но победа не давалась даром. Случалось, что из боевых вылетов возвращались не все. Летчики понуро смотрели на пустующие места в столовой.

В один из таких дней Алексеев, Рогожин, Стрельцов и Евсеев вылетели на станцию Рогань. По разведанным там скопилось много эшелонов с живой силой, техникой, боеприпасами и горючим. При подлете к цели штурмовики были встречены плотным зенитным огнем.

— Не подступиться! — крикнул по радио Алексеев. — Что делать?

Решили зайти со стороны солнца и оттуда обрушиться на эшелоны. Истребители прикрытия пошли выше. Как только приблизились к станции, сразу увидели растянутые на путях составы. Алексей выбрал цистерны. Войдя в пикирование, он поймал в прицел одну и короткой очередью ударил из пушек. Цистерна взорвалась, было видно, как огненные струи бензина хлещут по вагонам соседнего эшелона. По ним открыли огонь его товарищи. Заметались, забегали по путям фашисты. Багровое пламя жадно прыгало, кидалось от вагона к вагону.

Алексей сделал еще заход и, сбросив бомбы, пустил эрэсы по стоящим на запасных путях вагонам. В них оказались боеприпасы. Мощные взрывы рванули один за другим, и в воздух взлетели шпалы и куски железа. Сила удара была настолько велика, что подбросила штурмовик, и он сердито загудел, уходя подальше от клубящегося огня. Сплошной грохот заглушил шум мотора. Истребители передавали по радио:

— Алеша! Оглянись! Посмотри, что ты натворил. И вдруг в его машину попал зенитный снаряд. Рогожин прикладывал все умение, чтобы удержать самолет в прямолинейном полете и уйти на свою территорию. Включив передатчик, он крикнул Алексею:

— Паша, я подбит, вернусь позже. А вы доложите, что задание выполнено.

Штурмовик удалось посадить на фюзеляж. Алексей выбрался из кабины, осмотрел беспомощно лежащий на земле штурмовик, сказал стрелку:

— Ну что ж, хоть мы и не дома, но машина почти цела.

А в это время, вдалеке от станции, стремительно летел к земле объятый пламенем еще один покалеченный зенитным снарядом «ил». На нем заклинило мотор, горели бензобаки, и летчику со стрелком пришлось выбраться с парашютом. Они знали, что опустятся на территорию, занятую врагом, но очень верили в свою спасительную звезду и очень хотели жить. Летчик не успел раскрыть парашют, как машина взорвалась и тугая волна отбросила его в сторону.

Удар был такой, что падающему вниз летчику пришлось некоторое время приходить в себя. Затем он дернул кольцо, и парашют, прошуршав за спиной шелком, хлопнул куполом. Летчик посмотрел вниз — стрелка нигде не было, и он подумал, что тот, видимо, погиб. Парашют сносило на поле, устланное неубранной соломой. Между копен петляла нескончаемая лента дороги и терялась где-то у околицы деревни, потонувшей в зарослях ветел.

Подтягивая стропы, летчик старался приземлиться подальше от деревни, где могли быть фашисты. Низко стоявшее над горизонтом солнце слепило глаза, и он не сразу увидел невдалеке от хат, под прикрытием рослого редкого лозняка, фашистские танки с крестами на башнях и выбежавших танкистов.

Здрав головы, они с любопытством наблюдали за парашютистом, указывали на него, смеялись. Когда парашют с шорохом вломился между гибких ветвей, летчик увидел, что падает на башню танка.

Секунда недоумения сменилась у него пронзительной обидой, и он выхватил пистолет. Но стрелять ему не дали. Дюжие руки схватили за ноги и рванули с башни. Запутавшись в стропях, он скатился вниз, больно ударился рукой о гусеницу. Два рослых танкиста, шумно дыша, навалились на летчика. Сверху их накрыл осевший вниз купол парашюта. Барахтаясь под ним, все трое сцепились, били друг друга ногами. Один из танкистов вцепился в горло летчика и сжал его шершавыми пальцами. В последнюю секунду летчик успел всадить несколько пуль в его живот. Танкист обмяк.

Второй суетливо карабкался, ища выход из-под купола парашюта, зацепившегося за трак танка. В образовавшемся просвете летчик увидел согнутую спину и снова выстрелил. А сам, освободившись от подвесной системы парашюта, ползком пробрался под днище танка. Остро пахло горючим. Локти упирались в землю, пропитанную маслом. «Теперь конец...» — мелькнула простая и ясная мысль, и летчик удивился ее простоте.

Пользуясь замешательством гитлеровцев, укрывшихся за соседним танком, выдернул обойму. В ней оставалось четыре патрона. Резко вдвинув ее на место, он сказал себе: «Все. Четыре патрона. Три из них возьмут врага. Один останется мне». С этой мыслью он оглянулся назад, где между землей и днищем танка в сумеречной наволочи топталось множество ног. Раздавались гневные голоса. Под днище, взвихрив маслянистую землю, хлестанула автоматная очередь, и вдруг — тишина, а в ней картавый властный голос:

— Рус, здавай!

Стиснув зубы, он подполз ближе к краю, прижался к запыленным, с обрывками мятых трав, каткам. Еще одна автоматная очередь со звоном полоснула по тракам. Острая мгновенная боль пронзила плечо летчика, и рука его со сжатым пистолетом бессильно откинулась в сторону.

«Как будем жить?»

Евсеев не пришел ни на второй, ни на третий день. Летчики, садясь за обеденные столы и видя пустое место, где совсем недавно сидел их боевой друг Владимир Евсеев, молчали. Тихонько ходили между столами официантки, боясь нарушить эту горькую тишину.

Наконец комэск Александров, легонько отодвинув тарелку с дымящимся супом, поднялся. Некоторое время он молчал, глядя перед собой. Округлое, пропеченное солнцем лицо его с белесыми выгоревшими бровями было строгим.

— Товарищи, — произнес он вполголоса. — Не дождались мы нашего боевого друга Володю Евсеева. Почтим же светлую память о нем.

Все поднялись, застыв в скорбном молчании, и посмотрели на то место, за которым он обычно сидел, сосредоточенный на чем-то глубоко своем, личном, хмуря ровные мягкие брови — меж ними таилась неподвижная глубокая складочка. Если кто-то удачно шутил, складочка мгновенно разглаживалась, широкая, добрая улыбка освещала Володино лицо, и он, поглядывая на товарищей светлыми, с живыми искорками глазами, смеялся вместе со всеми неожиданно самозабвенно и с удовольствием.

Комэск продолжал:

— Нет с нами Володи, доброго, смелого летчика, бойца. Поклянемся отомстить за его жизнь.

Одним дыханием летчики повторили:

— Клянемся!..

Каждый из них в глубине души надеялся, что в какие-нибудь из этих трех дней Володя мог неожиданно прийти или прислать весть о себе. Но теперь, когда были произнесены слова о том, что его уже нет, все они с горькой печалью осознали эти простые беспощадные слова. Вечером к летчикам пришел майор Зак. Был он задумчив, подтянут и строг. Сел в уголке на табурет, помолчал. Алексей, чистивший свой пистолет, поглядывал на замполита. Не один раз замечал он, как тяжело переживал майор Зак гибель летчиков. Обычно сдержанный, молчаливый, по-деловому собранный, замполит, узнав о несчастье, становился замкнутым. И ходил майор сгорбившись, будто непомерная тяжесть давила на его плечи.

Сегодня, поняв, что Евсеев не вернется, он пришел в эскадрилью. Тянуло майора побывать среди Володиных друзей, поговорить, поддержать кого-то, подбодрить нужным словом, помочь прийти в себя. Он любил этих молодых людей за их юношеский задор, за непосредственность, за то, что они, порой, пренебрегали опасностью, любил за их боевую работу. Ее майор Зак считал святым, непогрешимым делом. А они это дело выполняли с честью. И, глядя на них с отцовским, проникновенным чувством восхищения и сожаления, майор часто думал о том, что будет с ними после войны, если они уцелеют в ее огненном пекле. «Как будут жить? — спрашивал майор Зак и сам себе отвечал: — Уверен, что если останутся они теми же тружениками, честными, неутомимыми, то и вся их последующая жизнь будет такой же самоотверженной, как на войне. Не остынут ли тогда их души, не возьмет ли их ржавчина, когда, позабыв о военной грозе, они пресытятся мирной жизнью? Но нет, такого не может быть, я в этом уверен. Память о погибших друзьях, светлая и прекрасная, будет в их жизнях путеводной звездой.

Страшно другое: не будет ли память о павших оскорблена сытостью тех, кто, не испытав этих грозных лет и всех ужасов войны, будет существовать прожигателями жизни, за которую погибали вот эти молодые ребята?»

Не хотелось думать об этом, но думы наплывали, тревожили. И майор Зак жалел своих подчиненных, но не в его власти было уберечь их, потому что в годину тяжелых

потрясений нет ничего благороднее борьбы за свободу и счастье своего народа. И, преодолевая в себе это отцовское, человеческое чувство, он отчетливо понимал оправданность жертв сейчас, когда решается судьба родной земли.

Все это он заново передумал, переживал, сидя среди летчиков. Заметив его состояние, Павел Алексеев сказал:

— Разрешите обратиться, товарищ майор?

— Да, я вас слушаю.

— Скажите, как по вашему мнению, фашисты скоро выдохнутся?

Майор Зак помолчал, перебирая в планшете бумаги.

— Думаю, так, старший лейтенант. Фашисты еще попытаются остановить нас. Но в войне произошел перелом. И вопрос «кто кого» теперь стал ясен, как никогда.

— Это я понимаю, — задумчиво произнес Павел.

— Несомненно одно, — продолжал майор Зак, — победа будет за нами. Такую мощь, такую силу, как наша сейчас, преодолеть невозможно. А фашисты уже действительно выдыхаются.

— Значит, гнать их теперь будем до Берлина, — вставил свое замечание и Алексей.

— Именно так, — скупно улыбаясь, произнес майор Зак.

А сейчас, поглядывая на замполита, ни Алексей да и никто не мог знать, что где-то там, на Сандомирском плацдарме, настанет последний день для этого человека, туманный, со снегопадами и низкой непроницаемой облачностью.

...В тот день сорок пятого года на задание ушла четверка «илов» и не вернулась. Вылетели еще двое и также как в воду канули. Подполковник Матиков, к тому времени ставший Героем Советского Союза, уже в который раз выходил из землянки, долго всматривался в белую облачность, пропитую мокрым снегом, вслушивался, и по его лицу пробегала тень.

К нему подошел майор Зак. Сунув руки в карманы кожаной куртки, окинул взглядом взлетную полосу. Матиков вопросительно глянул на майора: «Что будем делать, замполит?»

— Александр Пантелеевич, — глухим голосом сказал майор Зак. — Разрешите, я слетаю. Посмотрю, в чем там дело.

Матиков строго произнес:

— Замполит у меня в полку один, и я не вправе...

— У тех, кто не вернулся, — тоже одна жизнь, — возразил майор Зак. — Это гораздо дороже, чем воинское звание... И я как твой заместитель обязан, понимаешь, обязан сделать то, что подсказывает моя человеческая и партийная совесть.

Так и остался он в памяти Александра Пантелеевича решительным, требовательным, с потемневшим от постоянного недосыпания лицом, душевной болью в запавших глазах.

Зак, садясь в кабину, внимательно посмотрел на стрелка.

— Полет у нас особенный. Смотри в оба.

— Понятное дело.

Как позже рассказывал стрелок, они пробивались сквозь мокрую метель. «Черта тут рогатого увидишь», — подумал он. Стрелок ощутил, как машина пошла вниз. Через несколько секунд облачность стала редеть. Летели крупные хлопья снега. Стрелок старательно всматривался вниз. Сквозь сетку косо летящего снега просматривалась земля. Показались и затем исчезли, будто стертые снегопадом, разорванная колея железнодорожного пути, развалины станции. Дальше пошла почти голая местность, местами покрытая кустарником. Под крылом мелькнула черная рваная полоса. Стрелок по СПУ доложил:

— Товарищ командир, вот она! Видите?

— Вижу.

Загадочной была обстановка. «Никого и ничего, в сущности, не видно, — подумал Зак. — Что же все-таки случилось с ребятами? Заблудились? Не может быть.

Опытные. Находчивые. В чем же дело? Может, зенитки?..»

Штурмовик шел на бредущем вдоль шоссе. Оно проходило по возвышенности, будто по хребту исполинского животного, каким представлялась сейчас земля.

Танки появились внезапно. Бело-темные, точно в чудовищных маскхалатах, они шли по шоссе один за другим, выдерживая тесный интервал. «Видно, наши летчики тоже встретили их и, конечно, штурманули, — подумал майор Зак. — А что было дальше? В нормальных условиях танки против «илов» бессильны. Но видимость тогда была ограниченной. Значит, они штурмовали с бредущего».

Развернувшись, он прошел в голову танковой колонны и, чтобы застопорить ее движение, нажал кнопку бомбосбрасывателя. И хотя сразу же взял ручку на себя в надежде как можно дальше уйти от места взрыва, но в тот же миг внизу, под ногами, раздался треск, будто кто-то с чудовищной силой швырнул на бронекорпус горсть рваных металлических кусков. Набирая высоту, майор Зак посмотрел вниз. Танки остановились и, задрав стволы, били из пушек по его штурмовику. Он увидел, как выше над кабиной пронеслись алые огненные шары и сразу почувствовал запах дыма.

— Горим, товарищ майор, — крикнул стрелок по СПУ. В моторе что-то сильно трещало, и Зак, удерживая самолет в горизонтальном полете, ответил:

— Спокойно, сержант, попробуем дотянуть до своих. И повел плохо подчиняющийся рулевому управлению «ил» к передовой. Пламя огненными лапами хватало плексиглас фонаря, двигатель отдавал последние силы.

А когда самолет, просев, скользким ударом зацепился за землю и, пропахав несколько десятков метров по кустарнику, остановился, до передовой оставалось всего несколько сот метров. Стрелок выбрался из своей кабины первым и помог командиру открыть почему-то заклинивший фонарь.

Пламя валило из-под капота, пыхнуло в лицо, Зак крикнул стрелку:

— Уходи!

Они спрыгнули с крыла и, пригибаясь, друг за другом побежали краем неглубокой лощины. Ветер сыпал в глаза мокрый снег. Невдалеке проступали очертания одноэтажных домишек, упиралась в небо высокая металлическая труба.

К крайнему дому подъехали две машины и остановились. Из кузовов начали торопливо выпрыгивать гитлеровцы в низко надвинутых касках. Они с ходу стали бить из автоматов. Пули пронзительно чвикали по кустам. Майор Зак и стрелок открыли ответный огонь. Тем временем несколько солдат стали окружать их, горланя и свистя.

«Пьяные, должно, — подумал стрелок, целясь в перебежавших от укрытия к укрытию фашистов. — Э, один черт, пьяные или трезвые...» И вслух сказал:

— Живыми не сдадимся!

— Правильно, — отозвался майор Зак. — Но прежде побольше их уложим.

— Ну и местечко нам досталось.

— Да, не подарок.

Стрелок осмотрелся. Метрах в двадцати начинался поросший кустами ивняка овражек.

— Товарищ майор, может, туда? Там нам ловчей будет.

Они стали отползать. Немцы кричали:

— Рус, сдавайс! — И хохотали.

Потом хохот прервался. Видно, солдаты о чем-то совещались, слышались их возбужденные голоса. Кто-то прокричал, коверкая русские слова:

— Сдавайс, гарантирэн жизнь.

— Ах, сволочи, — возмущался стрелок. — Ах, подлые души... Чего захотели, а, товарищ командир?

Тот, полулежа в неглубоком овражке, стрелял из пистолета по наступающим фашистам. Короткими перебежками, стреляя на ходу, они стали приближаться. Майор Зак слегка приподнялся на коленях и вдруг плечи его дернулись, и он, согнувшись, прижал левую руку к животу. Замполит, сцепив зубы, полузакрыв глаза, тяжело дышал. Снег под его коленями все больше покрывался красными пятнами.

— Уходи, — простонал он, обращаясь к стрелку.

— В живот? Товарищ командир, в живот, да? Я вас перевяжу.

— Не надо. Ты уходи, дорогой... Я тебя прикрою. Уходи, слышишь?

Он поднял пистолет и упал грудью на взгорок. Фашисты были уже близко. Они не стреляли, но, воспользовавшись молчанием русских, с опаской подходили к ним. Стрелок, кулаком вытирая глаза, сказал срывающимся голосом:

— Я не могу вас оставить, товарищ командир. Не могу...

Майор Зак с трудом повернулся к нему, прохрипел:

— Надо... И потом... Это приказ. Выполняй! Стрелок, всхлипывая, протянул ему пистолет.

— Прощайте, товарищ командир.

Ползком, поминутно оглядываясь, вытирая рукавом комбинезона лицо, он уходил вниз по овражку и все бормотал, бормотал, будто в кошмаре: «Да как же так, товарищ командир?..» Позади слышалась яростная стрельба. Потом она сразу стихла. Стрелок в бессилии закружил на месте, топтал сапогами подтаявший снег.

Через несколько минут, лоциной, он пробрался к передовой, свалился в траншею.

— Братцы, там командир мой. Быстрее, братцы... Может, еще жив, — сказал он и устало сел на земляной отвал.

Батальон уже готовился пойти в атаку. Приход стрелка ускорил ее. Бравый усатый старшина вручил ему автомат, и он вместе с бойцами бросился на противоположную окраину поселка, где маячила черная металлическая труба.

Майор Зак лежал в овражке без реглана и орденов. Рядом валялся пистолет. Стрелок поднял оружие, снял шлемофон и опустил перед командиром на колени, низко склонил голову. По его щекам катились крупные слезы...

Но все это будет потом, в сорок пятом, а сейчас майор Зак вдохновенно говорил своим глуховатым, спокойным голосом:

— Ничего, ребята. Вот закончится война, вернемся домой. Будем строить новую жизнь. Все вы женитесь. Будут у вас дети. Будем жить... Как будем жить — вопрос. Его решать вам и тем, кто будет жить рядом. А пока надо делать то, что мы сейчас делаем, — бить фашистов, гнать их с земли нашей.

И такое бывало...

Огненный вал наступления катился вперед... Красная Армия освобождала все новые советские города и села. Орудийный гул попеременно с августовскими грозами уходил дальше и дальше на запад. Восторженно встречали освободителей разрушенный Орел, древний Белгород, истерзанный Харьков.

Сотрясается земля: то не половцы на конях летят, то не сеча прошлых лет чудится — идет нынешняя битва за родную землю. Источая пороховую гарь, в огне и дыму, битва идет по украинской земле.

Пепелища и руины, прах городов и деревень. Черные дни и ночи, высветленные пожарами, наполненные неутихающим гулом. И вот он, Днепр. Широкий и полноводный. Крутой и обрывистый его противоположный берег. Здесь, на восточной стороне, пристреляны каждый клочок земли. Звенят под ногами осколки.

Переправы, переправы... Бешеный орудийный огонь. Фонтаны днепровской воды. Яростные схватки в воздухе. И первая горстка людей, вцепившаяся в берег. Первые метры заднепровской земли, обильно политые кровью. И приказ — стоять насмерть!

Последние снаряды и патроны, штыковые атаки. Держать горячий клочок земли! Ждать поддержки! И ни шагу назад!

Пришла дождливая осень. Иногда сквозь низко ползущие тучи пробивался солнечный луч. Четче просматривались дали. Тяжело, неподвижно склонялся под утренней росой степной ковыль.

За ночь земля остывала. Тяжким недугом дышала она, готовилась принять на себя новые удары. Штурмовики взлетали спозаранку. Ложились на курс и через полчаса обрушивали на заднепровскую сторону штурмовой удар. Противник упорно сопротивлялся.

Сверху было видно, как у берега реки из окопов и траншей вели огонь из автоматов и пулеметов наши солдаты, а невдалеке перед ними, в черно-сизых клубах только что закончившейся артподготовки, низко пригибаясь к земле, шли в атаку фашисты. Огонь останавливал их. Они залегали, отползали назад, пятная землю трупами. Затем начинали бить орудия гитлеровцев, и штурмовики снова и снова заходили в атаку.

После налета фашисты приходили в себя, собирали остатки сил и опять открывали огонь. Но с каждой атакой штурмовиков он становился все слабее. Наши солдаты теснили фашистов, расширяли плацдарм.

От Харькова до Днепра наступление советских войск шло настолько быстро, что батальоны аэродромного обслуживания не успевали готовить посадочные площадки. Буквально через несколько дней приходилось покидать с таким трудом построенные землянки и капониры.

Позади остались Гринево, Ново-Александровка, Рогань, 5 октября 1943 года летчики полка получили приказ взять свои вещи, загрузить их в законтренные бомболюки, а в другие подвесить бомбы и произвести боевой вылет за Днепр, затем сделать посадку в районе Царичанки.

За Днепром, когда атаковали движущуюся к передовой автоколонну, из открытых бомболюков на фашистов посыпались чемоданы, комбинезоны и сапоги вперемешку с бомбами. Оказалось, что некоторые летчики не законтрили бомболюки, где находились вещи.

И теперь, произведя посадку на новом аэродроме, переживали этот комичный случай. Кто-то шутил, советовал послать к гитлеровцам парламентариев с извинением за происшествие.

Юрий Балабин горделиво стоял у своего штурмовика, картинно положив руку на рукоятку висевшего на поясе кинжала: для него перелет закончился благополучно. Удачно копируя заместителя командира дивизии полковника Шундрикова, он прошел к бомболюку, расконтрил его и спокойно вытащил свои вещи. Юрий вообще летал без приключений, на его машине не было ни одной царапины. Товарищи его удивлялись, как это ему удается. А Балабин без улыбки произносил:

— Просто я везучий.

Эшелона, отправившегося со станции рано утром, все еще не было. Видно, он по каким-то причинам задерживался в пути. Только несколько техников, механиков и мотористов прилетело на попутном Ли-2, чтобы в экстренном случае можно было подготовить «илы» к боевому вылету.

Летчики и прилетевшие на Ли-2 техники собрались на самолетной стоянке и обсуждали создавшееся положение. Подошел старший лейтенант Александров, сел рядом с Джинчарадзе.

— Камандир, что будем делать? — спросил у него Жан. — Вечер уж близится, пара и о ночлеге надумать.

— Сейчас пошлем кого-нибудь в деревню. Начальник штаба говорил, что нас должны здесь встретить, но до сих пор никого нет. Придется пойти узнать, что там и как.

Алексей Рогожин, недавно назначенный заместителем командира 3-й эскадрильи, позвонил своему механику сержанта Петра Маслова и сказал:

— Возьми автомат и беги в деревню. Разузнай, в чем там дело, и доложи.

— Есть, товарищ младший лейтенант, узнать и доложить!

Маслов бегом направился в деревню. Начал накрапывать дождь.

Где-то, на юго-западе, погромыхивало — била вражеская артиллерия.

Рогожин вместе с Павлом Алексеевым, ставшим командиром 3-й эскадрильи, обсуждали, как лучше распределить своих летчиков, как накормить их и дать возможность подготовиться к завтрашнему дню.

— Жаль, столовой пока нет, — вздохнул Алексей. — Никуда не денешься, — придется обойтись сухим пайком.

Сидели долго, было холодно и неудобно. Посвистывал в плоскостях самолетов ветер. Алексей всмотрелся в сумеречную даль, приподнялся.

— Кажется, Маслов бежит, да не один... Что-то, видать, не то в деревне.

— А что там может быть?

— Сейчас узнаем.

Заметили бегущих и другие летчики, встревоженно наблюдали за ними. Человек, бежавший рядом с механиком, скользил по мокрой траве, почему-то оглядывался назад. Добежав до самолетной стоянки, они с забрызганными грязью сапогами, запыхавшись, остановились перед, летчиками.

— Братцы, там фрицы, — выкрикнул механик.

— Как? — насторожились летчики.

— Не может быть. Откуда?

— Я не знаю, — торопливо говорил сержант Маслов. — Как мне сказал Иван Иванович, человек тридцать, все спят вповалку.

— Да они у нас с обеда, — разъяснил прибежавший вместе с Масловым мужчина. — Приехали и попадали замертво. Может, в плен хотят сдать? Я уже хотел к вам бежать, да встретил сержанта...

— Дела-а, — протянул Балабин. — Давайте выкуривать фашистов из хат — самим спать негде.

Стали гадать, откуда они взялись и почему завалились спать, даже не выставив часовых. Решили, видно, фашисты так поспешно отступали, что им было не до бдительности.

— Я вначале не поверил, — торопливо рассказывал механик. — В одну хату заглянул, а там старушонка крестится. Ладошками машет на меня: «Куда ты, лихоман тебя заberi. Супостаты тут. Уходи отсюда скорей. А то, не дай бог, продрыхнут, беда будет». Мы с Иваном Ивановичем прямо сюда... Дайте попить. Внутрих все прикипело.

— От страха, что ли?

— Тебе бы так побегать. Тут версты полторы будет, туда и обратно.

Он повернулся в сторону деревни, радовался, что все так благополучно обошлось, и теперь, будто выбравшись в одиночку из вражеского окружения, оказался снова среди своих. Кто-то совал ему фляжку с водой, а он все удивлялся:

— Мать честная, это надо же... А если бы какой-нибудь фриц в ту минуту во двор вышел, а тут я... Что было бы?

Заметив наконец протянутую фляжку, взял ее и, запрокинув, жадно глотал воду. Светлые струйки сбегали с уголков его губ на заросший рыжеватой щетиной подбородок.

Тем временем на аэродром приземлились два штурмовика. Это прилетели командир полка майор Матиков и замполит майор Зак.

Александров и Алексеев тотчас отправились к командирам доложить о случившемся. Матиков внимательно выслушал комэсков, отдал распоряжение немедленно захватить фашистов и отправить куда следует.

Группу захвата возглавил Алексей Рогожин. Ивану Ивановичу тоже дали оружие, и он вместе со всеми встал в строй.

Перед уходом группы из-за туч выглянуло солнце. Длинные лучи его красновато освещали траву, окаймлявшую аэродромное поле, самолеты, которые механики загоняли в открытые капониры. В предвечернем солнечном свете было что-то тревожное. Это природное, ничем, в сущности, не примечательное явление здесь, на фронте, тронуло человеческие сердца, и летчики, механики, вооруженцы — все, кто оставался для охраны аэродрома, молча проводили своих товарищей. Никто не знал, чем может обернуться это не совсем привычное задание.

К деревне подошли скрытно. За плетнями, заросшими высоким бурьяном и репейником, виднелись белые хаты, небольшие сады. Где-то слабенько тьякала собачонка. И никого, ни одного человека не было видно. Казалось, что в деревеньке нет ни души.

Задворками пробрались к хатам. Тишина. Иван Иванович указал дома, в которых спали немцы. Алексей дал знак одной группе во главе с Жаном, и те побежали к хате. Во вторую направился Рогожин со своими людьми. В сених наткнулись на пустое ведро, раздался грохот и Алексей шепотом произнес:

— Тише!

Не дыша, секунду-другую прислушивались, смотрели на дверь в хату. Послышались шаги. Люди кинулись к стенам, выставив автоматы. Шаги были медленные. Все переглянулись. Старушечий голос пробормотал:

— О господи, кто еще там?

И дверь распахнулась. Старушка какое-то время всматривалась в темноту, потом разглядела вооруженных людей, охнула и прижала руки к груди. Алексей вывернулся из-за двери.

— Не пугайтесь, — тихо сказал он старушке и, ничего не объясняя, спросил: — Спят?

— Спят, окаянные, — еще не опомнившись от испуга, отвечала она. — Родненькие, милые, отколь вы? Берите их, хватайте. Все порушили, изверги... Эти хоть спать завалились, а энти, что до них были, — ох, не приведи господи.

Алексей, сделав знак своим, шагнул в хату. Спертый воздух забил дыхание запахом пота, мокрой одежды и кожаной обуви. Слышался храп. На полу вповалку лежало человек десять. В маленькое оконце заглядывал предзакатный луч солнца. Тускло поблескивало сложенное в углу оружие. Его осторожно собрали, вынесли наружу. Затем Алексей вышел на середину хаты и, подняв пистолет, крикнул:

— Хенде хох!

Никто не шевельнулся. Только будто поутих храп. Алексей громче повторил:

— Хенде хох!

Лежавший ближе к окнам гитлеровец вдруг дернулся, присел, опираясь на руки. Какое-то время он бессмысленно мигал заспанными глазами. Алексей направил на него пистолет.

— Встать! — приказал он.

Тот поспешно вскочил, роняя на пол ремень и каску. Храп прекратился, фашисты стали поспешно вскакивать.

Во дворе пленных построили. С заспанными лицами, растерянные, они ежились, поглядывали настороженно, исподлобья.

Вскоре привели еще группу гитлеровцев. Один офицер без фуражки, с перевязанной рукой, пытался что-то говорить своим солдатам.

Группу вывели на улицу и приказали остановиться. Из хат выходили жители, посматривали на эту картину. Вскоре небольшая нестройная колонна пленных потянулась по улочке.

Летчики сдали пленных бойцам мотострелковой роты, которые отвели их на сборный пункт.

Наутро несколько штурмовиков поднялись в небо. Солнца не было видно, тучи шли тихо, волоча за собой сизые, рваные клочья. Невдалеке от аэродрома увидели внизу, на серой ленте дороги, колонну людей. Из любопытства снизились до бреющего. В наушниках Алексей услышал удивленный возглас ведущего, капитана Елисеева:

— Да это старые знакомые!

Пленные спокойно шли по грязной дороге. Их сопровождало несколько автоматчиков. Задирая головы, конвоиры радостно поглядывали на пролетающие штурмовики, которые несли на своих мощных крыльях освобождение от фашистов.

Танцующий конь

Утром Алексея вызвали на КП полка. Далеко просматривались окрестности, затянутые сиреновой дымкой. Все просвечивалось ранним солнцем. Поглядывая по сторонам, он радовался тому, что вокруг уже кипит привычная аэродромная работа: техники, механики, мотористы осматривали самолеты, устраняли неполадки, вооруженцы опробовали пушки, подвешивали бомбы, набивали снарядные и патронные ящики.

В стороне от штурмовика стояли Павел и Тоня. Вид у нее был такой, будто выбежала на минутку к перекрестку дорог навстречу любимому, чтобы только повидать его, сказать ласковое слово, заглянуть в глаза. Вид этот придавал ей накинутый на плечи зеленый ватник. Она что-то говорила, глядя на него, улыбалась, а Павел смотрел на девушку сверху вниз, стройный, в лихо надвинутой на брови пилотке. Ветер колыхал на его бедре планшет.

Увидев проходящего мимо Рогожина, Тоня улыбнулась ему, а Павел помахал рукой. Алексей приветливо поднял руку и озорно подумал: «А жизнь идет, не успеешь оглянуться — и Пашка женится. А там, глядишь, и войне конец». Мысли о конце войны всегда жили рядом с Женей. «Что-то нет от нее письма, не случилось ли чего?»

Помрачнев, он вошел в землянку, доложил о прибытии. У Матикова находился капитан Елисеев. Командир внимательно посмотрел на Рогожина.

— Как здоровье, младший лейтенант? Жалоб нет?

— Нормально, товарищ майор.

— Добро. Смотри-ка сюда.

Матиков взял Алексея под локоть и подвел к столу, на котором была разложена карта. Командир карандашом указал на район южнее Верхнеднепровска.

— Звонил комдив полковник Родякин. Крайне необходимы разведданные о возможной переброске войск противника к Бородаевскому плацдарму. Полетишь с капитаном Елисеевым. Пройдете правым берегом Днепра над дорогой Бородаевка — Верхнеднепровск. Просмотрите шоссе до Калиновки и от нее участок железной дороги до станции Верховцево. На обратном пути пройдите через Бородаевские хутора. Внимательно фиксируйте все, что попадет на глаза. Запоминайте и заносите на карту. Посылаю вас, надеясь на ваш опыт и находчивость. Капитан Елисеев, будете старшим.

— Есть!

— Прикрывать пойдет четверка кутихинских «яков». Ведущим истребителей назначен капитан Карнач.

Матиков помолчал, глядя на карту. О чем он думал сейчас?

Выждав немного, Алексей спросил:

— Разрешите идти?

— Идите. Капитан Елисеев, еще раз будьте предельно внимательны.

— Есть!

Козырнув, Елисеев вышел вслед за Рогожиным.

— Ну, замкомэск, — сказал Елисеев, — давай зайдем в столовую, заправимся и — на взлет!

Тоня принесла им обед. Елисеев задумчиво проследил, как она ловкими руками быстро расставила тарелки на столе, подвинула хлеб.

— Ешьте, ребята.

— Спасибо, Тоня...

Была она сегодня необыкновенно хороша со своими косами, уложенными на затылке и аккуратно прикрытыми прищипленной кружевной косыночкой. Мягко светились глаза. Тихая нежность жила в них, и Елисеев, улыбнувшись, сказал ей:

— Хорошеешь, Антонина, с каждым днем.

Он вздохнул и принялся за еду. Алексей, наблюдая за Тоней, впервые понял, какой сердечной болью переполняются сейчас женские сердца, способные любить в такое грозное время. И он искренне, от души, пожалел девушку: «Бедная, каждый раз, когда Павел улетает, она мучается. Сколько же сил надо, чтобы выдерживать эту каждодневную пытку?»

С этим ощущением жалости он и вылетел на задание. В зоне ожидания их встретила четверка «яков». В наушниках зазвучал знакомый голос Степана Карнача:

— Привет, братцы!

— Привет, Степа!

— Летим?

— Смотри в оба.

— Будьте спокойны.

— Ложимся на курс. Конец разговорам.

Под крылом дымилась земля, тронутая первыми заморозками, изрытая траншеями, с остывшими пепелищами деревень и сел, с развалинами поселков. Тревогой сжималось сердце при взгляде на нее, а небо, переполненное чуть пригревающим солнцем, было светлым, огромным. Вдалеке за холмами, в сереньком однообразии осеннего дня, видно было — с земли срывались белые клубки, исчезали, таяли. Черные, едва видимые с высоты пятна чуть вспухали над ней: била вражеская артиллерия. По полю, развернувшись веером, шли к холмам, стреляя на ходу, танки.

Крохотные человеческие фигурки двигались за ними, падали и снова поднимались.

Их становилось все меньше и меньше. Вскоре это обширное грохочущее поле осталось позади — штурмовики уходили все дальше. Алексей, глядя вниз, на эти огромные пространства, подумал о том, сколько труда, сил и терпения надо для того, чтобы пройти их и очистить от фашистов.

Запад тонул в тумане. Земля просматривалась плохо. По времени уже должен появиться Днепр. Елисеев подал команду: — Подходим на бреющем.

«Да, — подумал Алексей, — надо незаметно подойти к Днепру».

Он возник неожиданно, огромный и величавый. Свинцовая гладь воды казалась неподвижной: будто холодом повеяло от нее. Быстро наплыл в поднимающемся тумане правый обрывистый берег, мелькнули траншеи, окопы, врытые в землю танки, доты, замаскированные орудия — Бородаевский плацдарм!

Самолет Елисеева крутой горкой пошел вверх, и Рогожин, повторивший маневр, увидел, как большая стрелка высотомера, сделав полукруг, остановилась на цифре «восемь». «Илы» вошли в полосу зенитного огня. Острые клинки полосовали воздух, а штурмовики оставались невредимыми. Но стоило проявить нерасторопность в управлении машиной, задержать ее хоть на мгновение в одном положении, и снаряды поражали цель. Руки и ноги сводило от напряжения. Взмокли лицо, волосы. Гимнастерки прилипали к лопаткам. Горячие струйки пота катились по груди, неприятные, липкие, связывающие движения.

Наконец облачка разрывов зенитных снарядов остались позади. На короткие секунды пришла возможность хоть сколько-нибудь осмотреться, прийти в себя. Алексей рукавом комбинезона вытер лицо, фыркнул, сгоняя с бровей вновь набежавшую влагу. Руки заметно дрожали. «Как неприятно быть под зенитным обстрелом, — подумал он. — Встреча с «мессерами» для меня и то легче».

Разведчики углубились за линию фронта километров на десять — пятнадцать и летели теперь на высоте двести метров. Небо здесь было низким, придавленным тучами. Дорога от Бородаевки до Домоткани была забита машинами.

На всем протяжении полета штурмовики шли в разрывах зенитных снарядов. Особенно огонь был интенсивен во время пролета над окраиной Верхнеднепровска. Когда подходили к железнодорожной станции Верховцево, конечному пункту маршрута, откуда-то появились «фоккеры». Они обрушились на «яков», внезапно вынырнув из-за туч.

Карнач оставил одну пару со штурмовиками. Сам пошел в атаку. Все железнодорожные пути были забиты эшелонами. «Видит ли это Николай?» — подумал Алексей. Он включил передатчик и сказал:

— Коля, посмотри вниз.

— Вижу, сейчас доложим.

И тут снаряд «эрликона» ударил по левой плоскости штурмовика. Машина задрожала, и Рогожин почувствовал, как ее потянуло вниз. Он успел заметить, что самолет Елисеева лег на крыло и его стрелок бил в упор по наседавшему ФВ-190. Задымив, тот отвалил в сторону и, покачиваясь с крыла на крыло, потянул вниз. Где-то за темными облаками гонялись друг за другом «яки» и «фоккеры». Елисеев запросил:

— Карнач, как у тебя?

— Одного убрал. Трое удирают.

— Молодец! Теперь спускайтесь, пора возвращаться.

— Может, и мы к земельке поближе? Посмотрим лес на склоне, — сказал Алексей.

— Нельзя, — ответил Елисеев. — Потеряем истребителей. Будем потом друг за другом бегать.

— Разреши, командир, я один нырну на минутку, — попросил Рогожин.

Елисеев не ответил. Алексей понял, что он согласен, и пошел вниз. Штурмовик послушно опустил левое крыло и перешел в пикирование. Навстречу помчался лесной массив. Линяла над ним серая морось, отчетливей проступала зеленеющая огромная поляна. На ней, сверху казавшийся какой-то кучей, стремительно вырастал в размерах дощатый домик. От поляны прямой черной ниткой уходила вглубь, терялась среди деревьев дорога.

Алексей с запозданием вывел штурмовик в горизонтальный полет — пробоина в левом крыле давала о себе знать — и на бреющем пошел вдоль дороги. Мелькнули в темно-зеленой густоте ельника синие сгустки дыма.

«Что за чертовщина?» — озадачился Рогожин. Он развернул машину и прошел над этим местом еще раз.

Несколько костров горело под деревьями. Поодаль от дороги под защитой густых старых деревьев стояли бензоаправщики, танки. «Ага, вон оно что, — обрадовался Алексей. Между деревьями забегали, замельтешили люди. — Эх, штурмануть бы...» По нему открыли с земли огонь из пулеметов.

Несколько пуль ударили по обшивке, продырявили фюзеляж. Стрелок доложил по СПУ:

— Командир, маневрируй, а то собьют.

«Эк я их растревожил, — подумал Алексей. — Надо уходить. Чего доброго, могут и вправду сбить. Подведу Колю». Разогнав машину, он боевым разворотом набрал

высоту и пошел за Елисеевым. Но, подумав, что по дороге домой все может случиться, сказал:

— «Заря-девять», в лесу вижу большое скопление коробочек, количество неизвестно.

— Понял, — ответил Елисеев. — Передаю «Соколу». Прием.

В зенитных разрывах они прошли над Бородаевскими хуторами, Домотканью и другими деревеньками. Истребители Карнач висели где-то выше сзади. На одной из дорог заметили большую танковую колонну с десантом на борту. У Алексея заняли руки, и он вздохнул в микрофон. Елисеев усмехнулся.

— Что вздыхаешь?

— Жалко, добыча крупная.

— Не жалея. Будет зверь — будут и охотники. Лучше считай, сколько их.

Танки будто остановились, настороженно поводили стволами. Пехота сыпанула с бортов в кюветы. Алексей, глядя вниз, рассмеялся. «Вот дела, а долбануть их, — значит, нарушить приказ». Делать было нечего, и он, вслед за Елисеевым войдя в вираж, повис над колонной. «Двадцать девять... тридцать четыре...» Насчитали около полусотни машин. Пехоту, залегшую в кюветах, подсчитать не удалось. «Но, — думал Алексей, — если взять на одну машину по пятку, выйдет около двухсот пятидесяти человек».

Елисеев тем временем передавал:

— «Сокол-один», я — «Елисеев». Обнаружена колонна танков...

И опять появились «фокке-вульфы». Они шли тремя парами на разных высотах. В первое мгновение их не заметили ни ведущий, ни ведомый «илов», Но когда увидели, четверка Карнач уже перестраивалась, чтобы встретить пришельцев подобающим образом. В наушниках Алексея послышался хриплый, искаженный голос командира истребителей:

— Уходите!.. Мы прикроем вас...

Голос внезапно оборвался. Алексей попытался узнать, что случилось, но Карнач молчал. «Должно быть, не до того», — решил он. Но уходить, — значит, оставить товарищей в неравном бою. Он запросил решение Елисеева.

— Нам нельзя.

Карнач, как обычно, резделил свою группу на две. Одна пара связала четверку «фоккеров», вторая осталась выше, чуть позади штурмовиков. Откуда-то снизу появилась еще пара ФВ-190. «Яки» непосредственного прикрытия бросились им наперерез. Но было уже поздно. И хоть стрелки с «илов» хорошо выполняли свое дело, «фоккеры» дали несколько коротких очередей и проскочили мимо, подставив свои хвосты под пушки штурмовиков.

Алексей, сжав зубы, шел за своим ведущим.

— Ну, Коля, давай, — крикнул он.

В следующую секунду штурмовик Елисеева чуть отвернул вправо. Из-под его плоскостей сорвались два огненных шлейфа, метнулись к входившему в разворот ведущему ФВ-190. Рогожин видел, как он исчез в багрово-черном клубке дыма, затем из него во все стороны разлетелись обломки. Ведомый «фоккер» шарахнулся в сторону, и Алексей не успел поймать его в прицел, а так, на авось, пустил вдогон короткую очередь. Обрадованный таким исходом боя, он некоторое время молчал, потом закричал:

— Коля, душа из тебя вон, — молодец!

— Молчи, — прохрипел Елисеев. — Пошли домой.

На обратном пути неподалеку от Бородаевки, в лесочке, увидели дымящие костры и табун пасущихся лошадей на поляне.

— Ты смотри, Коля, — сказал Алексей, — вот мода: по утрам костры жгут. Должно, греются. А лошадки... Ах, какие лошадки!

С высоты кони казались игрушечными. Особенно выделялся белый с длинными ногами красавец. Он стоял чуть в стороне от табуна, испуганно сжавшегося от рева небесных машин, и, повернув в сторону голову, слушал гул, шедший с неба.

«Жалко лошадок. Запрягут их фашисты и угонят. А нашим колхозничкам ничего не достанется...»

— Коля, давай их шуганем с поляны, — сказал он Елисееву. — Пусть их лучше переловят и попрячут где-нибудь в наших деревнях.

Елисеев рассмеялся.

— Как ты это сделаешь?

— Э-э, проще простого!..

Тем временем гитлеровцев от костров будто сдуло. Разбежались по лесу и подняли беспорядочную стрельбу из пулеметов, потом затихли, притаились. А штурмовики развернулись и стали в вираж над табуном. Повыше кружили истребители.

— Чего крутим? — спросил Карнач. Елисеев ответил:

— Да вот Леша решил лошадок реквизиловать, Угнать их от немцев.

Карнач заинтересовался: — Угнать? Это как?

— А кто его знает... Давай посмотрим.

— Ты лучше на бензомер посмотри, — ответил Карнач. — Как у тебя?

Елисеев посмотрел и ответил:

— Думаю, вся процедура больше пяти минут не займет. На это время и на возврат домой горючего хватит.

Карнач вздохнул:

— Ну, поглядим...

Алексей, вслушиваясь в этот разговор, со снижением пошел в сторону поляны. Рев двигателя будто отрезал коням путь бегства к леску, и они, тесно сбившись, помчались в противоположную сторону через порыжевшие кусты, за которыми вдруг открылась широкая степь.

Вдалеке в сизом тумане виднелась ветряная мельница. Туда и неслись табун. Но, выскочив на открытое пространство, лошади вдруг смешались, закружились на одном месте и остановились.

Алексей увидел впереди табуна того изящного белого красавца. Вслушиваясь в гул машины, он вставал на дыбы, поджимая легкие передние копыта к брюху. Рогожину казалось, что он совершает свой протестующий, гневный, но красивый танец, косит глазами, раздувает ноздри.

Рядом, сбившись, испуганно прядая ушами, топтались лошади, смотрели на своего жоака, а он то отступал к ним, то вырывался вперед, бил передними копытами в землю, откидывал короткий, точно летящий серебристый хвост и, казалось, ржал тоскливым, надрывным ржаньем. Алексей оглянулся назад, в сторону леса. «Да, верст на пять я их уже отогнал, — подумал он и, кружа над табуном, любуясь белым танцующим конем, в странной, непонятной самому себе связи вспомнил и это сегодняшнее утро, еще там, на аэродроме, и Тоню, необыкновенно похорошевшую, с грустными глубокими глазами, и только что десять минут назад победную схватку с «фокке-вульфами», и вот эту сиюминутную встречу с белым конем, не принимающим противоестественного небесного гула, — и его охватило радостное, просветленное чувство, как будто он впервые совершил на войне не разрушение, а нечто иное — дал жизни светлое, торжествующее продолжение. И «виной» всему этому был настороженный, стоящий на задних ногах, белый танцующий конь.

Повторение подвига

Прошли осенние проливные дожди. Дороги развезло, напитало влагой долины и склоны балок, отяжелели леса. Далеко отстали подразделения батальона аэродромного

обслуживания. Полк задыхался от нехватки боеприпасов и горючего. Поэтому часто приходилось вылетать на задания с неполным боекомплектом для пушек и пулеметов. Иногда он состоял из двух-трех средних авиабомб и пары эрэсов.

Израсходовав их, летчики вынуждены были возвращаться назад, не сделав и половины того, что требовалось. Люди нервничали, кляли непогоду. А фашисты наседали на отвоеванные с таким трудом плацдармы. Пехотинцы и артиллеристы яростно сопротивлялись их атакам.

Отчаяние охватывало летчиков при виде того, что происходило там, внизу, в клубящемся чаду и вспышках огня.

— Па-анимаешь, дарагой, так скверна на душе, — сказал, покачивая головой, Джинчарадзе и положил на грудь ладонь, сухую, твердую, с теплой синевой жилок.

Таким Алексей и запомнил его.

Жан взволнованно продолжал:

— Вот какие дела, дарагой друг. Все равно, как должник я. Лечу, вижу — люди гибнут, а памочь нечем, Не знаю, кто как, а я вот, видишь, такой...

Алексей успокаивал его:

— Ничего не поделаешь. На войне все бывает. Разгуляется погода, подвезут нам всего. — И дружески положил на плечо Жана руку.

Тот тоскливо посмотрел в сторону от аэродрома, туда, где за увалами скрывалась деревня. Алексей перехватил его взгляд и, улыбнувшись, спросил:

— Ну, признайся, дружище, кто у тебя там? Жан вздохнул:

— Панимаешь, Леша, не будем пока говорить об этом.

— Не будем, так не будем, — согласился Алексей. Он был доволен, что хоть немного отвлек, утешил этого восприимчивого к чужой беде человека.

* * *

Сегодня, шагая в деревню, Жан никому не доверил своих дум и после ни с кем не успел поговорить, потому что прибежал на аэродром прямо перед вылетом на боевое задание.

Минутой раньше прилетел из-за Днепра Рогожин и стал заправлять свою машину на заправочную. Командир полка уже отдал приказание на вылет очередной группы, но комэск Александров доложил, что в ней отсутствует Джинчарадзе.

— Я виноват, товарищ командир, — с полным сознанием своей вины, глядя на Матикова, сказал он. — Виноват, что разрешил ему отлучиться в соседнюю деревню.

Александр Пантелеевич нахмурился. Он понимал, что на войне житейские дела могут вступить в конфликт с воинской дисциплиной, и если бы не Рогожин, слышавший этот разговор, Жану пришлось бы понести наказание. Выступив вперед, Алексей сказал:

— Товарищ майор, разрешите слетать на машине Джинчарадзе. Штурмовик заправлен, готов к вылету.

— Что ж, младший лейтенант, если не устал, выручай друга.

Прижимая планшет к бедру, Алексей бегом бросился к машине Жана, крикнул своему стрелку:

— По-ошли со мной!

Тот сорвался с места и, подхватив уже снятый парашют, быстро забрался в самолет. Стрелок Джинчарадзе, увидев, что в его кабине хозяйничает «чужой», вскочил на крыло. Был он намного старше рогожинского, поэтому обратился к нему не церемонясь:

— Сынок, а сынок, кто же тебе разрешил лететь с моим командиром? А ну-ка, отвечай!

Стрелок Рогожина обиженно закрутил головой.

— Кто разрешил? А мой командир и разрешил.

— Вылазь, а то я тебе и твоему командиру наподдам. Никто не имеет права с моим командиром летать.

Тут Алексей приподнялся в кабине, взглянул на стрелка.

— Это приказ командира полка. Младший лейтенант Джинчарадзе отсутствует. Поэтому на вашей машине полетит мой экипаж.

Стрелок удивленно смотрел на Алексея, ничего не понимая. Оглянувшись, он вдруг увидел стремительно бежавшего наискось по аэродромному полю Жана. Увидел его и Алексей. Жан, что-то крича, грозил кулаком. Подбежав, рывком оправил под ремнем гимнастерку. Тяжело дыша, не поднимая мерцающих сухой чернотой суженных глаз, хрипло с акцентом произнес:

— Вылаз, да-арогой.

Радуюсь тому, что Жан вернулся все-таки вовремя, Алексей спрыгнул на землю, хлопнул друга по плечу.»

— Все в порядке. Садись. Задание прежнее — Бородаевский плацдарм, танки и артиллерия.

Опершись рукой о плоскость, Жан ловко бросил на нее свое тело, выпрямился. Пружина ногами в сапогах, наспех вытертых травой, быстро надел парашют и полез в кабину. Усевшись, глянул на Алексея.

— Спасибо, что выручил. Но я никогда не опаздывал и не опоздаю. Запомни это, Леша.

— Понятно, — засмеялся Алексей. — Впредь учту.

С КП последовал приказ взлет задержать, заправить только что приземлившиеся машины и вылететь группой в двенадцать штурмовиков. Пока готовили самолеты, прошло минут двадцать пять. Наконец все заняли свои места и по зеленой ракете, рассыпавшей почти невидимые искры, начали вырывать на старт.

Один за другим без задержки быстро и организованно взлетели и пошли за Днепр. Вел группу командир первой эскадрильи старший лейтенант Александров. Подлетая к цели, он еще рез предупредил по радио:

— Боеприпасы беречь. Бить только наверняка.

Невесело чувствовали себя летчики. Одно дело, когда летишь оснащенный, при полном боекомплекте, и совсем другое, когда в пулеметных ящиках не хватает патронов, на каждую пушку приходится всего по несколько снарядов да в люках спрятана пара-другая авиабомб. Тем не менее боевое задание надо было выполнять.

За позициями наших пехотинцев и артиллеристов последовала команда «Приготовиться». Жан внимательно осмотрелся, как всегда предупредил стрелка:

— Смотри в оба!

Сколько раз говорилось это при подлете к передовой! Сколько раз, понимая, что и так стрелок всегда внимателен и осторожен, но каждый из летчиков считал своим непреложным законом напомнить о бдительности сидящему за спиной человеку, щиту твоего экипажа.

За передовой неожиданно, но знакомо блескуче резанули короткой вспышкой зенитные разрывы. И это беззвучие смертельной опасности гнетуще давило на летчиков. Но они продолжали вести свои машины сквозь густое поле распутившихся букетов от зенитных снарядов.

Бросая штурмовик из стороны в сторону, Жан осматривался, и когда близко ударяла огненная вспышка, спрашивал по СПУ у своего стрелка:

— Живой?

— А куда я денусь? — спокойно отвечал тот.

— Пасматривай там. А то могут «ахотники» падкрасться. Понимаешь?

— Понимаю.

Стрелка перебил неожиданно вторгшийся голос командира эскадрильи:

— «Заря-восемнадцать», до встречи!

Как и было задумано, Александров с половиной группы, шел дальше в тыл, другая половина во главе с Джинчарадзе стала разворачиваться для атаки по батарее противника. Позади, чуть выше, висели «яки».

Артиллеристы противника в первые секунды растерялись, увидев отделившуюся шестерку штурмовиков и висящие над ней две пары «яков». «Илы» с левым разворотом вошли в стремительное пикирование.

Жан видел, как шесть орудий беспрестанно били по нашим позициям. Изрыгая огонь, их стволы откатывались и откатывались назад. Казалось, содрогалась, плясала под ними черная, без травяного покрова земля.

Чуть повернув машину влево, Жан поймал в перекрестие прицела батарею и нажал кнопку эрэсов. Тотчас среди орудий взметнулись языки пламени.

Дым, клубясь, расстилался внизу. Другие летчики били по расставленным вокруг батареи зенитным установкам. Когда из атаки вышел последний штурмовик, Джинчарадзе с удивлением и горькой обидой убедился в том, что батарея как ни в чем не бывало продолжает вести огонь, а штурмовики, расстрелявшие почти все боеприпасы, ходят над клубами дыма. Ветер сметал в сторону остатки гари, открывая позиции фашистов. Батарея, нацеленная на наш плацдарм, все вела интенсивный огонь. «Да что же это такое?» — в смятении думал Жан и с тем же привычным доворотом опять вышел на эти ненавистные шесть стволов, торчавших из земли.

На мгновение взгляд уловил в стороне покореженные орудия, повозки. «Вот все, что могли сделать, — подумал он с горечью. — А эти невредимы и бьют. Бомбы не попали в цель».

Жан, перемещая нос штурмовика от пушки к пушке, бил по ним короткими очередями, надеясь вывести из строя. Выровняв машину, он посмотрел вниз. Те же шесть стволов наклонно торчали над серой, в черных пятнах воронок землей и продолжали стрелять. Эта безнаказанность, ее торжество вселили в Жана ярость.

Хорошо понимая, что прервать эту смертельную работу он не может, сознавая свое бессилие, представил, что скажет командиру эскадрильи: «Задание не выполнил, промахнулся».

В это время внизу под машиной разорвался зенитный снаряд, в моторе что-то затрещало, в кабине запахло гарью. Штурмовик, еще послушный руке летчика, будто ожидал, что он предпримет. И Жан, включив СПУ, сказал стрелку:

— Наш самолет подбит. Группа не выполнила задание. Приказываю прыгать.

Стрелок секунду помолчал, затем с придыханием ответил:

— Я останусь с тобой, командир.

— Прыгай! Немедленно прыгай! — приказал Жан и, включив передатчик, послал в эфир слова: — Прощайте, товарищи. Идем на батарею.

Алексей Рогожин, лучше других знавший Джинчарадзе, понял все значение этих простых слов. Накренив машину, он видел, как штурмовик Жана приближался к батарее.

Там, внизу, фашисты уже заметили необычность поведения подбитого «ила». Орудийные расчеты заметались, стали разбегаться в стороны. Еще мгновение и тяжелый штурмовик смел одно за другим несколько орудий.

Алексей, глядя вниз, еще надеялся на чудо, но во всепоглощающем смерче взлетели в воздух обломки металла, плоскостей, катились сорванные колеса и валялись друг на друга стволы пушек. Потом рванула вверх вспышка огня — взорвались баки штурмовика, и сплошная пыльная завеса повисла над артиллерийской позицией.

Рогожин прикрыл глаза рукой и секунду летел в темноте, а когда отвел руку, увидел ствол чудом уцелевшего орудия. Он вошел в пикирование и, поймав пушку в перекрестие прицела, всадил в нее весь оставшийся боезапас. Выходя из атаки, включил передатчик и сказал:

— «Заря-четыре!» Я — «Заря-семнадцать». Джинчарадзе таранил батарею. В молчании возвратились они на свой аэродром.

Матиков издали наблюдал за идущими друг за другом летчиками, с трудом узнавал в сутулящемся долговязом человеке комэска Александра, в суховатом, подбористом летчике с растрепанными светлыми волосами Рогожина, за ним бредущего Алексева с почерневшим, будто осыпанным пороховой гарью лицом. Все они шли молча. Слышно было, как шуршит под их сапогами пожухлая трава.

Из землянки КП вышли замполит майор Зак, начальник штаба подполковник Пусторнаков, адъютанты Сидоров, Козлов, Еремин. Позади летчиков толпились механики, вооруженцы. И тишина стояла над аэродромом, только шуршала и шуршала трава. Низко стоявшее солнце светило из-под туч длинными оранжевыми лучами. Осколками белели на обочинах холодные дождевые лужи. На ходу застегивая непослушными пальцами ворот гимнастерки, Александров подошел к Матикову, медленно поднял к виску руку:

— Товарищ майор, задание выполнено. Уничтожено... — Он перечислил все, что было разбито, сожжено штурмовым ударом, помолчал, опустив глаза. Глубокая складка легла между белесыми бровями. — Младший лейтенант Джинчарадзе в последнюю минуту передал в эфир: «Идем на батарею...» — Он вновь помолчал. Судорожно двинулся вверх-вниз на его горле кадык. — Батарея уничтожена. Остатки ее добивал младший лейтенант Рогожин.

Матиков, сжав губы, молча смотрел на Александра, затем снял фуражку. Его примеру последовали остальные. Ветер трепал черные короткие волосы на склоненной голове командира полка. Солнечный яркий свет путался в них, выхватывал тонкие седые паутинки.

Глядя на командира, летчики с острой, почти сыновней жалостью ощутили, каким неоплатным должником он чувствует себя перед их матерями, сестрами, братьями и отцами. И хотя их человеческое горе и беду рождала неумолимая сила войны, каждый летчик хотел бы взять на себя хоть частичку этого бремени, выпавшего на долю их командира.

Но надо было жить, надо было делать военную работу, и Матиков распорядился немедленно сообщить семьям погибших об их героической гибели, а сам принялся звонить в штаб дивизии.

Трубку поднял заместитель командира дивизии полковник Шундриков. Командир полка доложил о происшедшем. Несколько секунд в трубке слышались непонятные шорохи, потрескивания. Матиков ждал. Казалось, Шундриков обдумывал ответ. Наконец он перевел дыхание, и голос его, налитый болью, дохнул в самое ухо:

— Да, Александр Пантелеевич, тяжелую весть ты сообщил... Говоришь, Джинчарадзе? Такой молодой, чернявый?

— Да, молодой, чернявый, — повторил Матиков.

— Семье сообщить распорядился? — допытывался Шундриков.

— Да, — ответил Матиков.

— Сколько у него боевых вылетов? — И, выслушав ответ командира полка, продолжал: — Готовь документы на присвоение Джинчарадзе звания Героя Советского Союза.

— Есть, товарищ полковник.

— Проведите вместе с замполитом беседу с личным составом. Поднимите дух людей, скажите, принимаются все меры к обеспечению бесперебойной доставки боеприпасов. Уже выделены тягачи для авиаполков. Комдив обещал сам проследить за этим. Несмотря ни на что, боеснабжение будет налажено.

— Спасибо, товарищ полковник.

— Не мне спасибо, а тому, кто будет возить боеприпасы. Ну, не падай духом... До свидания.

Не успел Александр Пантелеевич выйти из землянки, как в небе послышался гул. С задания возвращалась вторая группа штурмовиков, и сердце его опять зануло. Вместо восьми приземлилось семь машин. «Кто не вернулся? Над чьей территорией сбит? Жив или нет?» На все эти вопросы требовался незамедлительный ответ.

Стоя у рулежной дорожки, он наблюдал, как один за другим «илы» заруливали на стоянки. Вот один, забрызганный маслом, будто взмокший, почернелый, устало покачиваясь, остановился, и летчик сдвинул колпак кабины. «Значит, нет тридцать третьего?»

И пока летчики вылезали из кабин и разговаривали со своими механиками, Александр Пантелеевич, мучительно переживая, с досадой на самого себя подумывал: «Нервишки, брат, разыгрались. Спокойно, спокойно, дорогой товарищ...» Но как ни уговаривал он себя, ничего не мог поделать — руки без нужды трогали планшет, поправляли на голове безукоризненно сидевшую фуражку.

Черным, без просвета, оказался для него этот день. Не успел как следует передохнуть от первой вести, как подоспела вторая: не вернулись еще двое. Ведущий группы доложил Матикову:

— Товарищ майор, погиб старший лейтенант Синенков. Он на горячей машине вместе со своим стрелком упал на артбатарею противника.

Плечи опустились у Александра Пантелеевича. На секунду прикрыв глаза, он тронул лицо похолодевшей ладонью и почувствовал, как дрожат от мелкой, противной дрожи пальцы.

А у самолета Рогожина, прислонившись к холодной стойке шасси, плакала Валя Маленькая, и майор Матиков до пронзительной ясности ощутил всю нечеловечески трудную меру потери людей и, не двигаясь с места, некоторое время вслушивался в доносившиеся всхлипы. Потом обвел всех взглядом, задержался на Рогожине.

— Младший лейтенант, это ваш экипаж? Идите успокойте человека. — Помолчав, с хрипотцой в голосе добавил: — И, пожалуйста, подобного на аэродроме происходить не должно.

Алексей козырнул и медленно пошел к своему самолету.

За ужином в столовой замполит майор Зак взволнованно говорил:

— Сегодня мы потеряли верных боевых товарищей, друзей. Они пожертвовали собой, выполняя приказ. В их поступке — честь, доблесть и слава советского воина. Мы скорбим о них, но пусть наши потомки знают, как мы жили, боролись, не щадя своих жизней, и побеждали. Если каждый из нас не отдаст делу, работе хоть частицу своего сердца, не будет на земле того, что хотим. Мы сами делаем свое будущее. И те, кто воюют с фашизмом, не зря проливают свою кровь. И если кто после нас спустя годы не поймет этого — он не наш. Вперед, дорогие товарищи, только вперед! К миру, к труду, к счастливой жизни!

И когда расходились в глубоком молчании, каждый осмысливал сказанные майором Заком слова: «И после, в мирные годы, за настоящую жизнь надо будет воевать так, как воюем сейчас». Алексей оглянулся на Павла и сказал:

— Действительно, как будем жить после и мы, и наши потомки, как думаешь?

Павел долго молчал, а потом тихо ответил:

— Хорошо, Леша, счастливо будем жить за себя и за погибших друзей...

В водах Днепра

Вечер был пасмурный и сырой. Ветер стучал в наспех навешанные двери землянок, свистел и шуршал в маскировочных сетках, и часовой, кутаясь в плащ-палатку, ждал, когда придет разводящий и можно будет уйти в уютную теплынь землянки.

Не спалось в эту ночь Алексею. Накинув на плечи куртку, он вышел на улицу и, когда глаза привыкли к темноте, увидел стоявшего у входа в землянку Павла. Алексей шагнул к нему, сказал глухим голосом:

— Ну и денек был сегодня!

— Завтра будет не легче.

Подошел часовой, потоптался рядом.

— Спали бы, что ли, — сказал он. — Маячите тут, в смуту вводите...

— Чем ты недоволен? — спросил Алексей.

— Мне нужна тишина, а вы ее нарушаете.

— Какая там тишина? Слышишь, как свищет? Часовой прислушался и сказал:

— Ветер не в счет. Он очищает землю, выветривает ее. А вам надо спать. Завтра, поди, опять в бой.

Неожиданно взбодренные этим ворчливым, хрипловатым голосом, они пожелали ему всего наилучшего и ушли в землянку.

— Ну, ладно, давай спать, — предложил Павел, — А то завтра, как сказал ночной страж, опять в бой.

Утром по приказу комдива полковника Родякина Алексеев и Рогожин вылетели на станцию Верховцево. По разведанным, там скопилось большое количество танков и артиллерии. Приказ был категоричен и краток: «Уничтожить!»

* * *

Летчикам предстояло пройти через Бородаевку и Вольные Хутора, зайти в тыл противника, развернуться и со стороны солнца обрушиться на фашистов. Ведущим в этом полете был Павел Алексеев.

Взлетели парой и в назначенном месте встретились с истребителями прикрытия — четверкой «яков» во главе с капитаном Степаном Карначем. Небо очистилось. Пригревало солнце. Алексей нажал кнопку передатчика и сказал Павлу:

— Погодка, как по заказу.

— Поговорим после полета.

За станцией развернулись и со стороны солнца пошли в атаку. Зенитки, как и рассчитывал Павел, с опозданием открыли огонь. Внизу под крылом, в переплетении железнодорожных путей, в сизой дымке тесно стояли эшелоны — вагоны, цистерны, платформы с танками и орудиями. Алексей, внимательно следя за огнем зениток, бросая самолет влево, вправо, вверх и вниз, выбирал цель. Решил так: «Если ударить по цистерне, начнется пожар. Одним снарядом пушки можно столько натворить, что вся станция выйдет из строя. А пулеметами начну лупить по вагонам».

Так и сделал. С первого же удара рванула, развалилась на загибающиеся куски металла цистерна. Хлынувшее горячее вспыхнуло огромным черно-красным пламенем. Расширяясь, оно прихватывало соседние цистерны, металось по их черным тушам, бежало, будто принохиваясь к каждой щелке.

Сделали еще по одному заходу. На этот раз снаряды попали в вагон с боеприпасами. В воздух полетели обломки досок, железа. По перрону станции заметались фигурки солдат. Но там их встретили очереди Павла. Сбросив свои бомбы на эшелоны, он с пикирования поливал перрон пулеметно-пушечным огнем. Тут только Алексей опомнился, сообразил, почему зенитки бьют вяло и редко.

Оказывается, «яки» Карнача не растерялись. Воспользовавшись тем, что в воздухе нет вражеских истребителей, они произвели штурмовку зенитной батареи. Теперь была откуда-то с окраины станции только одна зенитная установка. И когда Алексей, выводя штурмовик из пикирования в сторону своей территории, пролетал мимо, в его самолет попал снаряд. Двигатель стал захлебываться, машина клюнула носом и пошла на снижение.

Весь залитый потом, Рогожин передал:

— Все, Паша, выхожу из игры!

— Вижу. Но ты молодец. Смотри, что натворил!

— Я падаю.

Штурмовик трясло как в лихорадке. Двигатель работал с перебоями. Кабину заливало маслом.

— Тяни! — крикнул Павел. — Как можно дальше, к своим. Я тоже подбит. Мотор стучит, но пока работает.

Голос его, далекий и слабый, едва долетал до слуха, и Алексей, пожалев о том, что поневоле оставляет своего ведущего одного, теперь цеплялся за каждый метр высоты. Мотор хоть и работал, но самолет продолжал снижаться. Алексей вел его по прямой через Верхнеднепровск к своему левому спасительному берегу. Над ним ходили два «яка»: Карнач не бросал Рогожина одного. Два других истребителя шли следом за уходящим Павлом. Длинный оранжево-дымчатый хвост тянулся за его самолетом.

* * *

Сомнений не было, высоты не хватало, о« падал на территорию, занятую противником, и, хуже того, мог приземлиться на одну из улиц Верхнеднепровска. «Неужели плен?» Но он продолжал бороться за то, чтобы все-таки дотянуть до Днепра.

Самолет Павла уже скрылся там, в северной стороне неба, таяла, исчезала оставленная им черная полоса.

Отчетливо вспомнилось, о чем говорили сегодняшней ночью. Но думать об этом было некогда — приходилось всеми силами удерживать машину от сваливания на крыло. «Все, — подумал Алексей. Холодной испариной обдало лоб. — Все?..» Откуда-то с окраины ударила зенитка. Разноцветные трассы пронеслись над кабиной. Оставалось совсем немного спасительной высоты.

Что-то белое встало впереди. Алексей, протирая залитые потом глаза, всмотрелся. Навстречу «илу» неслись дома, заборы, деревья с облетевшей листвой. Высота убывала, и Алексей понял, что ему придется сажать машину на эти разноцветные крыши. Он выключил зажигание, напрягся, приготовился к удару.

И вдруг город, расположенный на крутом берегу, остался позади, а впереди как спасение радостно блеснула широкая гладь реки. И Алексей, уже не обращая внимания на хлещущие зенитные трассы, запел, заорал непонятную для самого себя песню.

Он нажал кнопку СПУ и сказал стрелку:

— Приготовься, сейчас будем приводняться.

Стрелок молчал. Алексей позвал его еще раз, но ответа не последовало. Противоположный берег виднелся в легкой осенней дымке, далекий, желанный.

Штурмовик уже касался вращающимся по инерции винтом водной глади, чиркал по ней задней частью фюзеляжа. Вокруг бежали одна за другой встревоженные темно-сизые волны. Бурлила перед носом вода, крупные брызги ее закидали фонарь кабины. Самолет, как глиссер, гася скорость, еще какое-то время продолжая движение к левому берегу, постепенно уходил под воду.

«Стоп! — приказал себе Алексей. — Не суетись. Надо, чтоб машина опустилась на дно. А если сейчас открыть кабину, попытаться выбраться из нее, может закрутить водоворотом». Непроницаемая темно-зеленая толща воды стояла за фонарем, постепенно проникая в кабину. Мириады белых пузырей воздуха вспухали и лопались вокруг. В ушах стоял все усиливающийся непонятный шум.

Оказавшись под водой, Алексей был спокоен и сосредоточен. Покачиваясь, теряя инерционную силу, штурмовик медленно опускался на дно. Мягкий толчок и — тишина. Рогожин отстегнул привязные ремни, выждал, пока от машины уйдут мутные потоки воды, скинул парашют и с усилием оттянул по направляющим фонарь.

Отталкиваясь ногами от пола, успел заглянуть в заднюю кабину — стрелка в ней не было.

Глубина оказалась небольшой, но в голове зашумело, сдавило виски. Вынырнув, глубоко вздохнул: «Теперь-то уже я точно спасен. Не зря же занимался до войны плаванием и даже был чемпионом в этом виде спорта». Ветер гнал по Днепру мягкую рябь. Били пулеметы. Оставляя пенные хвосты, пули с визгом чиркали по поверхности воды. Отдышавшись, Алексей закричал во весь голос:

— Ого-го-го-го!.. Вот вам, фашисты проклятые! — И, подняв руку, погрозил им мокрым, крепко сжатым кулаком.

Тотчас с правого берега простучал пулемет и где-то впереди поднялись фонтаны воды. До левого отлогого, песчаного, поросшего кустарником берега оставалось метров сто пятьдесят.

Рогожин набрал воздуха и что есть силы, отталкиваясь руками и ногами, ушел под воду. Одежда сковывала движения, но он, выбрасывая руки, плыл вперед. Еще раз вынырнул, глотнул воздуха. До берега было недалеко. «Ну, Леша, еще один рывок», — сказал он себе и снова ушел под воду. Течение относило его к песчаной косе. Неожиданно он зацепил руками за дно.

Алексей встал и с опаской поглядел на другой берег. С трудом переставляя вязнущие в иле ноги, он вышел из воды и побежал на взгорок к кустам. Спина ждала выстрела, и какой-то внутренний голос твердил: «Не беги по прямой, не беги по прямой». В сапогах хлюпала вода, ноги вихлялись и скользили. Гулко в отдалении простучала очередь. Алексей упал под кусты. «По мне. Выходит, заметили, гады». И тот же голос напомнил: «Нельзя лежать: кусты пристреляны».

Алексей отполз в сторону, и тут же по месту, где он лежал, щелкнули пули. Осмотрелся. Рядом увидел ячейку. На глинистом бруствере валялся окурочок, под ногами звенели красноватые гильзы. «Значит, где-то рядом свои, — переводя дыхание, сообразил Алексей, но рисковать не стал. — Хватит мне и Днепра, и зигзагов, и пластунского хода. Не буду искушать судьбу, не буду».

В ячейке он просидел до вечера. Закатилось солнце. Запад тонул во мгле. Два раза протянули над Днепром туда и обратно штурмовики и бомбардировщики. Легко шли в стороне над ними быстрые, стремительные «яки».

С завистью смотрел на них Алексей. «А моего штурмовичка нету... Лежит на дне». Вздохнул, уселся поудобней, устало прикрыл глаза. В мокром обмундировании его пробирала дрожь.

Но как только надвинулись сумерки и над Днепром поднялся легкий, белый туманец, у ячейки кто-то прошуршал. Алексей вскинул глаза. Сверху к нему заглядывал боец в каске, с автоматом, выставленным вперед. Он с любопытством оглядывал летчика.

— Здорово, браток, — окающим тенорком протянул он. — Ну что, пора выползать, а?

По дороге боец сунул Алексею сухарь.

— Небось проголодался?

— Есть такое. Спасибо.

Закуривая, боец пояснил:

— А мы видели, как ты упал в Днепр. Спорили, гадали, жив или нет. Решили ждать до темноты. Я тут индивидуальный пакет прихватил на всякий случай. Не поцарапало?

— Я везучий, — ответил Алексей, с усмешкой вспоминая ту женщину и ее слова: «Долго будешь жить, летчик...». — Сколько сбивали и ни разу серьезно не поцарапало.

— Выходит, ты в рубашке родился?

— Выходит, так. А вот жив ли мой стрелок?

Встреча со счастьем

Отдрожала приднепровская земля, отметались над ней огненные смерчи. На бескрайних степных просторах оживали сожженные травы, на пепелищах и развалинах поднимались села и города. Светлело небо — война ушла за рубеж родной земли. Советские войска продолжали стремительно продвигаться вперед, очищая территорию соседних стран от ненавистных фашистских захватчиков.

Здесь, на польской земле, ждала Алексея встреча с Женей. Он хорошо, на всю жизнь, запомнил тот яркий, наполненный пронзительной синевой день.

Алексей находился на излечении в госпитале после того, как был сбит над Сандомирский плацдармом. Здоровье его шло на поправку, и с разрешения начальника госпиталя он часто выходил погулять по узким улочкам небольшого польского городка, где все привлекало его внимание, удивляло своей непохожестью в сравнении со своим, русским, — и дома, и крыши, и вытертая до глянца брусчатка мостовой, и старые костелы, на которых радостно играло бликами весеннее солнце, и польские женщины и девушки, проходившие мимо с приветливыми улыбками.

Алексей шагал по тротуару, вдыхая упоительный воздух, на душе у него было празднично. Из-за угла белокаменного общелканного пулями и осколками здания выехал запыленный грузовик.

Шофер, притормозив машину, высунулся из кабины, окликнул Рогожина:

— Послушай, не скажешь, где тут госпиталь?

— Да тут недалеко, — ответил Алексей. — Я сам туда иду.

Из-за плеча шофера, загораживающего своей широкой спиной Рогожина, выглянули такие знакомые ясные Женины глаза, сверкнул белозубой улыбкой рот. Не успел Алексей сделать шага, как она выпрыгнула из кабины и, обежав машину, бросилась к нему, повисла на его плечах, улыбаясь, смотрела в лицо. А он, ослепленный блеском ее улыбки, оторопело стоял, опустив руки, и, поняв, что это не сон, крепко обнял, прижался к горячему лицу Жени.

Шофер изумленно смотрел на них, ничего не понимая, пока военврач с выбившимися из-под пилотки волосами, волнуясь, ежесекундно оглядываясь на Алексея, не повернулась и не объяснила, что встретила того, о ком рассказывала.

— Это же надо, — говорила она и быстрыми движениями рук поправляла волосы. — Какой счастливый перекресток, да? Что же мы стоим? — спрашивала она, по очереди глядя то на Алексея, то на шофера.

Наконец тот первый догадался, что делать, и предложил Алексею:

— Садись в кузов и поедem в твой госпиталь.

У подъезда госпитального здания машина остановилась. Алексей проворно прыгнул на землю, шагнул к дверце, чтобы помочь Жене. Она вышла из кабины, немного опечаленная, приникла к Алексею, прошептала:

— Не сердись, Алеша, буду занята, видимо, до вечера. Дела. Потом обо всем поговорим. — И вздохнула: — Сейчас надо начальству доложить о прибытии.

Он обнял ее, тоже шепотом ответил:

— Хорошо, хорошо, буду ждать. Давай я тебе помогу. Что у тебя там? Чемоданчик, шинель? А ты, браток, куда? — спросил он выглядывавшего из кабины шофера. — Вылазь, перекурим.

— Да нет, мне в часть надо возвращаться. Бывайте здоровы.

Машина ушла, а Женя развела руками, обрадованно сказала:

— Вот и встретились. А я все мечтала и никак не могла представить, где и как это будет.

Несколько минут они постояли у подъезда, молча глядя друг на друга. Потом он проводил ее до кабинета начальника госпиталя.

А вечером они бродили по ночному городку, зашли в маленький скверик. Она положила голову на плечо Алексея, и так они сидели, вслушиваясь в тишину, глядя на небо, усеянное мерцающими звездами. Алексей, волнуясь, говорил:

— Такое время. Идет война, гибнут люди, а я счастлив и не могу скрывать это. Наверное, это плохо, да, Женя? — И, помолчав, сам ответил: — Нет. Я очень счастлив и не стыжусь. Я теперь еще яростнее буду бить фашистов, чтобы скорее пришла победа.

Он вспомнил, как после гибели Джинчарадзе и Синенкова к летчикам пришел замполит майор Зак и они долго говорили о будущем. Кто-то из летчиков тогда сказал, что даже если и останется жив, уже не сможет быть счастливым, так как все время будут стоять перед глазами погибшие товарищи, ужасы и жестокость войны. Тогда комэск Александров горячо возразил: «Ты не прав. Гибель наших друзей — светлая. Они отдали свои жизни, чтобы ты, мы, все, кто доживет до победы, радовались жизни и были счастливы вдвойне, за себя и за них». И Алексей взволнованно рассказал Жене о гибели своего первого комэска, пожертвовавшего своей жизнью, спасая молодых неопытных летчиков, будучи старше их всего на два-три года.

Случилось это недавно над Сандомирский плацдармом. Был очень плотный зенитный огонь. Разноцветные трассы перекрестывали небо. Вот уже один самолет дымя, свалился на крыло, второй взорвался в воздухе. Гибли молодые летчики. Тогда комэск и приказал ему, Рогожину, возглавить группу штурмовиков, а сам с разворотом вошел в пикирование на зенитную батарею фашистов. Последнее, что услышал Алексей по радио, был приказ Александрова: «Веди группу на цель».

А там, где стояла зенитная батарея, поднялись огромные клубы дыма, заметался огонь, взлетели стволы орудий, покореженные щиты. Самолета комэска не было видно — его поглотил чудовищный взрыв.

Женя незаметно достала из кармана платочек и вытирала глаза. Алексей посмотрел на нее пристально и решительно сказал:

— Вот скоро выпишусь из госпиталя и отомщу за моего друга и командира Геннадия Александрова, как отомстил за майора Козлова. В этом я клянусь тебе, Женя!

Она нежно, с тревогой прошептала:

— Я горжусь тобой, Леша. Горжусь и боюсь за тебя...

Стало прохладно. Алексей проводил Женю до домика, где жил медперсонал. Попрощались, стоя у раскрытых дверей. Пожелав ей спокойной ночи, он вернулся в свою палату.

Рогожин разделся, лег на койку, закинул за голову руки. Перед глазами стояло лицо Жени, манила, тревожила ее улыбка.

Он забылся чутким сном и видел склоненное лицо, шепчущие губы, ощущал прохладные пальцы, трогающие его щеки, лоб...

Алексей проснулся от непонятного гула, поднялся с койки, вышел в коридор. Медсестра, дремавшая у столика при тусклом свете ночника, подняла на него вопрошающий взгляд.

— Ты что, милый? — спросила участливо. — Плохо тебе?

— Нет, ничего, — ответил Алексей. — Душно, И гул... Слышите?

— Иди спать, — сказала сестра. — Никакого гула нет. Это контузия твоя гудит.

Алексей вспомнил рассказы бывалых летчиков о том, что ночами они слышат завывания моторов, грохот пушек и взрывы бомб. За собой же заметил некоторую странность: где бы ни был — в столовой, на улицах городка — глаз все искал Женю, и это беспокойство утомляло его.

Вернувшись в палату, он почитал книгу, написал матери письмо. «Дорогая мама, ты не беспокойся обо мне. Все идет хорошо. Я жив, здоров, чего и тебе желаю, моя дорогая. Высылаю тебе фотографию. На ней я со своим боевым дружкой, стрелком Алешей Голубевым.

Ты как-то спрашивала в письме, чего это я на одной из фотографий спрятал руку за спину своего товарища? Ничего особенного, мама, не было. Просто слегка царапнуло, а теперь уже зажило.

Дорогая мама, скоро конец войне и скоро жди меня домой с победой. Обнимаю тебя. Любящий тебя сын Алексей».

Закончив письмо, почувствовал, что утомился, прилег на койку. Сколько проспал — не знал, но внезапно услышал знакомый голос, приподнялся. Было уже светло. В дверях увидел главврача и Женю в белом халате.

Алексей постеснялся, что она увидит его в одном госпитальном белье, и торопливо натянул одеяло. Врачи прошли в палату, стали расспрашивать раненых о самочувствии. Казалось, долго, очень долго шли они к нему. Алексей поймал Женин взгляд, улыбнулся.

— Здравствуйте, лейтенант, — сказала Женя, присаживаясь на койку.

— Здравствуйте, доктор...

Главврач подошел к ним, отрекомендовал ей Алексея:

— Это наш герой. Он упал с высоты трехсот метров и, как видите, живой. Скоро в строй.

— Вот как? — нараспев сказала она. — Я вижу, что он действительно герой. И на земле, и в небе чувствует себя достаточно свободно.

Он чувствовал на своей груди прикосновение ее пальцев, холодок стетоскопа, и сердце его билось все громче. Женя, держа его за руку, проверила пульс, немного усмехнулась, и неожиданный румянец выступил на ее лице. Весь во власти нежности и любви Алексей прошептал:

— У нас сегодня танцы. Я тебя приглашаю.

— Ты с ума сошел, — тихо сказала Женя и оглянулась на главврача.

Она сидела перед ним, ласково улыбалась, часто взмахивая густыми черными ресницами, и он, глядя на ее залитое румянцем лицо, большие выразительные глаза и чуть продолговатые смуглые щеки, с удивлением подумал, какая она юная.

Главврач, кажется, уже заметил необычную оживленность Жени в разговоре с Рогожиным и с любопытством посматривал в их сторону. Потом подошел к ним, одобрительно заметил:

— Вот вы и подлечились у нас, лейтенант. Теперь снова в строй. И постарайтесь, больше не падать. Война скоро кончится, и домой надо возвратиться здоровым и невредимым. — Он многозначительно посмотрел на Женю и добавил: — А потом у вас в жизни все будет — и счастье, и радость. Может быть, и слезы. Но только слезы хорошие, легкие.

Главврач оказался дальновидным: все у них было потом, и радость, и любовь, и первые неожиданные узнавания друг друга, и весенние ночи на чужой земле, когда между боями Алексей, забывая обо всем на свете, бежал к ней навстречу.

Были первые размолвки, без которых не бывает человеческой жизни, были и первые уступки друг другу — и это роднило, сближало их сердца, были и легкие слезы у Жени, когда они оба решили пожениться и на это требовалось разрешение начальства. А чтобы всегда быть вместе, надо было перевести Женю в полк, и Алексею пришлось обратиться с просьбой к своему командованию.

И каково же было их счастье, когда они получили добро. Женя плакала легкими слезами. Алексей вытирал платочком лицо своей жены и верной подруги жизни.

Телеграммы для Героя

Полк Матикова занимал один из аэродромов на территории Германии. Утром 10 апреля 1945 года старшего лейтенанта Рогожина позвал на КП оперативный дежурный:

— Рогожин, это ты?

— Да. Что нового?

— Зайди, узнаешь.

А глаза у него такие, точно видит перед собой необыкновенное чудо. Алексей откинул плащ-палатку над входом и шагнул в землянку КП. Дежурный — за ним и с улыбкой, широким жестом показал на стол.

— Смотри.

Алексей увидел какие-то бумаги, похожие на телеграфные бланки, недоуменно оглянулся.

— Ну и что?

— Эх ты, чудак, читай! — И он выхватил из кучи бумаг одну, развернул ее и протянул Алексею. Ничего не понимая, тот стал читать, в глаза бросились скачущие вверх-вниз торопливо наклеенные строчки: «Дорогого земляка, нашего славного туляка поздравляем высокой наградой Родины — присвоением звания Героя Советского Союза. Директор оружейного завода Д. Романов, партком, завком, комитет ВЛКСМ».

Тут только Алексей заметил, что телеграмма адресована на его имя. «Уж не шуточку ли апрельскую подкинули», — подумал он, улыбаясь, не веря еще, что он — Герой. Алексей стал читать одну телеграмму за другой. «Поздравляю боевого друга с присвоением высокого звания Героя Советского Союза. Степан Карнач». Только эта, вторая или третья телеграмма, выхваченная наугад, заставила Алексея окончательно поверить в то, что в жизни его произошло ошеломляющее событие. «Степан шутить не будет». Обернувшись к дежурному, он широко заулыбался, протянул ему бланк телеграммы, сказал:

— Ты смотри, правда!

— А я что, сказки тебе рассказываю? Глянь, сколько их. — Он запустил руку в кучу бумаг, поворошил. — Герой Советского Союза! Это понимать надо! Поздравляю тебя. — И обнял Алексея, стискивая руками его мускулистые плечи, прижался к щеке, тронутой щетинкой. — Побриться надо. Обязательно. В такой-то день!

Будто в кадрах немого кино увидел Алексей весь свой путь от начала войны до этого дня. Увидел оставшихся под Демянском своего первого командира полка майора Козлова и сержанта Лобанова, отдавших жизни за освобождение харьковской земли сержантов Белова и Смирнова, погибших у переправы через Северский Донец младших лейтенантов Мурачева и Горячева, вспомнил бросивших свои машины на стволы артиллерийских батарей Джинчарадзеи Синенкова, своего любимого комэска Героя Советского Союза капитана Александрова, друзей Марьгина, Бутузова, замполита майора Зака и еще многих других кого выхватила, осветила растревоженная память. Рукавом вытерев лицо, Алексей сгреб со стола телеграммы и шагнул к выходу.

Он шел по аэродрому, прижимая их к груди, и улыбался. Давно не было такой радостной, по-мальчишески просветленной озорной улыбки на его тронутом весенним загаром лице. Шел к своему замаскированному штурмовику, стоявшему на опушке небольшой рощицы. А когда его спрашивали, в чем дело, он каждому отдавал телеграмму, принимал поздравления и чувствовал на лице неудержимую улыбку. «Ах, Лешка, Лешка, безвестный ты гостеевский пацан. А теперь — Герой... Мать узнает, вот будет рада...»

Вспомнил, как в августе сорок второго заезжал домой, в Гостеевку. И мать, маленькая, в темном платке, длинноватом плюшевом жакете, увидев его, заплакала. Он подошел к ней, нежно обнял, а она сказала: «Ты живой, сынок...» И поныне он слышит этот голос — столько в нем было радости и боли за него.

Растревоженный воспоминаниями, Алексей подошел наконец к своему штурмовику. На плоскостях лежали горьковато пахнущие с распускающимися почками ветки берез. Алексей сел, прислонившись к колесу, закрыл глаза, покачал головой. К нему подбежал стрелок Алеша Голубев, бросился обнимать.

— Товарищ командир... Золотой вы мой человек! Дайте я вас расцелую.

С минуту они катались по земле, тискали друг друга и смеялись, как дети. Потом встали. Алексей, оправив под ремнем гимнастерку, шагнул к фюзеляжу штурмовика, провел по нему ладонью, стирая налет пыли, сказал:

— Самый младший из моих дружков, спасибо и тебе.

После был митинг. Командир полка Герой Советского Союза подполковник Матиков, стоя у лозунга «Будем воевать, как наши Герои Алексей Рогожин и Анатолий Рыбаков!», поздравил обоих, обнял и расцеловал. Алексей, волнуясь, собрался выступить с речью. И пока шагал по мягкой, идущей в рост апрельской травке, вспомнил тот августовский день сорок третьего года, когда в самый разгар боев под Харьковом выступал на собрании.

— Товарищи! — сказал он. — Мы на Северском Донце были?

— Были! — хором ответили летчики.

— Нас там сбивали?

— Сбивали.

— Так вот, на Шпрее не собьют. Вот и весь мой сказ.

Летчики шумно выражали свой восторг Алексею за такую короткую, оптимистическую речь.

Вспомнил он сейчас о том дне, о том обещании дойти до реки Шпрее, до стен берлинских, а год-то тогда шел сорок третий, — сколько еще трудных воздушных дорог надо было пройти. Но он пришел, прилетел на берега Шпрее.

И теперь, выступая перед строем своего полка, уже повзрослевший, возмужавший, сдержанно поблагодарил за награду и, переведя дыхание, сказал:

— Пока идет война, буду бить фашистскую нечисть, не щадя своей жизни!

Митинг не успели закончить — с КП прибежал запыхавшийся посыльный от дежурного, подскочил к Матикову:

— Товарищ подполковник! Приказано срочно поднять две эскадрильи.

Рогожин и Рыбаков первыми бросились уточнять задание. Выяснилось, что на том берегу Шпрее сосредоточивалась у переправы танковая колонна. Комдив полковник Шундриков потребовал от Матикова уничтожить эту колонну, стремившуюся переправиться на восточный берег и дать бой нашим войскам.

Восемнадцать штурмовиков поднялись в воздух. В зоне ожидания к ним присоединилась группа прикрытия. Тотчас же по радио Алексей услышал голос Карнача:

— Леша, еще раз поздравляю! Жму твою твердую руку! Прием.

Алексей включил передатчик:

— Благодарю!

Карнач радостно ответил:

— Работай спокойно. Прикрою.

Ведущий первой эскадрильи Анатолий Рыбаков вмешался в переключку:

— Прекратите посторонние разговоры, Леша, следи за воздухом. Выходим на цель.

«Вот и первое испытание, — подумал Алексей. — Раньше я был просто летчик. Спрос был один. Теперь спрос другой. Но что бы там ни было, остается одно — драться не щадя себя, до победы».

При подлете к цели небо пронзил неистовый зенитный огонь. В воздухе появились «фоккеры». Четверка «яков» тотчас пошла им навстречу. На вертикалях, в стороне от зениток, закрутилась карусель, забили неслышимые в реве двигателей пулеметы и пушки. А третья эскадрилья, возглавляемая Алексеем Рогожиным, маневрируя, шла сквозь зенитный огонь.

Белые и черные комки разрывов повисли на разных высотах. «Илы» первой эскадрильи заходили на батарею. Обломки металла, комья земли, пыль — все перемешалось на берегу Шпрее. Третья эскадрилья, прорвавшись сквозь зенитный

огонь, уже пикировала на танки. Густо испещрив берег своими приземистыми тушами, они стояли, пофыркивая дымами выхлопных труб, в ожидании очереди у переправы.

Не успели штурмовики стать в круг, как сверху свалились «фоккеры», открыли огонь. Пушечная очередь прошла перед кабиной Алексея, и он спросил по СПУ стрелка:

— Не задело?

— Жми, командир. Цел наш самолет.

— Смотри за хвостом!

Карнач со своими уже взял «фоккеров» под опеку. Два из них, настигнутые «яками», метнулись вверх. Алексей пошел в атаку на танки. Похожие на гигантских лягушек, будто в раздумье рассеявшихся на берегу реки, «тигры» и «пантеры» медленно начали расплзаться. Но слишком тесно было им на небольшом пятачке земли. Они, казалось, терлись друг о друга, разворачивались, стремясь вырваться из-под удара. Алексей, выбрав четыре машины, повернул штурмовик. А снизу была зенитная батарея. Алексей почувствовал глухой удар по центроплану и тотчас же в наушниках услышал голос стрелка:

— Командир, я ранен.

Штурмовик падал. Плоскости, фюзеляж, хвостовое оперение, — все было изрешечено прямым попаданием зенитных снарядов. «Надо, — подумал Алексей, — во что бы то ни стало посадить самолет на живот».

«Ил», постепенно снижаясь, тянул все дальше и дальше от Шпрее, на восток, едва не цепляясь за верхушки деревьев. Наконец выплыла залитая солнцем поляна. Качнулись травы, ветер рванул за кабиной. Удар о землю подбросил Алексея к фонарю. Хватаясь за голову, гудевшую тупой болью, стиснув зубы, он с усилием отодвинул фонарь. «Быстрее, быстрее — что там со стрелком?» Торопливо перевалившись через борт кабины, он глянул на стрелка. Тот сидел, откинув к спинке голову с залитым кровью лицом.

Алексей выволок его из кабины, осторожно опустил на землю и, расстегнув ворот комбинезона, припал ухом к груди. Сердце билось, и Рогожин, радуясь этому, со слезами на глазах, зашептал ему на ухо:

— Ты живой! Слышишь? Живой! Потерпи немного.

Он разорвал индивидуальный пакет, положил голову друга к себе на колено и торопливо принялся перебинтовывать рану. Закончив, он бережно поднял стрелка на руки и пошел через кусты на восток.

Впереди в зарослях застрекотала сорока, послышался хруст сушняка под чьими-то торопливыми шагами. Алексей остановился.

Навстречу ему, перепрыгивая рытвины, бежали два бойца в плащ-палатках с автоматами. Рогожин стоял, чуть покачиваясь, часто дыша. Когда бойцы приблизились, он передал стрелка одному из них и хрипло сказал:

— Ребята, быстрее, помогите. Он живой, надо скорее в санчасть...

А через день, получив новый самолет, Герой Советского Союза гвардии старший лейтенант Алексей Рогожин вел эскадрилью на очередную штурмовку — путь теперь лежал на Берлин.

Примечания

{1}ЗАП — запасной авиационный полк

{5}ПАРМ — полевые авиаремонтные мастерские